

 TURKISTON KUTUBXONASI

www.turklib.com

ТУРКЕСТАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ ЖИВЫХ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

13

ТРУДЫ
ТУРКОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРИЯ

I

К. ИНОСТРАНЦЕВ

ХУННУ и ГУННЫ

(РАЗБОР ТЕОРИЙ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАРОДА ХУННУ КИТАЙСКИХ
ЛЕТОПИСЕЙ, О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ГУННОВ И
О ВЗАИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ЭТИХ ДВУХ НАРОДОВ)

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

www.turklib.uz
www.turklib.ru
www.turklib.com

ЛЕНИНГРАД
1926

*Первому Всесоюзному
Туркологическому Съезду в Баку*

*Туркологический Семинарий
Института Живых Восточных Языков
в Ленинграде*

Туркестанская * www.turklib.ru * Библиотека

От автора.

(Ко второму изданию).

Как можно усмотреть из предисловия к печатному (первому) изданию моей работы, эта последняя была опубликована в несколько измененном, частью дополненном, частью сокращенном виде. Главное различие было по существу в последней, пятой главе — в то время как в рукописи¹ эта глава заключала в себе обзор исторических известий, соображения о происхождении того и другого народа, служивших предметом исследования (Хунну и Гуннов), об их исторической связи, о теориях относительно отдельных частей вопроса, об их имени и потомках, — в печати я ограничился в этой главе лишь приведением и разбором теорий относительно отдельных частей вопроса. Настоящее издание представляет собою перепечатку рукописи так, как она была в первоначальном виде; сделаны лишь самые небольшие дополнения, и вся работа просмотрена и несколько изменена со стилистической стороны. В виде особого послесловия прибавлено обозрение литературы вопроса, появившейся со времени написания рукописи и обнимающей разработку его в XX веке.

Обще-научное значение темы характеризуется в общих чертах в предисловии, а потому в настоящем кратком введении возможно ограничиться лишь указанием на некоторые частности, касающиеся вторичного издания, с упоминанием, что первое издание появилось на страницах журнала Живая Старина за 1900 год (выпуски III — IV, с дополнительной заметкой-рецензией в том же журнале за 1901 г.).

¹ См. отзыв в Отчете о деятельности Петербургского Университета за 1898 г. (издан в 1899 г.).

В виду различия в транскрибировании китайских имен и слов в русской и западно-европейской научной литературе (в первой по северному произношению, во второй — по южному), в тексте проведена транскрипция по тому произношению, по которому вообще печатаются китайские слова и имена в сочинениях, написанных на том языке, на котором эта работа написана. Основное исключение сделано лишь для основного в работе имени — именно имени Хунну (при этом, за исключением упоминания его в цитатах, почти всегда выражаемого слитно — Хунну, не Хун-ну) и его эквивалентов, во-первых потому, что южное произношение, считаемое более древним, надо думать дает и более верную передачу звуковой формы, а во-вторых потому, что такое наименование вообще гораздо более распространено в литературе, касающейся этого народа (и при этом с буквой у, хотя более правильно усматривать в гласной первого слога ю; не столько Хун-ну и Сун-ну, сколько Хюн-ну и Сюн-ну, с носовым и). В цитатах я придерживался по возможности того произношения, которого держался цитруемый автор и при этом не только в словах восточных, но и западного происхождения (напр. «тангри» вм. «тенгри» в моем тексте, «Иорнанд» у тех авторов, которые именуют так этого писателя, вм. «Иордан» у меня).

При обработке второго издания я воспользовался для некоторых немногих деталей любезными указаниями нескольких ученых соответствующих научных специальностей, которым и считаю нужным выразить здесь мою признательность.

В заключение напомним в целях определения научного значения гунского вопроса как в истории Востока, так и во всеобщей и русской истории, что этот вопрос (как и варяжский) принадлежит к числу весьма редких в науке тем, служивших в свое время предметом обсуждения и интереса на специальном публичном диспуте (в Этнографическом Отделе Общества Любителей Естествознания).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая работа является ответом на предложенную Факультетом Восточных языков тему по истории Востока: Критический разбор теорий о происхождении народа Хунну китайских летописей. Из заглавия видно, что целью темы являлся разбор теорий, при чем выражалось желание, чтобы автор, по возможности, старался дать ответ на вопрос о происхождении этого народа.

Прежде чем приняться за исследование источников, мы сочли необходимым решить, насколько эта задача возможна для незнакомого с китайским языком, и пришли к тому убеждению, что решение ее не связано с непосредственным изучением китайских источников. Ведь требовалась критика мнений европейских ученых, а не китайских летописцев, которые не могли создать никаких теорий о принадлежности народа к той или другой расе, к тому или другому племени. Данный вопрос не столько относится к политической или культурной истории какой-нибудь страны или какого-нибудь народа, сколько к истории самой науки и к научной полемике. Это было первой причиной, побудившей нас взяться за попытку ответить на заданную тему.

Кроме того, вопрос о происхождении Хунну тесно связан с вопросом о том, к какой расе и племени принадлежали знаменитые в истории Европы Гунны. Это видно хотя бы из того, что представители всех теорий считают нужным говорить об этой связи между двумя народами. Вопрос же о происхождении

Гуннов относится к области, не только совершенно чуждой синологии, но даже, в известной степени, принадлежащей истории Европы. Итак, если история Хунну относится в значительной степени к истории Китая, а Гуннов — к истории Европы, то вопрос об отношениях одного народа к другому принадлежит истории Средней Азии, как страны, через которую Хунну двинулись на Запад (если эти два народа тождественны) или где Хунну и Гунны столкнулись (если они различны). Вот эта-то связь Хунну и Гуннов, восточной Азии и западной Европы, имеющая чрезвычайно важное значение для истории Средней Азии, и была второй причиной, побудившей меня взяться за эту тему.

Однако, как мы уже сказали, факультету было желательно, чтобы ответ на заданную тему состоял не только в разборе теорий, но также, насколько будет возможно, и в решении этого вопроса. Так как решение это было поставлено по важности на втором месте, за разбором теорий, а кроме того высказывалось только как желание, мы и взяли на себя смелость представить свои соображения и предположения, пользуясь при этом как существующими переводами с китайского, так и доводами, прежде нас высказанными. Мы вовсе не выдаем свои соображения за непреложную истину. По нашему мнению (которое впрочем было и есть наиболее распространенное), невозможно положительно решить этот вопрос при тех средствах, которыми мы теперь располагаем. Можно только представлять доводы в пользу того или другого предположения. Кроме недостатка в необходимом для положительного решения материале, самый этот вопрос о происхождении народа представляет по существу большие затруднения. Не является ли в самом деле одним из самых сложных вопросов в истории Руси или в истории Магьяров — вопрос об их происхождении. В истории Средней Азии, т. е. в истории преимущественно кочевых народов, эти вопросы еще усложняются тем, что там смешения народов происходили гораздо чаще, чем в истории Европы. Если эту последнюю (особенно западную ее часть)

можно уподобить ряду отдельных народных массейнов, только иногда выходявших из берегов и смешивавшихся между собою, то северную, северо-восточную и среднюю Азию (впрочем восточная Европа представляет много сходства с этими частями Азии) можно сравнить с непрерывно бушевавшим народным морем. Отсюда возникает большая трудность определения племенной принадлежности азиатских кочевых народов, побудившая даже некоторых исследователей совершенно отказаться от этнографической классификации и признать только политическую. Из отдельных фактов, способствующих такой путанице, назовем, напр., переход имени победившего племени или рода на всех подданных: победил род Хунну — все делается Хунну, победил род Сянь-би — все делается Сянь-би и т. д. От этого происходит частое изменение имен в истории кочевых народов. Нам кажется, что благодаря именно этим, подчас непримиримым затруднениям и возникла вышеупомянутая теория, отрицающая возможность распределить кочевое население северной, северо-восточной и средней Азии по их принадлежности к той или другой племенной группе. Так как это воззрение касается и нашего вопроса, мы сочли нужным поместить его, как введение, вместе с взглядами тех ученых, которые писали еще до возникновения каких бы то ни было мнений о происхождении Хунну.

Остальные теории основаны на этнографической классификации — вся разница между ними в том, к какой племенной группе относят ученые этот народ. Тут следовательно можно уже классифицировать и сторонников того или другого мнения. Конечно не всегда можно провести строгую границу, не всегда можно мнение ученого отнести к определенной теории; так, напр., если он высказывается по отдельному вопросу, признаваемому одинаково двумя теориями, то он принадлежит и той, и другой. Классификация эта возможна преимущественно в отношении главных представителей.

Хотя теории о происхождении Хунну были уже указаны до нас, однако сторонники их до сих пор не были распределены в ли-

тературе. Теорий этих три: монголизма, турчизма и финнизма Хунну. Мы приведем их в таком, соответствующем времени их появления порядке. В некоторых случаях, при классификации сторонников теорий, мы отступали от общераспространенного мнения.

Быть может, сочинение какого-нибудь исследователя ускользнуло от моего внимания, равно как с некоторыми книгами я не мог ознакомиться, потому что они были написаны на неизвестном мне языке (сочинения венгерских ученых)¹. Однако, думается, что ничего существенного мы не пропустили.

По возможности старались мы воздерживаться от выписок из цитруемых сочинений; но все же нам пришлось провести многие для того, чтобы собственными словами автора подкрепить его мысли. Эти выписки, если сочинение написано на иностранном языке, мы везде представляем в переводе, с указанием страниц подлинника.

Что касается разбора мнений, то тут приходится иметь иногда дело с непреодолимыми препятствиями. В самом деле, как критиковать бездоказательные предположения? Нет доказательств — нет и критики. Поэтому мы иногда обходим молчанием подобные соображения.

В науке бывают иногда вопросы, литература о которых настолько обширна и, вместе с тем, настолько запутана и разбросана, что является время от времени необходимость привести в порядок все высказанные мнения и оценить их значение. Сообразно с требованиями темы, наше исследование и является первой попыткой подобного рода в отношении вопроса о происхождении Хунну и их отношений к Гуннам.

¹ Впрочем, насколько я мог заключить по сочинениям некоторых из этих ученых, переведенным на немецкий или французский языки, напр., Hunfalvy «Ethnographie von Ungarn», в целях изучения отечественной истории их интересовал преимущественно вопрос о Гуннах; относительно же истории Средней Азии они следовали тем или другим мнениям ориенталистов, выраженным в сочинениях, написанных на языках более доступных.

I.

Ученые миссионеры XVIII века и значение их исследований в изучаемом нами вопросе. Дегинь и его история Гуннов. Политическая классификация народов Средней Азии. Дегинь — не сторонник монголизма Хунну и Гуннов. Взгляды Дегиня в новейшее время. Каэн и его сочинение. Несостоятельность политической классификации при решении этнографических вопросов.

История народа, известного под именем Хунну, тесно связана с событиями древней истории Китая и потому естественно, что в первых же сочинениях об истории этого государства, мы встречаемся и с кочевниками, жившими к северу от Средней империи, с Хунну. Первыми работами о Китае обязаны мы миссионерам иезуитам, преимущественно французам. В то время как одни в самом Китае составляли астрономические таблицы и строили обсерватории, изучали китайский язык и его письменность, собирали и переводили летописи и другие сочинения, ездили с одного конца обширной империи до другого и т. д., оставшиеся на родине собирали известия, присылаемые их собратьями, и, издавая их, знакомили европейцев с далеким, неведомым миром. Такие имена, как Вербист, Шаль, Жербильон с одной стороны и Дюгальд с другой — навсегда останутся памятными в истории востоковедения. Истории Китая они уделили много труда, и можно сказать, что их работы до сих пор имеют громадное значение. Здесь мы должны назвать Малья, Амю, Сибо, Гобиля, Грозье и др., которые известны всякому, даже немного знакомому научно с Китаем. Первому, напр., принадлежит лучшая до сих пор в европейской литературе история Китая¹.

¹ В данном случае мы основываемся на мнении нашего покойного историка-синолога проф. С. М. Георгиевского, «Первый период Китайской истории», стр. 185.

Разрабатывая историю Китая, миссионерам невольно приходилось касаться и истории некоторых других народов, входивших в различные сношения с китайцами. Приходилось им касаться и Хунну. Но они занимались ими только попутно, в связи с историей Среднего царства, а не ради самих народов, не для выяснения их происхождения и истории. Этих Хунну они, не сомневаясь, считали Гуннами. Никаких доказательств этому они не приводили — отождествление было основано исключительно на сходстве имен. Вот, напр., как выразился патер Гобиль (*Gaubil, Traité de la Chronologie Chinoise, éd. Sylvestre de-Sacy, 1814, стр. 58*): «Эти Хунну бесспорно те, которых европейская история называет Гуннами». Больше ничего он и не сказал по этому поводу.

Сообщенными этими учеными фактами, с добавлением многих других из китайских летописей, воспользовался французский ученый, профессор Французской коллегии, Дегинь (*Deguignes*). Он задался целью проследить исторический ход переселений народов с Востока на Запад, из Азии в Европу и дать полную историю этих движений. Сначала он высказался в «*Mémoire sur l'origine des Huns et de Turcs*» (Paris, 1748)¹. Затем вышла его четырехтомная «*Histoire des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux*» (1756—58). Главная его заслуга состоит в сопоставлении китайских известий с европейскими. Его отождествление народов, упоминаемых в китайских летописях, с народами так называемого «великого» переселения, за немногими исключениями, вполне удачно и признается до сих пор верным. Но Дегинь жил в XVIII-м веке, когда не существовало многих наук, с которыми в настоящее время история должна считаться. В его время не было ни науки о языке (лингвистики), ни этнографии, ни этнологии. Тогда история только и существовала как собрание летописных фактов, их

¹ Мы к несчастью не могли воспользоваться этой работой, так как ее нет ни в Публичной, ни в Университетской, ни в Академической библиотеках, а выписать оказалось невозможным, так как она библиографическая редкость.

сличение и критика. Из этого ясно, что Дегинь не мог решать некоторых исторических вопросов так, как мы решаем их теперь. В этом конечно, он не виноват — все что он мог сделать, он сделал прекрасно.

Основой классификации народов Средней Азии¹ этот ученый берет не принадлежность народа к известной этнографической группе, а политическое разделение. Поэтому Дегинь и не делает существенного различия между Турками и Монголами. Все обитатели этих частей Азии называются у него вообще Татарами (*les Tartares*) и разделяются на восточных и западных. Первые, по его мнению, тождественны с восточными варварами китайских летописей, а вторые с западными². Восточные Татары по Дегиню те народы, которых мы теперь называем народами тунгузского и корейского племен, как-то: То-ба (*To-ba*), Сянь-би (*Sien-pi*) и др. (т. I, ч. I, стр. 179 — 212). За ними он признает гораздо менее важную роль, чем за Татарами западными, которые и служат главным предметом его сочинения. К ним то и относятся занимающие нас Хунну. На этом основании мы остановимся на них дольше и рассмотрим то, что сообщил Дегинь.

«Римские историки», говорит он, «знали их (т. е. западных Татар) под именем Гуннов и рассказали много басен о происхождении этого народа, не говоря о том, откуда он пришел. В Татарию они назывались Хун-ну (*Hiong-nou*) и основали большое государство, которое было разрушено китайцами. Тогда они рассеялись. Одни пошли на Запад и впоследствии вступили в Римскую империю. Все знают нашествие знаменитого Аттилы. Другие остались на границах Китая и были разбиты только татарами Жу-жень (*Geou-gen*). Некоторые поселились в Китае, где

¹ Под Средней Азией мы разумеем внутреннюю часть азиатского материка, ограниченную с севера Алтаем, с юга — Гималаями и китайской низменностью, с запада — Каспийским морем, с востока — Великим океаном. В таком значении мы и будем постоянно употреблять это имя в нашей работе.

² Дегинь счел, вероятно, это разделение чисто-географическим. Впрочем он нигде в своем сочинении не высказался по этому поводу.

образовали много государств. Они были совершенно обессилены или, по крайней мере, не имели никакого значения в Татарии, когда один вождь этого народа, по имени Ту-мынь (Тоу-шюен) стал во главе многих орд и образовал новое государство. Эти народы назывались тогда Турками. Они завладели всей Татарией». Далее он говорит, что «Чингиз-хан происходил из монгольского народа, составлявшего часть народа турецкого». Вышеприведенные строки, взятые нами из первой части первого тома (стр. 213—215), которая посвящена генеалогическим таблицам государей, правивших в Азии, выражают, по нашему мнению, достаточно ясно точку зрения Дегиня. Мы видимъ, что он строго придерживался политической классификации. При этом Дегинь совершенно верно понял политическую историю кочевых народов Средней Азии. Вот что он сообщил, напр., на стр. 224 I части I тома: «Турецкая орда, получив власть, дала свое имя всему остальному народу, или скорее другие народы знали Гуннов только под именем Турок, как впоследствии Чингиз-хан из орды Монголов был причиной того, что имя Монгол сделалось именем почти всех Татар», или на стр. 367 II части I тома: «Имя Гуннов совсем исчезло, как это обыкновенно бывает у Татар, у которых орда, достигшая власти, всегда дает свое имя всему народу».

Подобные превращения одного народа в другой встречаются там сплошь да рядом. Не зная этого обычая, совершенно нельзя понять истории этих народов. Тогда придется согласиться с тем, что в какие нибудь десять лет народ, занимавший большое пространство, был стерт с лица земли, а на его место водворился новый, до тех пор совершенно неизвестный. Дегинь, первый писавший по этому вопросу, прекрасно понял эти политические превращения, которые остались неизвестны некоторым, значительно позже его писавшим, ученым. Однако, при решении вопроса о происхождении какого нибудь народа невозможно руководствоваться одной политической историей. Поясним это на примере. Мы знаем, что в конце I века по Р. Х. северные Хунну

были разбиты народом Сянь-би, и с тех пор государство их перестало существовать, а возникло государство сяньбийское. Несомненно, что все бывшие хуннские подданные стали теперь подданными сяньбийскими; но значит-ли это, что все население этого государства принадлежало по происхождению к тому же племени; что и народ-победитель? Конечно, нет. Оставшиеся в новом государстве, бывшие властители, северные Хунну принадлежали к другому племени. В политическом отношении т. е. в отношении подданства — они из Хунну сделались Сянь-би, а в этнографическом отношении т. е. в отношении происхождения — они оставались тем же, чем были. Вопрос, который нам нужно решить, бесспорно этнографический: требуется выяснить происхождение народа Хунну, все равно будет ли он победителем или побежденным, господствующим или покоренным. Нам придется говорить еще дальше об этой системе политической классификации. Теперь же вернемся к Дегиню.

Раз мы установили, что этот автор излагает только политическую историю, то очевидно, что он не был ни сторонником монголизма, ни турцизма, ни финнизма. Для него не существует этнографических различий. Это мнение высказывается им неоднократно. Он признает Хунну тождественными и с Турками, и с Монголами¹.

Только одно место во всем сочинении может дать повод думать, что Дегинь признавал некоторое этнографическое различие. В примечании на стр. 114, части II, тома I, он сказал следующее: «Разделение империи Хунну на северных и южных (48 г. по Р. X.) кажется, имеет большое отношение к разделению турецкого государства на Монголов и Татар. Первые —

¹ Приведем некоторые примеры: «Гуины впоследствии носили имя Турок» (т. I, ч. I, стр. 5) «Турки Татарии происходили от древних Хунну» (т. I, ч. I, стр. 225). «История сохранила нам только известие о времени некоторых вторжений этих народов (т. е. Гуинов) или скорее Татар вообще» (т. I, ч. II, стр. 16). «Монголы, по словам всех писателей, особая орда, происшедшая от турецкого народа» (т. I, ч. I, стр. 272) и т. д., см. т. I, ч. II, стр. 13, т. I, ч. II, стр. 368, т. II, стр. 2 и др.

Хунну северные, вторые — южные». Нам кажется, что в данном случае автор не высказал своего убеждения, а только старался примирить турецкие предания мусульманской редакции с историческими фактами, сообщаемыми китайскими летописями. Это мы заключаем из того, что раньше, на стр. 5—12 П ч. I т., он изложил предания, сообщенные Абуль-Гази, в одном из которых говорится, что от общего предка Турка произошли два брата — близнецы, ханы Татар и Монгол. Очень вероятно, что в этом предании содержится какое-нибудь историческое воспоминание; какое — сказать трудно. Заметим кстати, что у Дегиня замечается здесь некоторая путаница. Взяв известие Абуль-Гази, что от Монгол-хана происходят Монголы, а от Татар-хана — Татары, он не выяснил — кто такие эти последние. Сам он назвал Татарями всех жителей Средней Азии — и Турков и Монголов, и Тунгузов и др. Судя же по этому примечанию Татары, по его мнению, только часть Турковъ. На стр. 368 П ч. I т. он, приступая к изложению истории восточных Турков, выводит их, сообразуясь с историей, из северных Хунну, которых он в выше-названном примечании назвал Монголами. Поэтому, на одной и той же странице (368) он называет этих восточных Турков и Турками и Монголами¹. Мы привели это мнение Дегиня для того, чтобы не упустить ничего, что касается в его сочинении вопроса о происхождении Хунну. Однако нельзя придавать большого значения мнению, высказанному мимоходом, в примечании и прямо противоречащему взглядам автора, которые он постоянно высказывал. Наконец, это примечание вовсе не уясняет нам мнения автора о происхождении всей массы Хунну, до их разделения

¹ При полном отсутствии точных данных возникли различные предположения. О. Иакинф Бичурин, также старавшийся согласовать эти известия («Собрание сведений о народах Средней Азии». Введение к первой части, стр. I—II), думал, что от Монгол-хана произошел дом Хун-ну, а от Татар-хана дом Дун-ху. И те, и другие были, по его мнению, Монголы. Вот его слова: «Хунну, по азиатским (он различает китайских и азиатских историков, разумея под последними мусульманских) историкам дом Монгол-хана... Дун-ху, по азиатским историкам дом Татар-хана»... Шмидт (Forschungen, стр. 11) не верил в возможность существования этих ханов.

на северных и южных. По этому поводу Дегинь нигде не выражается иначе, как в той форме, о которой мы уже говорили, т. е. признавая этот народ состоящим из турецких, монгольских, тунгусских и др. орд.

Рассмотрев первую половину вопроса, т. е. мнение Дегиня о происхождении народа Хунну, мы перейдем к воззрениям этого ученого на отношение Хунну к европейским Гуннам. Тождество этих двух народов кажется Дегиню несомненным, как и предшествовавшим ему миссионерам. Можно думать, что к этому отождествлению склонило его сходство имен. Вопрос о происхождении имени Хунну, подавший впоследствии повод к многочисленным спорам, разрешается им очень просто. Сообщив китайские известия о том, что этот народ при императоре Яо, т. е. за 2000 лет до Р. Х. назывался Шань-юн (Chan-yong, т. е. Шань-жуи), т. е. горные варвары, при Шанской династии Гуи-фан (Kuei-fang), при Чжоу: Хянь-юн (Hien-yun), при Ханях: Хун-пу (Hiong-pou), он замечает: «это слово (Hiong-pou) может быть переведено по китайски — несчастные рабы; но я думаю, что это татарское слово, которое китайцы выражали двумя знаками, образующими тот же звук. Это слово изменено, как все иностранные слова, которые они хотят выразить на своем языке. Однако, оно может быть китайское по происхождению; нередко в татарском языке встречаются подобного рода имена» (прим. стр. 13 ч. II т. I). Он, повидимому, не думал, что Гунны образовались сразу, путем единичного случая разделения хуннуской орды, будь то в половине I века до Р. Х. (когда Чжи-чжи, отделившись от Ху-хань-е, пошел на Запад), или в конце I века по Р. Х. (изгнание северных Хунну). Из его слов скорее можно заключить, что это переселение происходило в течение большого промежутка времени, целыми рядами движений отделявшихся от главной орды частей. Так, говоря, как Гунны в конце I века по Р. Х. разбились у Янка (Урала) Аланов, он замечает, что эти последние не всегда жили там, а тоже пришли с Востока, и причину их прихода он видит в смутах, происшедших от расположения Хунну около тепереш-

него Тобольска, во времена Чжи-чжи. Впрочем, главным движением он, кажется, считал переход на Запад части северных Хунну, после их поражения в 93 г. по Р. Х., так как именно с этого года он начинает историю западных Гуннов. Относительно тождества Хунну и Гуннов он совершенно убежден; напр., говоря о разделении Хунну на южных и северных и об удалении последних на Запад, он говорит: «Это те Гунны, которые перешли впоследствии в Европу, в правление императора Валента», (стр. 217, ч. I, т. I).

В заключение мы должны сказать несколько слов по поводу отношения Дегиня к теории монголизма. Некоторые позднейшие ученые¹ считали его создателем теории монголизма Хунну. Выше мы указали на примечание, которое могло дать повод причислять Дегиня к сторонникам монголизма, и говорили, насколько шатко, основываясь только на этом примечании, причислять этого ученого к сторонникам какой бы то ни было теории. Рассматривая вопрос с особой точки зрения, считая Хунну не столько народом, сколько государством — сторонники политическая классификации должны, по нашему мнению, стоять особняком.

По прочтении сочинения Дегиня, нам кажется, можно сделать в отношении нашего вопроса следующие выводы: по мнению этого ученого 1) Хунну было кочевое государство, из которого впоследствии вышло турецкое, а затем и монгольское; 2) Гунны Аттилы — потомки части населения хуннского государства, ушедшей на Запад. Вот все, что по этому вопросу можно вывести из сочинения Дегиня².

Система этого ученого долго не применялась. Когда возникли различные теории, то и Дегиня, не особенно вникая в его

¹ Напр. г. Семенов, на стр. 400 I тома русского перевода «Землеведения Азии» Риттера (СПб. 1850) выразившийся так: «Дегинь, а в настоящее время о. Иакинф, считали Хунну за тождественное с Гуннами Аттилы монгольское племя». Впрочем, он, на стр. 630 того же сочинения, уже изменил свое мнение и считал Дегиня только сторонником тождества Хунну и Гуннов.

² Мнению Дегиня следовали многие историки XVIII века, его современники. Таковы напр. Gray (Annales veteres Hunnorum, Vindobonae, 1761, стр. 1—60) и Гиббон (История упадка и разрушения Римской империи, т. III).

сочинение, стали относить к сторонникам первой по возникновению из этих теорий, т. е. монгольской, не отличая от Палласа, Бергмана и др. От этого пренебрежения книгой Дегвия, может быть, возникли многие ошибки писавших позже, так как, если этот ученый и не распределил народы Средней Азии по расам и племенам, то во всяком случае обладал глубоким пониманием и знанием фактов политической истории. В этом отношении его, может быть, никто не превзошел. За это будет ему благодарен всякий исследователь среднеазиатской истории. Если Дегвиль был сторонником политической классификации народов Средней Азии, то это объясняется тем, что в его время не существовало никакой истории, кроме политической, не было, как мы уже сказали, ни этнографии, ни этнологии, ни лингвистики. Совсем иное отношение видим мы со стороны другого представителя этой же классификации. Любопытно, что сторонником ее непосредственно за первым писавшим по нашему вопросу нужно поставить современного нам ученого, сочинение которого может считаться как бы последним словом науки по древней истории Средней Азии. Мы говорим о французском исследователе Каёи (L. Cahun). Свои взгляды на происхождение Хунну он высказал вкратце в XVI главе II тома Всеобщей истории под редакцией Лависса и Рамбо, подробнее же говорил в специальном сочинении «Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405» (Paris, 1895). Эта книга посвящена истории Средней Азии с древнейших времен до смерти Тимура. В ней, помимо фактов, изложены и собственные воззрения автора на некоторые, не вполне еще выясненные вопросы. Цель наша — только рассмотреть его взгляд на происхождение Хунну. Однако, для ясного понимания этого, нам нужно иметь понятие и о его классификации народов Средней Азии.

Каёи является убежденным сторонником политической классификации. Вот что он говорит, например, о группировке по племенам: «В этническом смысле слова никогда не существовало ни расы, ни даже племени гунского, мадыарского, турецкого,

монгольского или манчжурского, но существовали только политические соединения, носившие их имена». Пример этому он видит в потомках Монголов, завоевавших Россию в XIII веке и говорящих, как и их предки, на турецких диалектах. «Можно распределить», говорит он (стр. 39 — 40): «по группам финно-угорские, турецкие, монгольские, манчжурские языки, но нельзя распределить по расам или естественным видам (*espèces naturelles*); мы видим их, насколько можем видеть в прошлом, только как искусственные соединения, нации»¹. Вопрос расы в этом случае не нужен. Даже имена этих народов при филологическом разборе оказываются не этническими (?) именами, а определяющими образ жизни народа. Так, у Абуль-Гази первые пять турецких народов называются: Кыпчак, Уйгур, Канглы, Калач и Карлук. Кыпчак значит степняк, Уйгуры — люди соединившиеся, т. е. цивилизованные, Канглы — люди повозок и т. д.²

С многими из доводов этого ученого мы, однако, не можем согласиться. Живущие в настоящее время в Средней Азии и Восточной Европе народы, пришедшие в XIII веке с Монголами и говорящие на турецких языках, конечно, потомки турецких народов, пришедших только под властью Монголов. Политически они были Монголами, этнически же Турками. В классификации по племенам с нас даже достаточно лингвистических признаков. Мы называем Турками народы, говорящие по-турецки, а Монголами, говорящие по-монгольски³. Мы согласны, что в Средней Азии более частое, чем в других странах изменение политических групп способствовало изменению и скорейшему исчезновению племенных черт, и ничего не имеем против утверждения нашего автора, что «взаимное проникновение народов, прина-

¹ Он употребляет не слово *peuple*, а *nation*, нацию, народ как государство.

² Н. А. Аристов. (Заметки об этническом составе тюркских племен, Живая Старина, 1896) прямо отказался, в виду общего признания важности и возможности этнографической классификации, опровергать мнение г. Каёна, что эта классификация невозможна.

³ Мы отлично знаем, что возможно усвоение народом чуждого языка. Но это исключение, а мы говорим об общем правиле.

длежащих к финно-угорской, турецкой, монгольской и манчжурской группам, очень древне и если не доказывает единства, то, по крайней мере, остается свидетелем продолжительных и часто повторявшихся сношений», но не считаем возможным отрицать распределение этих народов по племенному происхождению. Впрочем, Каён признает одно этническое имя, это имя — Турок. Вот тут то он и касается вопроса относительно древнейших обитателей Средней Азии. «Древнее имя, которое Китайцы давали предкам Турков, было Хун-ну. Это слово не имеет ни этнического, ни национального характера; оно ни турецкое, ни монгольское, а китайское и очень древнее» (46). А вот как наш автор говорит об отношениях Хун-ну к Гуннам: «Когда искали происхождение Гуннов, т. е. того народа, который пришел в Европу под предводительством Аттилы, тратили попусту время, чтобы доказать, что эти варвары были или не были то же самое, что Хун-ну, о которых говорят Китайцы; это напрасный спор и поиски за решением задачи, которая не имеет решения. Мы можем сказать наверно, что все Турки были Хун-ну, но мы не можем сказать, чтобы все Хун-ну были Турки. Если давать Хун-ну общий смысл, который давали этому имени Китайцы до II века, то Гунны были Хун-ну, как Турки, Монголы и Манчжуры, но среди Гуннов Аттилы были еще другие этнические элементы, как позже среди Монголов Чингиз-хана» (47). Вот мнение Каёна о происхождении Хун-ну. Тут прежде всего возникает вопрос, почему этот исследователь считал Хун-ну чисто китайским словом и не хочет считаться с прежде высказанным мнением, что слово это китайская транскрипция туземного имени? Мы знаем, что многие ученые разделяли это воззрение на происхождение слова Хун-ну. Главная же ошибка заключается в том, что Каён думает, будто Китайцы давали этому имени общий смысл. Достаточно прочесть те переводы из китайских летописей, которые приведены у Иакинфа в начале первой части «Собрание сведений о народах Средней Азии», чтобы увидеть, что под Хун-ну китайцы разумели народ, обра-

зовавший обширное государство с определенными законами и единым государем, а не беспорядочную массу различных племен ивродцев, бродивших где то на севере. Как мы увидим ниже (см. главу V), Китайцы придавали этому имени совершенно особенный смысл и отличали их от некоторых других варварских народов, живших к северу от границ их государства, напр., от Дун-ху). Мы слишком мало знаем древнюю этнографию северо-восточной Азии, чтобы иметь право отрицать, что некоторые части турецкого племени даже в ту отдаленную эпоху могли удалиться от границ Китая и Монголии, центра могущества Хун-ну. Каёи утверждал, что среди Монголов Чингиз-хана находились самые разнообразные этнические элементы, однако он и сам не будет отрицать, что во главе государства стоял народ, говоривший монгольским языком. И относительно Хун-ну нужно решить вопрос, какое племя у них играло ту же роль, что в Монгольском государстве Чингиз-хан и его родичи. Нам нужно решить, какое племя являлось господствующим в этом государстве, создателем его. Однако Каёи видимо не считает Хун-ну праалтайцами, общим собранием угро-финских, турецких, монгольских и тунгусских племен, еще не разделившихся на отдельные группы. Это мы заключаем из того, что он считает титул хуннского государя «тенгри-кут» турецким (88). Он не задается вопросом, отчего это хуннские государи получили турецкий титул, а ведь этот вопрос напрашивается сам собою. Далее, как примирить единую власть хуннского государя с этой смесью племен и народов, какой является Каёиу народ Хунну? На это в сочинении нашего исследователя нет ответа.

Итак, при строгом проведении политической классификации неизбежно надо прийти к некоторым непримиримым недоразумениям. Только при признании влияния политического положения, но основываясь на этнографической классификации, можно решать вопросы о происхождении народов.

II.

Теория монголизма Хунну и Гуннов. Разделение ее сторонников на две группы. Мнение Палласа и Бергмана; разбор их. Своеобразное мнение Амедея Тьерри. Исследование Шмидта и работы о. Иакинфа Бичурина. Разбор их. Нейман и обобщение мнений сторонников теории монголизма. Разбор его сочинения.

Хоуорс и возобновление теории монголизма. Значение этой теории.

Первая по времени теория о происхождении Хунну и их связи с Гуннами была теория монголизма. Она, в лице своих представителей, распадается на две группы. Одни исследовали вопрос о Гуннах и о возможности их азиатского происхождения, считая этот народ Монголами. Другие занимались вопросом о Хунну, оставляя в стороне Гуннов. После того как представители обеих групп высказали свои взгляды, явилось стремление обобщить их и таким образом свести к общим выводам полученные в частности результаты. Это обобщение особенно интересно своим взглядом на связь Гуннов с Хунну. Распадаясь на две группы, теория эта является однако единой, проводящей мнение, что и народ, кочевавший к северу от Китая и орда «Бича Божия», принадлежали к одному и тому же племени, были близкими родственниками по крови. При нашем изложении мы будем придерживаться порядка этой группировки. Сначала изложим мнение сторонников монголизма Гуннов и разберем их, затем доводы сторонников монголизма Хунну с их разбором и, наконец, обобщение с указанием на значение и недостатки этой теории.

Через двадцать лет после появления труда Дегина высказался первым по поводу происхождения Гуннов известный естествоиспытатель Паллас. Он совершенно не касался вопроса о китайских Хунну и их происхождении. Его замечания касаются исключительно европейских Гуннов, относительно монголизма которых он первый высказал убеждение. Сочинение его, озаглавленное «Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften», состоит из двух частей и посвящено истории и быту монгольской группы (собственно монголов, бурятов.

калмыков), так называемых «алтайских народов». Источниками ему служили сочинения, написанные по-монгольски, происхождение которых, как известно, сравнительно очень позднее, да которые к тому же окрашены ультра-буддийским направлением. В начале первой части (появилась в 1776 году), Паллас излагал древнейшую историю Монголов, коснулся мимоходом вопроса о происхождении тех страшных Гуннов, которые грозили Западной Европе в V в. Так как он высказался об этом в немногих словах, то мы и считаем возможным привести буквально то, что он написал. «Олты, именно та ветвь монгольского народа, которая известна в Западной Азии и Европе под именем Калмыков. По древнейшим сказаниям этого народа задолго до Чингизхана самая большая и могущественная часть его совершила поход в Малую Азию и исчезла там близ Кавказа. Очень может быть, что это сказание говорит о древних Гуннах, безобразии и отсутствие бороды у которых, описанные у Аммиана Марцеллина, равно как и указываемые их древние местопребывания на севере от Китая не могут относиться ни к какому другому народу в Восточной Азии, кроме как к Монголам, их братьям Бурятам и, пожалуй, к Тунгузам; современные же Калмыки имеют более богатую растительность, чем те племена, живущие на Востоке» (стр. 6). Далее он говорит, что оставшиеся на родине Олты получили от своих соседей Татар прозвище «Калимак (т. е. оставшиеся позади)». Вот и все, что Паллас сказал о Гуннах. То же самое повторил он в своих «Reise in den Kaukasus und nach Georgien», т. I, стр. 162. Из вышеприведенного мы можем видеть, что его мнение высказано в виде догадки. Само сочинение посвящено собственно совсем другим вопросам, чем происхождение Гуннов, а потому от него нельзя и требовать специального изучения этого вопроса. Однако его предложение подверглось критике именно со стороны представителей теории турцизма. Об этом разборе мы скажем несколько дальше.

Почти одновременно или немного позже писали о Гуннах Тунман (Thunmann) в «Untersuchungen über die Geschichte der

östlichen europäischen Völker, 1774, Leipzig, I¹ и Энгель (Engel) в «Geschichte des Ungarischen Reichs und seiner Nebenländer», 1797. Но они занимались только политической историей Гуннов и не говорили об их происхождении. Поэтому мы от Палласа перейдем прямо к Бергману.

Сочинение этого исследователя «Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803» вышло в Риге в 1804 г. Оно состоит из ряда писем с пути и отдельных статей по различным вопросам истории, этнографии, религии Калмыков. По занимающему нас вопросу Бергман высказался специально в особом письме — именно четырнадцатом. Поэтому мы и обратим исключительно на него наше внимание. Он занялся только вопросом о происхождении Гуннов, а потому и должен быть отнесен к той же группе исследователей, что и Паллас. Этому последнего Бергман совершенно справедливо, по нашему мнению, считает основателем теории монголизма Гуннов. «Г. Паллас», говорит он (т. I стр. 125), «насколько я знаю, впервые выставил остроумную гипотезу, что древние Гунны, которые наводнили значительную часть Европы, были монгольские народы. Наружность Гуннов, равно как и предание о бывшем действительно движении калмыцких орд на Запад, побудили к этой гипотезе знаменитого автора». Далее Бергман указал на источники о Гуннах, именно на известия Аммиана Марцеллина, Прокония и Приска, оставивших подробное описание жизни и обычаев этого народа, равно как и упоминание различных гунских имен. По его мнению Гунны имеют много общего с Калмыками. Относительно тех и других были распространены те же самые заблуждения. Например, утверждали, что Гунны клали под седла мясо, употребляемое ими в пищу — то же говорили и о Калмыках. На самом же деле мясо это кладется для того, чтобы лечить ссадины

¹ Статья Тунмана «De Chunis, Suis, Hunnis et Sumanis» (помещена в Acta societatis jablonovianae 1773), указанная Голубовским (Печенеги, Торки и Половцы; об этом сочинении см. ниже), не только ничего не говорит о происхождении Гуннов, но и истории их касается очень мало.

на сивнях лошадей. Говорили, что Гунны предаются людоедству — Калмыки до сих пор распространяют это про себя, чтобы устрашать врагов. Паружность Гуннов, описанная этими писателями (маленький рост, широкая грудь, небольшие глаза, тупой нос и др.), сходна с паружностью вообще монгольских народов. По словам Прокопия, Гунны оставляли на голове только чуб и носили одежду с рукавами, широкими у плеч и узкими у кистей рук. И то и другое — отличительные черты Калмыков. Обычай при дворе Атиялы, описанный Приском, совершенно тождественным с обычаями существующими у Калмыков — награбленное богатство лежит в отдельном месте близ лагеря, послы сидят по сторонам князей и пр. Бергман замечает даже недостатки общины Гуннам и Калмыкам, напр. нерешительность. Самое же очевидное и убедительное доказательство тождества Гуннов и Монголов наш автор видит в собственных именах. Иорнанд (так пишет Бергман, как и все почти исследователи до последнего времени, вместо правильного Иордан) называет отца Атиялы Мунцаком (Muntzak). Слово это составлено из «му» дурной и «цак» время. Не так давно, говорит он, жил на берегах Волги калмыцкий князь с этим именем. Имя Атиялы или Этцель тождественно, по мнению Бергмана, с Атель, что значит Волга. Денцик или Денцик (Dentzik, Dentzuk) тождественно с именем божества у Монголов. Эмедзар (Emedsar), более правильно может быть Эмникзар (Oemnikzar), значит по-монгольски «дикий бык», Уто (Uto) — длинный, высокий. В толковании слова Калмак Бергман не согласен с Палласом. Этому слову он дает смысл «отступники», а не «оставшиеся позади». Он полагает, что Татары (Турки) и Монголы имели общую религию (под этой общей религией он, вероятно, разумеет шаманизм). Когда Монголы приняли буддизм, то стали отступниками, т. е. Калмыками. Те же Монголы, которые не приняли буддизм, и не назывались Калмыками.

Приступая к разбору теории монголизма Гуннов, мы, прежде чем представить собственные замечания, считаем нужным привести возражения, сделанные до нас и притом лицами, с мнением

которых по этому поводу необходимо считаться. Нужно заметить, что эти возражения настолько убедительны, что во многих отношениях совершенно подрывают авторитет этой теории, и мы, со своей стороны, не можем иногда найти лучшего возражения, как повторение высказанного до нас. Известный французский монголог Абель Ремюза в своей книге «Recherches sur les langues tartares», Paris, 1820) на стр. 245 — 6 привел гипотезу Палласа, выразился так: «Прежде чем принять это мнение, мне кажется необходимым расследовать, как называются Малая Азия и Кавказ в монгольских книгах, которые могли быть написаны самое раннее при Чингиз-хане через много столетий после экспедиции, о которой идет речь». Он считает возможным весьма ранние переселения монгольских народов на Запад, но думает, что трудно узнать, что с ними случилось и как называются те страны, куда они пришли. Относительно предполагаемого тождества Гуннов и Монголов, высказанного Палласом и Бергманом, он выражает сомнение на том основании, что собранных до сих пор материалов совершенно недостаточно и нужно еще исследовать многие сочинения, касающиеся происхождения Гуннов. В частности Ремюза остановился на производстве слова Калимак. Относясь скептически ко всем словопроизводствам Абуль-Гази, он указывает на то, что Калмыками называются Монголы, ушедшие вперед, а не оставшиеся позади. Заметим, что самое производство слова Калимак, столь различное у Палласа и Бергмана, точно не установлено¹. Даже сторонники монголизма Гуннов оставляют в стороне это сопоставление с Калмыками. Так Шмидт в своих «Forschungen» на стр. 48 заявляет, что это слово татарское, самим Монголам непонятное, а Нейман на стр. 16 своего сочинения «Die Völker des südlichen Russlands» тоже высказывается против этого отождествления. Приведя предание, сообщенное Палласом, он выражает мнение, что в этом предании

¹ Ср. производство этого имени у Пешеля, Народоведение, русск. перев. 1890 г., стр. 388.

«очевидно смешаны» древние переселения Калмыков с более поздними Гуннов¹. Итак мнение Палласа, высказанное мимоходом и, по мнению известного монгололога, основанное на неправильном понимании текста, не заслуживает внимания. Теперь перейдем к Бергману.

Тут мы должны сказать, что общность обычаев Гуннов и Калмыков, как доказательство их тождества, не может быть принята. Вспомним только, как не так давно некоторые ученые именно на основании сходства обычаев считали Гуннов славянами. Вообще это сходство не кажется нам убедительным для признания двух народов за один и тот же. Если уже между Славянами, которые являются в истории оседлыми, и Гуннами, которые в IV и V веках были отчасти кочевым, отчасти полукочевым народом, находят общие обычаи, то как же должны быть схожи обычаи двух кочевых народов, жизнь которых сложилась под всеуравнивающим влиянием степи. Неужели можно говорить, что Гунны и Калмыки один и тот же народ, только потому, что относительно тех и других были распространены те же самые заблуждения? Разве можно утверждать, что два народа тождественны потому, что носят чубы? Впрочем кажется, что эти доводы на основании сходства обычаев не убедили многих, так как о них больше и не говорили². Больше внимания обратило на себя указанное Бергманом сходство физического типа Гуннов и Калмыков. О нем позже говорили и естествоиспытатели. Так, академик Бэр, отрицавший искусственное изменение черепа у гунских младенцев, о котором сообщил Аполлинарий Сидоний, а за ним и Ам. Тьерри, считал главное ядро этого народа — чи-

¹ Дело в том, что Нейман признает в народе «лысоголовых» Геродота-Калмыков «ветвь далеко распространенного монгольского народа». Он приводит известие о том, что в глубокой древности эти Калмыки перешли с Востока на Запад и расположились у Кавказа и в Малой Азии, т. е. то самое предание, которое привел Паллас.

² По поводу заключения о родстве народов на основании сходства обычаев см. слова А. Гумбольдта, цитованные в «Geschichte der Völkerwanderung» Пальмана, стр. 88.

стыми Монголами (см. стр. 45 статья *Die Makrocephalen im Boden der Krym und Oesterreichs*, § 6, *Ob die verbildeten Köpfe von den Hunnen stammen?* помещенной в *Mémoires de l'Académie imperiale des sciences de St. Petersburg*, VII série, II tome, № 6). Однако, в настоящее время пришли к убеждению, что так называемый монгольский тип у восточно-турецких и восточно-финских племен выражен несколько не менее резко, чем у собственно Монголов¹. Западные Финны и османские Турки не особенно резко выражают монгольский тип, но если мы возьмем какого-нибудь Вогула (этот народ, как известно, принадлежит к угро-финскому семейству) или Каракиргиза (турка), то они по наружности не будут особенно отличаться от Монголов. Потому при пересмотре вопроса о Гуннах антрополог проф. Анучин, возражая Иловайскому, считал этот народ не арийцами, а урало-алтайцами, не относя его, однако, по физическому типу ни к одной из групп этого племени (см. Труды этнографического отделения Московского Общества любителей естествознания, 1886, VII, 37 заседание). Еще Клапрот высказался по поводу отождествления Гуннов и Монголов на основании сходства физического типа. Он сказал следующее на стр. 239 своих «*Tableaux historiques de l'Asie*» (Paris, 1826): «Эти описания могут быть применены ко многим народам северной Азии; к ним подходят как Вогулы, Самоеды и Тунгузы, так и народы монгольского племени». Итак, сходство физического типа не достаточно для отождествления Гуннов с Монголами. Совершенно оставляя такое бездоказательное мнение, как заключение о тождестве Гуннов и Калмыков из общего им недостатка, мы перейдем к лингвистическим доводам Бергмана, которые сам автор считал наиболее вескими. Однако эти доводы были опровергнуты Клапротом (цитов. соч., стр. 241). Справедливо напад на произвольные со-

¹ На близкую связь между монгольскими, финскими, турецкими, самоедскими, тунгузскими, северо-восточно-сибирскими и северо-американскими племенами первый указал известный датский филолог Раск. Многие авторитетные ученые согласились с этим; см. Кастрен, *Reiseberichte und Briefe*, стр. 10.

поставления имен и слов, сохранных нам древними авторами от языков исчезнувших народов, со словами первых попавшихся языков¹; он считает невозможным производить имя Мунцак от «му» и «цак», потому что оно пишется Mundiukhos и Omundios, из чего видно, что среднее «и» коренное и его нельзя произвольно выбрасывать. Слово Атель вовсе не значит Волга, а просто — большая река (такое значение имеет это слово у казанских татар, киргизов, башкиров и чувашей). Совершенно неверным считает он сравнение божества Денцук с импем Денцик. Божество это буддийское, а Монголы приняли эту религию в XIII — XIV веках. Как же, спрашивается, могло быть у них имя буддийского бога в V веке? ². С этии возражениями Клапрота согласился позже и F. H. Müller (*Der Ugrische Volksstamm*, 1837, т. I, стр. 88). Говоря о том, что имя Волги Итель или Итиль — турецкое, он считает неосновательным мнение Бергмана и отвергает его. Кроме этих двух ученых, восстал против доводов Бергмана и Венелин (*Древние и нынешние Болгары*, т. I, 1829, стр. 166). Он же справедливо указывал и на несостоятельность доказательств этого ученого, основанных на сходстве обычаев и физического типа. Мы со своей стороны должны сказать, что считаем лингвистические доказательства такого рода, какие приводил Бергман, только вспомогательными и совершенно недостаточными, как единственный довод в пользу принадлежности народа к тому или другому племени. Самостоятельного значения придавать им нельзя. Мы в данном случае не говорим, разумеется, об остатках народной письменности (каковы напр. Орхонские надписи) — их значение для истории чрезвычайно важно. Если мы будем иметь что-нибудь подобное в истории Гуннов и Хунну, то вопрос о происхождении этого народа будет решен бесповоротно. Недостаточными для решения мы считаем отдельные

¹ От чего впрочем не свободен и сам Клапрот.

² Не защищая тождество Денцука с Денциком, надо сказать, что в V веке у Гуннов могло быть буддийское божество.

слова и имена, дошедшие в транскрипции на языках других народовъ.

Рассмотрев гипотезу Палласа и доводы Бергмана в пользу монгольского происхождения Гуннов и специально их тождества с Калмыками, мы пришли к убеждению, что их мнения уже достаточно опровергнуты, так что те, которые желают видеть в Гуннах Монголов или Калмыков, должны привести новые доказательства, а не ссылаться на двух вышеприведенных ученых — их взгляды и доказательства в настоящее время не выдерживают критики.

Несколько других, хотя и близких к двум вышеупомянутым ученым, воззрений придерживался известный французский историк Амедей Тьерри. Так как он писал значительно позже Палласа и Бергмана, тогда, когда появились и получили большое распространение другие теории о происхождении Гуннов, то, высказывая свои взгляды, он должен был считаться с воззрениями других ученых. Его своеобразное мнение, хотя и не высказанное так положительно в пользу монголизма, как мы видели это у Бергмана, все-таки должно быть причислено к этой теории. Высказал он его в своем двухтомном сочинении: «Histoire d'Attila et de ses successeurs (Paris, 1856). Излагая историю великого гунского завоевателя, он должен был коснуться вопроса о происхождении его народа. Этому он посвятил несколько страниц своего сочинения (6—9 I тома), при чем высказал свое мнение только как предположение. Говоря о населении Восточной Европы во время появления Гуннов и специально о Финнах, он заметил следующее: «На Востоке имя Финнов исчезло, уступив место названиям союзов, которые, образовавшись около Урала, действовали то на Европу, то на Азию, чаще на последнюю. Самым знаменитым из этих союзов был, кажется, союз Khounn, Hounn или Гуннов, который покрывал своими ордами оба склона Уральского хребта и долину Волги». Далее, сообщив известия Птолемея и Дионисия Периегета об этом народе, он передал то, что история сохранила нам о внутреннем устройстве Гуннов. Они разделялись на две

большие группы, при чем принадлежащие к восточной или каспийской назывались Белыми Гуннами, а к западной — Черными. Тьерри по этому случаю высказал предположение, что «гунское владычество простиралось к Востоку на народы турецкого племени, а к западу — на Финнов и, по весьма вероятной гипотезе, господствующее племя было монгольское, более резко выражающее физический тип азиатов, чем Финны. Действительно, история рисует нам Аттилу и часть гунского народа с типичною калмыцкою наружностью». Наружность Аттилы он считал, судя по сохранившемуся описанию, скорее монгольскою, чем восточно-финскою. Далее он привел известие Аполлинария Сидония о том, что Гунны искусственно безобразили своих детей (вдавливали нос, придавали черепу острую форму и т. д.). Объяснение, которое дают этому древние писатели, т. е. что Гунны делают это для того, чтобы шлем сидел крепче на голове, Тьерри считал не заслуживающим внимания. Он скорее думал, что, так как Монголы были господствующим племенем, то их наружность считалась аристократическою, и потому подданные старались искусственно приблизиться к господствующим — вот причина изменения их наружности.

Итак, считая уральских Гуннов в массе Финнами, он примкнул к второй и третьей теориям. Но господствующее племя он считал монгольским, а так как для нас важно узнать, каково было ядро народа, то мы и относим его к теории монголизма.

В предисловии мы уже сказали о нашем отношении к мнениям, выраженным в виде предположений или догадок. Тьерри высказался именно в такой форме. Он, напр., утверждал, что Аттила имел чисто монгольскую наружность и не походил на восточного Финна. Мы же выше сказали, что в настоящее время считают почти невозможным указать на различия между типами монгольским, восточно-турецким и восточно-финским. Однако на этом различии Тьерри строит целую гипотезу о верховном владычестве монгольского племени. Что касается до искусственного изменения Гуннами наружности своих детей, то против предположений Тьерри

по этому поводу возражал еще Бэр (в названной выше статье). Дело в том, что единственный сообщивший об этом был Аполлинарий Сидоний, тогда как ни Аммиан Марцеллин, ни Иордан, ни Приск не говорят об этом. Вот почему к этому известно надо относиться с большой осторожностью, и вполне понятно задать вопросом — не является ли это сообщение попыткой объяснить до тех пор совершенно неизвестную западным народам наружность Гуннов. Вообще нужно сказать, что догадки этого ученого, равно как и его воскрешение теории монголизма не основаны на точных данных, а потому, как прежде, так и теперь не имеют и не имеют серьезного научного значения, и если иногда встречается в литературе упоминание о его мнении по данному вопросу, то это объясняется, думается нам, доступностью и популярностью вышеупомянутого сочинения¹.

Перейдем теперь ко второй группе сторонников теории монголизма, именно к тем, которые доказывают монголизм Хунну. Первым сторонником монголизма Хунну явился монголог Шмидт в своих «Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter, St. Pet., 1824». Это сочинение, как видно из заглавия, касается различных вопросов истории Средней Азии. Хунну и Гуннам посвящено около тридцати страниц (39—67). Будучи ориенталистом, Шмидт обратил внимание на сочинение Дегиня, с критики которого он и начал свое исследование о Хунну. Большим недостатком этого ученого считал Шмидт воззвание им монгольского языка. «У Дегиня», говорит он: «Монголы являются турецкой ордой». Не понимая системы классификации этого ученого, Шмидт ближайшей причиной этого заблуждения считал мнение, будто Ту-киуй (Tu-kiuei)

¹ Относя Тьерри к сторонникам монголизма, мы не можем сделать того же в отношении Уйфальви, хотя Сейус (Sayous «Les origines et l'époque rayenne de l'histoire des Hongrois», стр. 80) и считает мнения их тождественными, потому что оба они считали Гуннов «находившимися под монгольским влиянием». Однако на это влияние они смотрели различно.

были Турки. На основании китайских летописей заключали, что Хунну (Hiongnu) или Сунну (Siunnu) Ханьской династии и Ту-гю Тапской были один и тот же народ. Из этого, по мнению Шмидта, и получилось, что «Ту-гю были Турки, более ранние Хунну тоже Турки, и позднейшие Монголы — турецкая орда». Единственным доводом в пользу турцизма Ту-гю считает Шмидт предание, по которому этот народ получил свое имя от горы, имевшей форму шлема, слова, которое на их языке называется ту-гю (в китайской транскрипции). В османском языке шлем называется «такья»; из этого заключили, что Ту-гю и Турок — одно и то же. Но Шмидт задается вопросом (стр. 41): каким образом Турки приняли китайский выговор в слове, бывшем их народным именем и выпустили звук *p*. Он более склонен видеть в транскрипции Ту-гю монгольское слово «тулга» или «дулга», которое тоже значит шлем. Если выпустить звук *л*, который в конце слога так же труден Китаичам, как и звук *p*, то получится эта самая транскрипция. Поэтому Шмидт высказал убеждение, что и Ту-гю, и Хунну вовсе не были Турки, а чистые Монголы. Еще более убеждает его в этом то, что изложение в истории древних Хунну у Дегиня вполне тождественно с древнейшей историей Монголов в сочинении Иакнифа (История о Монголах от древнейших времен — другое название его сочинения «Собрание сведений и т. д.»). Кроме того, сходство видно и в обычаях — Хунну, как и современные Монголы, делилась на два крыла: правое и левое. Известно, что по преданию Гуннам указала дорогу через Меотийские болота (Азовское море) лань. Шмидт указал на сходство имени этого животного с именем жены мифологического родоначальника Монголов Бюрте-Чино (Bürtä-Tschino) Марал (лань) и еще с тем, что по китайским известиям в 967 г. до Р. Х. Чжоуский князь Мувань отправился в поход на монгольское (?) племя Цюань-шунь и взял в дань 400 шкур белых волков и 400 шкур белых оленей. «Везде здесь мы открываем Бюрте-Чино и Гоа-Марал в монгольском значении их имен», добавляет Шмидт. Сделав это неожиданное открытие, он в самом имени Хунну видит связь с монголь-

ским мифическим зверем. Он указывает на то, что в северо-китайском говоре гортанные звуки южного произношения заменяются шипящими. Так северное Ся (имя династии) равно южному Хя, Бедзин-Пекин и т. д. Поэтому южное Хунну или Хюнну (Hiongnu, Hiungnu) равно северному Сунну или Сюнну (Siounu, Siunnu). По монгольски слово Чино (Tschino) выговаривается во всех диалектах Чюно (Tschiuuo) или Чюнно (Tschiuunuo). Таким путем он сближает китайское Сюнну с монгольским Чюнно. Самый титул хуннских государей (по Дегиню Цен-ли-ко-то, Tseng-li-ko-to, по Ремюза Тангри-куту, Tangri-kutu) он считает тождественным с титулом Чингиз-хана Суту Богдо (Ssutu Bokdo), так как по вышеуказанному правилу Суту равно Куту. Это слово, по мнению Шмидта, ни в монгольском языке, ни тем менее в турецком, не значит сын. «Суту» значит по монгольски «правильное перо». Богдо же и Тенгри (небо) почти одно и то же; да кроме того в некоторых монгольских книгах хаганы прямо называются «тенгри». Перейдя затем к Европейским Гуннам, он заметил, что некоторые ученые (кто именно — он не говорит), сообразуясь с описаниями наружности и обычаев Гуннов, оставленными Аммианом Марцелином, Иорнандом и Прокопием, признали их за Монголов, а Бергман пошел еще дальше и с большим основанием, по мнению Шмидта, утверждал, что гунские имена — монгольские. Соглашаясь с производством имени Аттилы, он считает ошибкой производство имени Мунцак от «му» и «цак». Это слово, по его мнению, то же что и однозвучное с ним и до сих пор употребляющееся у Монголов и значащее: круглый, шарообразный предмет, или же это слово близко к «мунца», которое значит: клин. Он думает, что и многие другие, приводимые древними авторами имена можно объяснить монгольскими словами: Так, Донат (Donat) равно Доной (Donoi), Каратон (Caraton) — Харату (Charatu), Бледа (Bleda) или Буда (Buda) — Бода (Boda), что значит личность или Будун (Budun), что значит туман, Баламир (Balamir) — Баламбар (Balambar), Элак (Ellak) — Алак (Alla), Субгар (Subthar) — Субдара (Subdarra) и т. д. Вообще Шмидт вполне доволь-

ствуется тем, что говорил о происхождении Гуннов Бергман, и считает их Монголами.

Сходных со Шмидтом взглядов придерживался и известный русский синолог Иакинф Бячурин. Он писал по этому вопросу сначала в «Записках о Монголии» (СПб. 1828), потом в «Собрании сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (СПб. 1851). Этот ученый, прекрасный знаток китайского языка, к несчастью не обладал историческим талантом. По его мнению Средняя Азия всегда была населена теми народами, которые населяют ее теперь. Переводя из китайских летописей известия о кочевых народах, живших к северу от Китая, он довольствовался только переводом, не критикуя и не проверяя данных, сообщаемых этими летописями. При таком способе работы все написанное им по истории замечательно главным образом как собрание материалов, а не как научные исследования. Мы начнем с первого из упомянутых сочинений, во-первых потому, что оно появилось раньше, а во-вторых потому, что в нем Иакинф сообщает больше собственных взглядов, чем во втором.

«Записки о Монголии» разделены на четыре части. 1-ая — дневник поездки автора от Пекина до русской границы, 2-ая — географическое и статистическое описание Монголии, 3-ья — собрание исторических сведений (в пересказе по китайским летописям), 4-ая — излагает уложение, по которому китайцы управляют теперь Монголией. По предмету нас занимающему более всего данных находится в третьей части, хотя некоторые замечания можно найти и во второй. Как синолог и историк северо-восточной части Азии, Иакинф касался только истории Хунну. «Более нежели за двадцать веков до нашей эры скитался уже монгольский народ со своими стадами по пустыням, сопредельным северному Китаю», говорит он (т. II, стр. 1), верный своим взглядам относительно неизменности состава народов, населявших Среднюю Азию¹. Неизвестным как предшественникам, так и не-

¹ Здесь заметим, что Иакинфу принадлежит верное мнение, которое мы видим уже у сторонников политической классификации — Дегиня и Касиа, мне-

которым писавшим после Иакинфа, остался тот факт, что Хунну в 15 г. по Р. Х. получили предложение от китайского императора Ван-Мана переменить свое имя на Гунну. «Хунну, по китайски Хун-ну или Сюн-ну, значит: злой раб, а Гунну значит: почтительный раб. Итак Хунну с 15 г. по Р. Х. начали называться Гуннами» (т. II, стр. 34, прим.). Следовательно, по мнению Иакинфа, отделение орды Чжи-чжи от Ху-хань-е, случившееся в 51 году до Р. Х., произошло до этого переименования, тогда как распадение на северных и южных (48 г. по Р. Х.) было уже позже¹. Что касается участи северных Хунну после их поражения Сяньбийцами (92 г. по Р. Х.), то часть их, по мнению Иакинфа, подчинялась новым победителям, а другая, сначала поселенная рядом с южными Хунну по южную сторону Великой стены, ушла оттуда и после ряда странствований и остановок у Урумчи, в Тарбагатае и Восточном Туркестане, была разбита Китайцами. «После сего северные Гунны действовали слабо и на-

ние, что у кочевых народов Средней Азии племенное или родовое имя распространяется на целый народ, т. е. на совокупность племен и родов. Однако мы видим, что это воззрение несколько не хващает Иакинфу придерживаться этнографической классификации, что составляет его преимущество перед двумя вышеупомянутыми исследователями. Приведем несколько примеров этому. «Поколениям, т. е. владетельным домам, занимающим Монголию, даем ныне название Монголов не потому, чтобы они происходили от дома Монголов, но потому, что сей дом, усилившись, наконец все прочие поколения своего племени покорил своей власти и составил как бы новое государство, которое мало по малу приобыкли называть Монголами же, по прозванию господствующего дома. Сим образом разные монгольские (ошибка Иакинфа в том, что он думал, будто все население теперешней Монголии всегда было монгольское) поколения и прежде назывались общими именами: Татаньцев, Киданей, Хойхоров (Уйгуров), Тулгасцев, Сяньбийцев, Хуннов и т. д.» (т. I, стр. 157). «Целое государство или народ получает у Монголов название от имени господствующего дома, а каждый аймак от владетельного поколения. С падением владетельных домов народ их не теряет своего бытия, но с переменою оных получает только новые названия. Сим образом один и тот же монгольский народ существует от древнейших времен до ныне под разными только именами» (т. II, стр. 2).

¹ Мы не можем придавать этому переименованию большого значения, потому что имя Хунну несколько не дальше, если не ближе к имени знаменитого народа Аттилы, чем Гунну. По латыни они называются *Hunni*, а по гречески *Χούνοι*, *Ούνοι*, *Ούνοι*, по русски правильнее писать их Хунни.

конец мало по малу и самое имя их исчезло. Несмотря на это, некоторые поколения Гуннов долго еще существовали в Тарбагатае под другими именами и в последствии учинились известными по своим военным подвигам» (т. II, стр. 52). Очевидно, что последние слова указывают на европейских Гуннов. Итак, в своем первом сочинении Иакинф явился решительным сторонником теории монголизма Хунну и Гуннов.

Перейдем теперь к его второму сочинению.

Как указывает самое заглавие, в нем излагается исключительно история. Разница между ним и третьей частью «Записок о Монголии», та, что в нем излагается история не только кочевников, живших в Монголии, но вообще народов Средней Азии, а также и то, что в первом сочинении ведется пересказ по летописям, а во втором только представлены переводы с примечаниями и добавлениями автора, так что оно уже совсем носит характер сборника материалов; по собственному заявлению Иакинфа это сочинение «есть точный, более буквальный перевод» (т. I, отд. I, стр. II). Несмотря на то, что «Собрание сведений» явилось на 23 года позже «Записок о Монголии», взгляды автора совершенно не изменились. Иакинф все также считает, что Монголы издавна жили в соседстве с Китаем. Так он говорит: «Монголы с незапамятных времен смешанно жили с Китайцами на северных пределах Китая» (т. I, отд. I, стр. I); «Хунь-юй, Хань-юнь и Хунну суть три разные названия одному и тому же народу, известному ныне под названием Монголов» (т. I, отд. I, стр. 2). «Почти за двадцать столетий до Р. Х. Монголы и Тунгузы в китайской истории представляются как два самобытные народа. Одни Турки, по причине отдаленности, несколько позже ознакомились с жителями Среднего государства» (т. I, отд. II, стр. 477). Как условны были его взгляды, можно уже видеть из того, что даже сторонники разных теорий, напр. Каэн и Ремюза, считают, что Турки ранее монгольских народов явились в историю Средней Азии. Иакинф прямо заявляет, что «на всей полосе Средней Азии от Восточного океана до Каспийского моря искони

обитали те же самые народы, которые и ныне населяют эту страну» (т. I, от. I, стр. VII). И тут, с другой стороны, проводит он совершенно верный взгляд, что племенное или родовое имя династии переходит на весь народ (т. I, от. I, стр. III). Историю Хунну Иакинф помещает в первую часть, в которой говорится только о народах монгольского племени. Тут он касается вопроса об имени Хунну, о котором он не говорил в «Записках о Монголии», и замечает следующее: «Китайцы, при голосовом переложении сего слова на свой язык, употребили две буквы: хун — злой и ну — невольник. Но монгольское слово Хунну есть собственное имя и значение китайских букв не имеет» (т. I, отд. I, стр. 1). Имя первого славного шаньюя Хунну Мо-да он сближает с монгольским словом «модо», что значит лес (там же, стр. 11). По поводу переименования из Хунну в Гунну он замечает: «здесь изменено не подлинное народное название Монголов, а голосовое переложение названия на китайский язык» (т. I, отд. I, стр. 107). Иакинф, писавший это сочинение уже после выхода в свет многих исследований, касавшихся Хунну и считавших их не Монголами на основании заслуживающих внимания данных, высказал мимоходом свое мнение о двух ученых, особенно известных своими работами по этому вопросу и вот в какой форме (т. I, отд. I, стр. 10): «Дегинева история о Хуннах, Тюрках и Монголах и Клапротовы записки об Азии от начала до конца наполнены превратными понятиями о древних народах монгольского племени, потому что ни Дегинь, ни Клапрот не читали китайской истории во всей ее обширности, почему то, что читали без связи в целом, не все ясно и правильно понимать могли». Мнение это, как и все у Иакинфа, выражено безапелляционно. Ни многолетний, обширный труд Дегиня, ни работы Клапрота не заслуживают внимания, так как с начала до конца полны ошибками! Тю-гю Иакинф, как и Шмидт, считает за монгольский народ. «Ориенталисты Западной Европы», говорит он: «пренебрегли уверением китайской истории, а обратили внимание на созвучность Тю-гю с Тюрки и приняли в основание, что Монголы, известные под на-

родным названием Дулга, были Тюрки, а как предки дулгаского дома происходили из дома Хуннов, то и Хунны были народ тюркского же племени. Сие то смешение Монголов с Тюрками повело ученых Западной Европы к превратным понятиям о народах монгольского племени, обитавших в Средней Азии в древние времена» (т. I, отд. II, стр. 256). Здесь мы видим возражение против разделяемой многими учеными его времени теории о турчизме Хунну. Как убедительно возразил на нее Иакинф, насколько верны его взгляды — мы скажем далее, при разборе.

Начнем со Шмидта, как высказавшего первым мнение о монголизме Хунну. Клапрот в «*Mémoires relatifs à l'Asie*» (1826) во втором томе (стр. 301—411) написал критику на *Forschungen* Шмидта. Этот ученый, доказавший, что Ту-гю были Турки (об этом мы скажем в своем месте), особенно восстал против того, чтобы считать их Монголами, как это сделал Шмидт. Его возражения не только опровергли доводы Шмидта, но и доказали противоположное. Особенно же распространяться по этому поводу не приходится потому, что в настоящее время Орхонские открытия сделали несомненным турчизм Ту-гю. Благодаря этому мудрствования Шмидта могут остаться без возражений. Раньше, при изложении мнений этого исследователя, мы видели, что именно мнение о монголизме Ту-гю содействовало тому, что Шмидт принял Хунну тоже за Монголов — ведь по китайским известиям Ту-гю происходили от Хунну. Если доказано, что Ту-гю не Монголы, то этим доказано, что и Хунну тоже не Монголы. Рассмотрим теперь другие доводы в пользу монголизма Хунну. Шмидт указал на сходство древней истории Хунну в изложении Дегиня с тем, что передал Иакинф о древнейшей истории Монголов. Однако, Иакинф писал древнейшую историю Монголов, принимая Хунну за таковых. Поэтому вполне понятно, что его история сходна с тем, что сообщал Дегинь — они сообщали оба историю одного и того же народа, только называя его различными именами. Для отождествления Хунну и Монголов совер-

шенно недостаточно указания на то, что и те, и другие делились на два крыла. Очень трудно также возражать против сопоставления имени Марал (лань), с преданием, что лань указала Гуннам дорогу через Меотийские болота. Неужели же можно считать эти два народа тождественными только потому, что и тут, и там упоминается о лани? При критике, подобного рода мнения не заслуживают собственно даже упоминания. Поговорим еще о производстве имени Хунну. По мнению Шмидта Хунну или Сунну равно Чюнно. Если так, то конечно Сунну ближе к истинному имени этих кочевников, чем Хунну. Однако же подданные Аттилы не назывались Суннами или Чюннами, а Гуннами. Раз истинное название этого народа Чюнно, то что же общего между этим именем и Гуннами? Шмидт этого не разъясняет. Относительно отождествления Тенгрия-куту и Суту-Богдо, мы приведем в виде лучшего опровержения слова Клапрота (упом. статья, стр. 394): «Хотя китайские историки вполне ясно говорят, что Тенгрия-куту (как и китайское Тянь-цзы, Thien-tsu) означает «сын неба», г. Шмидт желает объяснить этот титул — небесным пером... Кута значит родственник, двоюродный брат в турецких наречиях Сибири». Титул «сын неба» понятен, но что это за «небесное правильное перо» — мы совершенно не понимаем. Что была за причина называться так государю Хунну? Относительно Гуннов Шмидт не высказал ничего особенно важного. Прикнув к мнению Бергмана, он только привел еще несколько гунских имен и сопоставил их с монгольскими. Итак, доводы этого исследователя совершенно не выдерживают критики. В одном случае он прямо ошибается (принимая Ту-гю за Монголов), в другом видит отличительные черты народа там, где их совершенно нет (сопоставление лани в предании о переходе Гуннов в Европу с именем Марал), в третьем дает такое объяснение словам, что смысл их остается совершенно непонятным (Суту-Богдо). Мы можем смело сказать, что гипотеза Шмидта относительно происхождения Гуннов, опиравшаяся только на мнение Бергмана, рухнет, раз отвергнуты доводы этого последнего. Относительно же

Хунну он приводил такие доказательства, которые, при ближайшем рассмотрении, не выдерживают критики.

Теперь перейдем к Иакинфу. Как мы уже говорили, этот ученый доказывал очень мало; он довольствовался только изложением исторических фактов. Мы нарочно привели его критику мнений Дегина и Клапрота, двух ученых, которые по нашему вопросу сделали очень много. И что же говорит о них Иакинф? Он совершенно отрицал значение их работ, думал, что они только перепутали известия. Относительно происхождения Ту-гю он придерживался того же мнения, что Шмидт — следовательно ошибался, как и тот. Правильно его мнение относительно происхождения династийных имен у народов Средней Азии, как и то, что откочевавшие северные Хунну могли и должны были быть предками Гуннов. Полное отсутствие каких бы то ни было доказательств лишает нас возможности разбирать подробно мнения этого ученого. Ему казались совершенно ясными такие вопросы, которые требовали и даже теперь требуют решения.

Итак, оба сторонника монголизма Хунну, придерживались, думается нам, ложных и недоказанных мнений. Преимущество все же на стороне Иакинфа. Он дал нам в русском переводе известия о Хунну, существовавшие в китайских летописях (хотя этот перевод и не полон). Относительно происхождения Хунну он почти не приводил никаких собственных доводов, а принял воззрения других. Шмидт же принялся доказывать; какого рода эти доказательства — мы видели. Нельзя не согласиться с мнением, выраженным (правда в резкой форме) Клапротом в упомянутой выше рецензии на книгу Шмидта. Он не одобрял стремления ученых, знающих какойнибудь язык, толковать об исторических вопросах, не имея к этому подготовки. Шмидт и Иакинф принесли гораздо больше пользы науке, первый изданием или переводом Санац-Сэцэна, второй китайской грамматикой или переводом китайских летописей, чем мнениями о происхождении и племенной принадлежности народа Хунну.

Если Паллас, Бергман и Тьерри писали об европейских Гуннах, а Шмидт и Иакинф о китайских Хунну, при чем и те и другие, обратив все свое внимание на один народ, или совсем не касались другого, или говорили о нем мимоходом, то Нейман (Carl Friedrich Neumann) может считаться таким представителем этой теории, который писал и о тех и о других. Кроме того, писав позже всех¹, он должен был считаться с воззрениями как других сторонников той же теории, так и писавших до него ириверженцев прочих теорий. Еще в 1837 году высказал он в своих «Asiatische Studien» (Leipzig, стр. 126) следующее: «Хунну мы вместе с Гобилем, Виделу и Дегинем считаем за западных Гуннов». Гораздо подробнее коснулся он этого вопроса в своем небольшом исследовании о переселениях народов, озаглавленном «Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwicklung» [Leipzig, 1847] и увенчанном наградой Французским Институтом. По нашему мнению в вопросах, касающихся Хунну и Гуннов, Нейман изложил в сжатой, более или менее научной форме взгляды вышеназванных писателей, с некоторыми добавлениями и изменениями. Поэтому мы и считаем его сказавшим последнее слово монгольской теории и остановимся несколько подробнее на его взглядах. Сочинение это было ответом на данную Французским Институтом тему — дать историю отношений и странствований всех народов, которые жили к северу от Черного и Каспийского морей с начала третьего до конца одиннадцатого века. С этой историей связаны некоторые другие вопросы, касающиеся переселений народов и их первоначальных мест жительства. Одним из таких вопросов является наш вопрос о происхождении Хунну и их отношениях к Гуннам. Нейман, разумеется, не мог оставить без внимания событий происшедших в глубине Азии, особенно движений кочевых народов на запад и юго-запад. Почти при каждом появлении по-

¹ За исключением Тьерри, который впрочем и не является типичным представителем этой теории.

вого народа в истории южной Руси он обращается к далекому Востоку и старается выяснить причины движения этого народа, а не то даже найти упоминание о нем в китайских летописях.

Изложив в первой главе своего исследования древнейшие известия об истории юга России до второго века и господства там Готов, он во второй главе передал историю Хунну и движение их на Запад. Эта то вторая глава главным образом и интересует нас. Впрочем, относящиеся до нашего вопроса факты и соображения находятся также в первой, равно как и в главах третьей (история государства Аггилы) и четвертой (падение гунского государства и изложение судеб Средней Азии при Сявь-би и То-ба, а также появление Турок). В начале второй главы, прежде чем излагать историю, он вкратце коснулся вопроса об отношениях кочевников к Китаю, а затем мнения Китайцев относительно племенной принадлежности этих народов. Он указал на громадное значение этих кочевников для соседних, оседлых народов и на стремление этих оседлых народов ближе ознакомиться с законами и обычаями, числом и местами обитания этих страшных врагов, чтобы легче бороться с ними. Далее он сообщил, что по воззрениям Китайцев все эти народы принадлежали к одному и тому же племени и различались только местами жительства. «Это один и тот же народ, говорят китайцы, который при различных династиях назывался различными именами: Хун-пу (H'ong-pu), Тю-гю (Tu-kiuei), Мэн-гу (Mong-ku), Та-та (Ta-'a)» (стр. 24). Автор вполне согласен с этим взглядом, говоря, что хотя и существует различие в физическом типе между Турками, Монголами и Тунгузами и хотя это различие даже отмечается самими Китайцами, языки этих народов указывают на их первоначальное единство. Затем он переходит к истории. «Кажется, во времена древнейшей китайской династии Хя (Hia) узнали впервые собственное имя народа Хунь-ё, которое, вероятно, значит — люди, потому что народы и племена редко дают себе собственные имена, они обыкновенно называют себя только — «народ, люди» (стр. 25). Итак Нейман считает именно

Хунь-ё (Hun-io) именем народа, а все остальные, позднейшие имена только переделками этого. Оно совсем не значит «проданные рабы», как перевел его Ремюза и не выговаривается Чон-ё (Tschong-io), как писал Дегинь, приняв ошибочное наименование, сообщенное Ма-дуань-линем. Истинное значение этого слова, по мнению Неймана, — «лукоеды». Когда впоследствии эти варвары вступили в более близкие и более враждебные отношения к китайцам, эти последние стали им давать разные обидные клички, напр. Хун-ву (Hiong-pu), что значит: «поднимающие шум рабы» (lärmende Slaven). Эти оскорбительные слова только по звуку родственные собственному имени Хунь-ё, вытеснили его и стали употребляться вместо него» (стр. 26). Излагая обычай этого народа, Нейман передает их, как по китайским, так и по византийским источникам, замечая, что известия Сы-ма-цяня и Ма-дуань-линя настолько сходны с тем, что сообщил Аммиан Марцеллин, что кажется, будто они списали друг с друга (стр. 29). Сообщая далее, что европейцев поражала наружность Гуннов, тогда как Китайцы ничего особенного в ней не находили, он заключает, что следовательно и жители Среднего царства и эти варвары принадлежали к одной расе. «Им, напротив, казался странным вид народов кавказского племени, они рассказывают о Турках и о других народах, принадлежащих к этой же расе, что у них впалые глаза и выдающийся нос. Этого достаточно для признания, что Хунь-ё и Монголы один и тот же народ. Если бы они были Турки, то Китайцы отметили бы и у них эти отличительные черты» (стр. 30). Описания их наружности убеждают Неймана в их несомненной принадлежности к монгольскому племени. Представив все эти соображения, Нейман восклицает: «Какой же благоразумный историк может после этих, до мелочей сходных описаний Хунь-ё, Гуннов и Монголов в восточных источниках за несколько столетий до Р. Х. и в западных IV, V и XIII веков, сомневаться еще, что все эти народы принадлежали к монгольской расе?» (стр. 31). В этих словах Нейман выразил свое убеждение, что Хунну (по его мнению скорее Хунь-ё)

китайских летописей, европейские Гунны IV и V веков и Монголы Чингиз-хана — один и тот же народ. Объяснение гунских имен и слов из турецкого и финского языков несколько, думает он, не противоречит монголизму этого народа. Вот что сказал он по этому поводу (стр. 32): «Мы знаем, что из одного татарского ¹ племени языков, существовавшего в глубочайшей древности, с течением времени развились три, различествующие в частности, в общем же обнаруживающие одно происхождение языка, с которыми финские более или менее родственны. Однако из арийского или индо-германского племени вышли многие своеобразные как в корнях, так и в формах, языки. Не нужно никаких дальнейших доводов для доказательства того, что хотя и существует соотношение между татарскими и финскими идиомами, которое заходит далеко за границы всякой истории, оно не может быть взято как доказательство общего происхождения или родства физически столь несходных народов». Из этих слов можно сделать тот вывод, что Нейман придавал гораздо больше значения физическому сходству или различию, чем лингвистическому; Монголы могут иметь в своем языке турецкие или финские слова, но физически они всегда будут отличаться от Турков и Финнов. В передаче фактов истории Нейман следует строго за китайскими летописями. Он, как и Иакинф, признает, что в конце I века по Р. Х. северные Хунну были разбиты. Одна часть их подчинилась Китаю, другая — Сянь-би, третья же откочевала на запад. Эти откочевавшие Хунну заняли область Юе-бань. Нейман считает вероятным, что Китайцы называли так все области, лежавшие к северо-западу от Согдианы до земель Римской империи. Быть может, что Юе-бань — Угорская земля (das Land der Jugri), а может быть, это слово измененное Эйлюзия, которое Прокопий дает всей степной области на восток от Азовского моря. Что касается отношений Хунну

¹ Под татарскими в его время подразумевали турецкие, монгольские и тунгусские языки; см. по этому поводу Rémusat, «Recherches sur les langues tartares».

и Гуннов, то Нейман признавал этих, ушедших в Юе-бань Хунну, Гуннами. Он указал на то, что известия китайских и византийских писателей вполне согласны. «Как раз около того времени», говорит он (стр. 38—39), «к концу первого века нашего летосчисления, когда Гунны по китайским известиям расположились в Юе-бане (Jue-ran) и завладели частью земли Аланов, и западные писатели знают о присутствии их в этих местах. Сходство, которое также должно убедить самую осторожную критику в тождестве Хунь-ё, Хунну и Гуннов». Из этих западных писателей он называет Дионисия Периегета, который говорит, что Гунны живут за Скифами, и Аммиана Марцеллина, который знает об их вторжениях в Армению. Что касается до этнического состава вторгнувшихся в Европу Гуннов, то Нейман, считая вполне справедливо, что кочевые народы вообще немногочисленны, признавал, что они не могли быть чистыми Монголами. «Часто случается, что народы, завоевывающие страну, удерживают имена коренных или живших ранее их жителей. Поэтому Болгары, Авары, Мадьяры и Секлеры, принадлежавшие частью к финскому, частью к татарскому племени, позже Турки и даже Славяне у относившихся без критики писателей Запада и Востока назывались Гуннами» (стр. 77). Что касается до происхождения слова турок, то тут Нейман высказал своеобразное мнение. Приведя известия о происхождении этого имени от слова «такъя», он прибавил (стр. 85): «Это, без сомнения, одно из позже выдуманных производств, которых много в восточных и западных сочинениях». Он думает, что это имя происходит от слова Туран, означającego страны, лежащие по ту сторону Окса и впервые названные так Персами (стр. 11). Наконец, оригинальны его воззрения и относительно происхождения Ту-гю от Хунну. Он думает, что эта орда была подчинена Хунну и даже говорила на языке этих последних и только позже отделилась от бывших победителей (стр. 85—86).

Приведя вкратце мнения Неймана, мы можем сказать, что он в общем придерживался тех же воззрений, что и его предше-

ственики по теории монголизма. Хунну и Гунны, по его воззрениям, один и тот же народ и при том монгольского происхождения. Его доводы должны обратить наше особенное внимание как потому, что он завершил и обобщил то, что было сделано до него сторонниками монголизма, так и потому, что он, писавший позже всех вышеупомянутых исследователей, обладал большим материалом, да при том и большей наукоспособностью. Согласно Неймана с тем мнением китайцев, что все названия народов Средней Азии только названия династий, а не народов, по нашему мнению, не оправдывается собственными его словами, что Хунну были Монголы, а Ту-гю — Турки. Совершенно уже нельзя согласиться, если даже вопрос о народности Хунну считать спорным, с тем, что Ту-гю и Мэн-гу, т. е. Турки и Монголы один и тот же народ. Можно сказать, что в государство Ту-гю входило много монгольских элементов, а в Мэн-гу — турецких, но необходимо признать, что в одном случае власть принадлежала Туркам, а в другом Монголам. Мы вполне согласны, что некогда и Турки, и Монголы, и Тунгузы составляли одно целое, но это не значит, что они всегда оставались в таких отношениях, что их даже трудно отличить одних от других. Очень возможно, что Китайцы, знавшие их с глубокой древности, продолжали считать их за один и тот же народ, знакомясь же ближе, стали отмечать отличительные черты каждого из них. Таким образом и получилось, что кочевые народы на севере Китая считались то одним народом, то разными. Заметим, что на первоначальное единство этих народов указывает не только сходство языков при «физическом различии», но сходство и того, и другого.

При изложении истории Нейман высказался за то, что истинное имя страшных кочевников было Хунь-ё, все же прочее — переделки этого названия. Мы не понимаем, как ругательное слово Хунну могло вытеснить народное имя и при том, если оно действительно вытеснило его, то у кого — у китайцев или у самих Хунь-ё? Что Китайцы могли употреблять его вместо

настоящего — с этим мы можем согласиться, но принятие его самими кочевниками отрицаем. Трудно определить, к какому имени из сообщенных летописями всего ближе истинное имя народа. Вряд ли народ будет называть себя лукоедами или проданными рабами. И то, и другое должно быть переделками.

Сходство гунских и хуннских обычаев в описаниях византийских и китайских авторов объясняется общими кочевыми условиями жизни. На сходстве обычаев для доказательства тождества народов, как мы уже говорили, основываться нельзя.

Мы вполне согласны, что китайцы были ближе к этим народам по расе, чем жители Европы, и что китайцев поражал вид народов кавказской расы, но заметим, что Нейман очень ошибался, принимая Турков за представителей кавказской расы¹. Известия, которые он приводит из китайских летописей о наружности Турков, относятся не к ним. Очевидно Нейман имел в виду сообщение «Истории северных дворов» и Ма-дуань-линя, что видно и из его ссылки. Но тут идет дело не о Турках, а об Арийцах².

Мы не можем также согласиться с этим ученым относительно предпочтения классификации по физическому типу и таким образом поставить на второе место лингвистическую классификацию. В этнографии в настоящее время дается языку не менее, если даже не более важное значение. Видимо знакомый с доводами Клапрота Нейман считал возможным видеть в гунском языке финские слова, но продолжал считать эти народы совершенно различными. Теперь однако Финны и лингвистически, и физически причисляются к тому же племени, к которому принадлежат Турки, Монголы и Тунгузы.

¹ Это заблуждение было впрочем распространено в его время и ранее. Напр. Ремюза, придерживавшийся совсем других взглядов относительно происхождения Хунну, считал Турков народом кавказской расы, см. в его *Recherches*, стр. XXXVI.

² См. напр. В. В. Григорьев, «Восточный Туркестан» (Землеведение Азии Риттера), выпуск второй, стр. 9—10. Китайский текст переведен у Иакинфа «Собрание сведений», т. III, стр. 145; сравн. там же, стр. 61.

В изложении исторических фактов Нейман, так же как Иакинф, и по нашему мнению вполне справедливо, считал временем главного переселения Хунну на Запад конец 1-го века по Р. Х. Трудно однако сказать, откуда он взял определение местоположения страны Юе-бань. Относительно отождествления ее с Угорской землей Нейман высказал только предположение без всяких доказательств. Изменением слова Эйлюзия Юе-бань не могло быть, во первых потому, что это греческое слово, которого, быть может, не знали даже туземцы, а во-вторых потому, что между словами Эйлюзия и Юе-бань нет ничего общего. Только этот исследователь и Дегинь думали, что страна Юе-бань находилась западнее Кан-гюя. С этим однако нельзя согласиться на том основании, что китайские летописи точно указывают местоположение Юе-бани — страна эта лежала к востоку от Кан-гюя (киргизские степи) и к западу от У-суни (Дзунгария). Поэтому Юе-бань скорее всего соответствует Тарбагатайскому округу и областям, расположенным южнее его ¹.

Если нельзя ничего сказать против мнения Неймана относительно этнического состава Гуннов, как смеси всевозможных народов и племен, то нельзя согласиться с производством слова Турк от слова Туран. Ведь Туранцы были арийцы, родственные Иранцам, а вовсе не Турки ². Вот почему Туран — страна арийская и термин «туранская раса» есть термин нелепый. Своеобразно мнение Неймана относительно происхождения Ту-гю от Хунну. Не будучи уже в состоянии разделять воззрений Шмидта и Иакинфа относительно монгольского происхождения Ту-гю, он признал их Турками и думал, что они не этнически, а полити-

¹ См. Иакинф «Собрание сведений», т. III, стр. 163 и географический указатель, стр. 109; Аристов «Заметки об этническом составе тюркских племен», Живая Старина, 1896, выпуски II и III, стр. 293.

² Это мнение было предложено на обсуждение в одном из заседаний третьего международного конгресса ориенталистов в С.-Петербурге председателем его покойным проф. В. В. Григорьевым и не получило возражений. Этот же ученый высказывался в пользу него и в статье «о Скифском народе Савах», стр. 195 и в «Восточном Туркестане», выпуск второй, стр. 15—16.

чески произошли от Хунну, т. е. что государство Ту-гю возникло на развалинах государства Хунну. Если бы это было так, то китайские летописи называли бы все государства и народы, возникшие на развалинах Хуннуской империи — потомками Хунну. Этого однако нет. Только Ту-гю и Гао-гюй называются потомками Хунну¹. Он видимо не признавал существования турецкого языка в северо-восточной Азии до появления Ту-гю, так как он выразил мнение, что Турки, бывшие под властью Хунну, даже говорили на языке этих последних. Однако это ничем не доказано. Далее мы приведем соображения других исследователей этого вопроса и наши собственные в пользу того, что Ту-гю нужно считать соплеменниками Хунну.

Изложив мнения Неймана и разобрав их, я должен сказать, что в причислении его к теории монголизма не все согласны. Именно, Семенов называет его одним из новейших авторов, которые «возвращаются мало по малу к прежнему мнению о тождестве Гуннов и Хунну, не возобновляя конечно уже оставленной гипотезы о соплеменности Хуннов с Монголами» (Ритгер, *Землеведение Азии*, т. I, СПб., 1850, стр. 631). В опровержение этому можно привести слова самого Неймана на стр. 31 его сочинения, в которых он решительно высказался за монголизм Хунну и Гуннов. Впрочем из того, что Семенов ссылается там же в подтверждение своих слов на «*Asiatische Studien*» (специально на стр. 132, где Нейман только мимоходом высказал мнение о тождестве Гуннов и Хунну), можно думать, что уважаемый ученый считал это сочинение главным или единственным, касающимся вопроса о Хунну, тогда как другое, более важное в данном случае, исследование «*Die Völker des südlichen Russlands*» осталось ему неизвестным.

С Нейманом теория монголизма сказала как бы свое последнее слово. После него уже не было более ученых сторонников этой теории, которые выражали бы самостоятельные взгляды и

¹ Об этом см. подробнее ниже, главу V.

приводили бы особые доводы. Он поставил в тесную связь известия о Хунну и Гуннах; он уклонился от произвольных сопоставлений слов, что являлось отличительной чертой предшествовавших ему защитников теории монголизма, равно как и других теорий; он же обратил внимание на отношения кочевых народов Средней Азии к Восточной Европе. Наиболее крупным недостатком его является не вполне верная группировка народов по их происхождению и предпочтение классификации на основании сходства физического перед классификацией по языкам.

Однако теория монголизма Хун-ну и Гуннов вовсе не исчезла с упомянутыми учеными. Правда, после Неймана, т. е. с 1847 г. мы не можем назвать ни одного ученого, разделявшего воззрения этой теории во всей ее полноте, до 1883 г., когда известный английский исследователь, автор *History of the Mongols* Х. Хоуорс (H. Howorth) на шестом международном съезде ориенталистов в Лейдене сообщил свои взгляды на этот вопрос. Его доклад был напечатан в изданной в 1885 г. четвертой части трудов съезда (*Actes du sixième congrès international des Orientalistes, tenu en 1883 à Leide. 1885, Leide*) под заглавием «Some notes on the Huns». В этой статье он возобновил теорию монголизма, понимая ее в том виде, как понимал Нейман.

Хоуорс считает вопрос о происхождении Гуннов одним из самых важных и трудных в древней этнографии Азии, а результаты исследований признает очень незначительными. Трудность окончательного решения зависит, по его мнению, от многих причин: бедности материала для филологических изысканий, неизвестности физического типа и т. д. Задача исследователя заключается в решении вопроса — были ли Гунны турецкого, монгольского, финского происхождения или они состояли из различных элементов. У армянских писателей Гунны упоминаются как жители областей к северу от Кавказа еще до II-го в. до Р. X. Однако, отождествлению гунских имен с именами кавказских Аваров, из которого следует по мнению Хоуорса признание того, что Гунны и Авары были лезгинского племени, противоречат

история, предание и физический тип. Наш исследователь указывает на то, что нельзя опираться только на лингвистические данные, так как эти данные изменчивы (он приводит в пример племя Хезаре в Афганистане, которое, хотя и говорит на персидском языке, однако принадлежит несомненно к монгольскому племени). Он находит, что лучше всего руководиться историческими фактами («установлением исторической преемственности», как выражается он), дополняя их лингвистическими и другими данными. Справедливо указав на отсутствие этнографической классификации у Дегиня, Хоурс считает отождествление Хунну с Ту-гю, сделанное Клапротом, смелым на том основании, что Китайцы не делали никакого различия в этнографическом отношении между своими кочевыми соседями и, когда нападения этих соседей на их страну возобновились, они называли нападавших потомками Хунну. Хоурс высказывает убеждение в том, что Хунну были Монголы. Этот вывод делает он из следующих соображений. 1) Хунну занимали страну Монголов. Что Турки занимали южную часть этой страны в VI-м веке, не доказывает того, что они занимали ее раньше. Монголы же, насколько мы знаем, были исконными обитателями этой страны. 2) Чингиз-хан, в разговоре с даосским монахом Чань-Чунем, называет шань-юя Хунну «нашим» шань-юем. Хоурс принимает и сделанное Шмидтом отождествление слов Шань-юй с Чиню и Суту-Бокда с Тенгри-Куту. В подтверждение своему мнению он приводит также и сходство некоторых обычаев (употребление известного рода знамени и особого рода костюмов при свадьбах). Жуань-жуань, ближайшие преемники Хунну в северо-восточной Азии, происходили, по словам Ма-дуан-линя от Хунну; это весьма вероятно, прибавляет Хоурс, так как «они были действительно в тесной связи между собою». Если мы обратим внимание на ожесточенную вражду Жуань-жуань с Ту-гю, то можно опять таки думать, что первые были Монголы, так как выдающуюся роль в Средней Азии могли играть только или Турки, или Монголы. Шмидт, основываясь на лингвистических данных, тоже пришел к тому мнению, что Жу-

ань-жуань — Монголы. В своих выводах Хоуорс идет еще дальше признания монголизма этих двух народов и думает, что Хунну были предками собственно Монголов, а Жуань-жуань были предками Ойратов. Он даже сближает слово ойрат со словом авар, так как «ат» есть окончание множественного числа, а ойр — уар, т. е. авар; в этом он видит даже подтверждение гипотезы Дегиня, что Жуань-жуань и Авары один и тот же народ. Признавая тожество Хунну и Гуннов, Хоуорс однако указывает на то, что в Средней Азии часто династия была одного происхождения, а масса народа — другого (напр. Золотая Орда, где династия была монгольская, а масса народа — турки). Затем, Хоуорс переходит к монгольскому происхождению династии Гуннов. Главное основание для этого отождествления по мнению Хоуорса, — сходство гунских обычаев с монгольскими (напр. одежда Атиллы сходна с одеждой монгольских князей; Гунны, как и Монголы, ели только мясо особым образом убитых животных и т. д.). Признавая тот факт, что среди Гуннов были и Германцы, и Славяне, он, однако, считает главным составом народной массы — Турков и Финно-угров. Затем, Хоуорс останавливается на имени «Белые Гунны», которое как бы подразумевает другое, именно «Черные Гунны», подобно тому, как были Черные и Белые Угры, Кара (черные) и Ак (белые) Хазары, «Белые» Хазары, Угры и Гунны были вероятно Турки, а «Черные» Хазары, Угры и Гунны — Угры. Впрочем Хоуорс отказывается от окончательного решения вопроса; решить его нельзя — можно лишь выставлять гипотезы.

Из вышеприведенного содержания статьи Хоуорса можно, как нам кажется, заметить, что он дал очень мало новых материалов по вопросу о монголизме Хунну и Гуннов сравнительно с тем, что было уже сообщено сторонниками этой теории до него. Приемы этого исследователя тоже не особенно отличаются от приемов других сторонников монголизма, несмотря на то, что историческая этнография прогрессировала даже со времен Неймана. В некоторых же вопросах Хоуорс, как увидим ниже, вы-

сказывает такие голословные суждения, от которых Нейман вероятно воздержался бы. Передавая известия о Гуннах у Армян, Хоуорс ошибся в определении времени их пребывания в областях к северу от Кавказа. Сен-Мартен, указавший на эти известные у армянских писателей (см. ниже главу IV), сообщил лишь то, что Гунны известны Армянам во второй половине III-го века по Р. Х. Хоуорс же полагал, что упоминание о них относится ко II-му веку до Р. Х. Разница во времени получается, как видно, значительная. Клапрот, на которого так нападает Хоуорс, вовсе не думал, как увидим ниже, что Гунны и Авары были Лезгинны — он прямо даже отрицал это. Признавая незначительность одних лингвистических данных в нашем вопросе, нельзя однако согласиться с примером, приведенным Хоуорсом — племя Хезаре является несомненно исключением, и этнографическая классификация возможна в настоящее время главным образом по данным лингвистическим. В признании Хунну Монголами Хоуорс, по нашему мнению, опирается на недостаточные основания. Если мы не можем сказать, что Турки занимали Монголию до VI века по Р. Х., то мы также не можем сказать, что Монголы — исконные обитатели этой страны; мимоходом же сказанные слова Чингизхана могут еще менее служить доказательством. Относительно доводов Шмидта, которым Хоуорс придает такое значение, равно как и относительно отождествления народов по сходству обычаев, мы уже говорили выше и поэтому не считаем нужным вторично опровергать их. Признавать Жуань-жуань Монголами только потому, что они вели ожесточенную войну с Ту-гю, мы не считаем возможным на том основании, что ожесточенная борьба может происходить и между народами одного происхождения (вспомним хотя бы борьбу между турецкими народами Ту-гю и Уйгурами в начале VII века). В опровержение того мнения, что только Турки и Монголы играли выдающуюся роль в истории Средней Азии, мы укажем на народ, игравший несколько не меньшую роль, чем Жуань-жуань, именно на Сянь-би и который тем не менее считается ни турецкого, ни монгольского, а либо тунгуз-

ского, либо корейского происхождения. Что касается до вопроса о Гуннах, то тут Хоурс вполне сходится с взглядами Тьерри.

К гипотезе о Черных Гуннах, возникших в представлении Хоурса по аналогии с Черными Уграми и Хазарами, за отсутствием исторических известий, нельзя относиться с доверием.

В заключение всего вышеизложенного мы должны сказать, что возобновление теории монголизма не было вызвано открытием нового материала, а личными убеждениями одного ученого. В небольшом докладе на съезде, в общих чертах, он изложил то, что по большей части было известно и до него.

Подводя итоги всей монгольской теории, нужно сказать, что ее никоим образом нельзя считать сданной в архив. Это доказывает не только появление вышеприведенной статьи Хоурса, но сравнительная распространенность ее среди не специалистов. Ее влияние бывает заметно и в строго научных трудах¹, и в популярно научной литературе², и в простых учебниках. Эта теория, первая в хронологическом порядке, в вопросах о происхождении Хунну и Гуинов по большей части строго придерживалась этнографической классификации, а в вопросах о взаимных отношениях этих двух народов считалась с историческими фактами. Если она правильно и основательно принимала Хунну и Гуинов за один и тот же народ, то в отождествлении их с Монголами во первых считала вескими доказательствами такие, которые на самом деле не выдерживают критики, и во вторых имела вообще неправильное понятие о расположении племен и народов Средней Азии в их исторической последовательности. Тем не менее нужно сказать, что для того, чтобы признать ее действительной, нужны новые доказательства, новые материалы, а большинство исследователей в настоящее время не может быть причислено к сторонникам теории монголизма.

¹ Напр. К. Я. Грот, «Моравия и Мадьяры с половины IX до начала X в.» (СПб. 1881), стр. 84.

² Напр. Реклю «Земля и люди» (изд. Ильина), т. VII, стр. 157.

III.

Теория турчизма Хунну и финнизма Гуннов. Абель Ремюза, как сторонник первой части этой теории и разбор его доводов. Клапрот — главный представитель этой теории. Его исследования и разбор их. Другие последователи этой теории. Ее общее значение.

Следующая по времени за теорией монголизма была теория, отличавшая Хунну от Гуннов и считавшая первых Турками, а вторых Финнами. Особенно строго проводил ее известный полиглотт Клапрот, неоднократно писавший по этому вопросу и доказывавший несомненный, как он думал, финнизм Гуннов и турчизм Хунну. Этот ученый справедливо считается главным представителем теории. Более того, он, собственно говоря, создал ее, он же развил и распространил ее в науке. Если теория монголизма образовалась постепенно, слагалась из мнений различных ученых и нуждалась в окончательном обобщении, то теория финнизма Гуннов и турчизма Хунну сложилась сразу; она обязана своим явлением одному ученому. Таким образом, если она должна была быть цельнее первой, то в ней однако более допустимы недосмотры. Трудность создания усложнялась еще тем, что предлагавшему ее нужно было не только доказывать верность своего взгляда, но и отрицать другие, предшествовавшие доводы. Из всего этого видно, что взявший на себя такой труд должен был являться настоящим реформатором в изучаемом нами вопросе, и таким действительно нужно назвать Клапрота.

Однако, признавая все значение этого ученого, мы должны сказать, что еще до него высказался по поводу происхождения Хунну, уже придерживаясь мнения о турчизме этого народа, известный французский монголог Абель Ремюза в своем сочинении «Recherches sur les langues tartares» (Paris, 1820). В этом исследовании, как уже видно из самого заглавия, не историческом, он однако коснулся некоторых исторических вопросов. К ним принадлежит и вопрос о происхождении Хунну. О Гуннах он почти ничего не говорил. Поэтому мы и можем считать его первым, высказавшимся по поводу новой теории, отвергающей

старую, но только относительно одной ее части, именно происхождения Хунну. Вышеназванное сочинение касается татарских языков, т. е. имеет цели филологические. К этим языкам наш автор причисляет: манчжурский, монгольский, восточно-турецкий и тибетский. Кроме небольшого предисловия, введения и небольшого же заключения, сочинение это делится на семь глав. Первая говорит об этих народах вообще. Вторая касается исторически-татарского алфавита. Третья — древнего письма Татар. Четвертая — орфографии и грамматики Манчжуров. Пятая — монгольского языка и его диалектов. Шестая — восточно-турецкого или уйгурского языка. Наконец, седьмая — тибетского. Интересующего нас вопроса Ремюза коснулся в первой, пятой и шестой главах. Сообразно с этим начнем и мы обозрение его мнений и доказательств.

Говоря о различных именах татарских народов, этот ученый должен был сказать и о происхождении имени Хунну. Он вообще придерживался того взгляда, что почти все варианты имени этих кочевников, приводимые в китайских летописях, тенденциозные переделки с оскорбительным значением. Так «Хунь-ё (Hun-yo) может значить проданные рабы; Гуй-фан (Kou-i-fang) — дьявольские, Хянь-юнь (Hian-yun) каналы, Хунну (Hiong-pou) — дурные рабы, Ту-гю (Thou-kioei) — наглые собаки и т. д. Это — воспоминания о ненависти и презрении, которые китайцы всегда имели к Татарам вследствие их невежества, а также разбоев и набегов, которые они постоянно совершали на земли империи» (стр. 8—9). Однако он думает, что Китайцы не произвольно выдумывали эти выражения, а обращали внимание на имена, которые Татары сами себе давали. Он склонен видеть в них татарские имена, только транскрибированные по китайски, с изменениями, свойственными китайскому языку. Он думал, что китайцы старались, чтобы соединение знаков, передававших эти имена, имело бы сатирический или презрительный смысл. При этом Ремюза указал на слово Ту-гю, которое, будучи верной передачей слова турок на китайском языке, вместе с тем имеет ругательный смысл

(стр. 9). Подтверждение этому он видит еще в том, что у китайских авторов иногда имя одного и того же народа изменяется по эпохам, но эти изменения никогда не бывают очень значительны, и без всякого труда можно заметить их общее происхождение. Так один и тот же народ носит то имя Хунь-ё, то Хяньюнь, то Хунну (стр. 10).

Очень трудно, по его мнению, найти настоящее имя народа, имея только китайскую транскрипцию. Причиной этого бывает часто незнание языка народа. Этот случай мы имеем и в отношении Хунну. Тут Ремюза высказал свое мнение о тождестве Хунну и Гуннов и указал на Дегиня, как на главного представителя этого отождествления. «Однако нужно сказать по правде», замечает он, «что Дегинь недостаточно доказал это тождество, которое, хотя и предлагает в свою пользу некоторую вероятность, но представляет и довольно большие затруднения» (стр. 11 и Введение, стр. XLVI). В совершенную противоположность Нейману, Ремюза придерживался того взгляда, что «историки и географы китайские, говоря о татарском народе, всегда стараются указать группу, к которой он принадлежит, относится ли это напр. к Хунну, т. е. Туркам или к Дун-ху, т. е. к Восточным варварам» (стр. 23). Итак, хотя в вопросе о происхождении имени этих кочевников Ремюза и придерживался мнений, не отличавшихся от мнений некоторых из предшествовавших ему писателей ¹, но он развил их и даже привел в систему, распространив эти изменения не только на данный случай, но и на другие. Многие сторонники монгольской теории, напр. Нейман и Иоакимф, придерживались этого же мнения относительно изменения имени, и вообще нужно сказать, что оно может считаться наиболее распространенным в исследованиях, касающихся нашего вопроса.

Говоря о Монголах, Ремюза в следующих словах охарактеризовал отношение их к Хунну и позднейшим кочевым государ-

¹ Вспомним мнение Дегиня по этому поводу.

ствам: «Монголы наверно часто входили, по крайней мере в качестве вассалов или подданных, в состав тех страшных союзов, которые образовывались к северу от Китая и угрожали целой Азии, под именами Хой-хэ (Hoi-ke), Ту-гю (Thou-kioeu), Жуань-жуань (Jouan-jouan), а в еще более древнее время Хунну (Hiong-pou), Хянь-юнь (Hian-yun) и др.» (стр. 242). Отыскивая древнейшие известия о Монголах, он даже высказал предположение, что Хунну, разделившись на северных и южных, следовали «естественному разделению двух народов, говоривших на разных языках, но до тех пор соединенных», т. е. что Хунну разделились на два, составлявших их элемента — на Турков и Монголов¹ (стр. 243). В этом предположении, кажется нам, можно слышать отголосок сообщений Абуль-Гази и мнения Дегиня. Однако, трудно определить, каких Хунну он считал отделившимися Турками и каких — Монголами. Если судить по порядку, в котором он упомянул о них, то можно думать, что северные Хунну были, по его мнению, Турки, а южные Хунну — Монголы. Впрочем, он высказался мимоходом, так что его воззрению, как и мнению Дегиня по этому поводу, нельзя придавать большого значения.

Более всего он сказал о Хунну в главе, посвященной турецким народам (стр. 249—330). Турецкое племя, считает он, как и большинство исследователей, одним из самых древних в Средней Азии, самым большим по числу принадлежащих к нему народов, наковец имевшим более всех других сношений с Западом. Он замечает, что, когда Китайцы говорят о народах, принадлежащих к тунгузскому племени, то только сообщают, что они потомки Дуи-ху, когда же говорят о народах турецких, то относят их к потомкам Хунну. Сохраненные китайскими летописями слова языка Хунну он считает турецкими; страна, из которой вышли Хунну, та самая, которую все известные нам турецкие

¹ Хотя роль Монголов до разделения он, видимо, считал совершенно незначительной, так как Хунну (до разделения) он называл Турками.

народы называют своей родиной. «Если вероятно, что империя Хунну, рассматриваемая на всем ее большом протяжении, заключала в себе многие тунгусские, монгольские, сибирские, готские и может быть финские племена, тем не менее, можно сказать наверно, что главное ядро и господствующий народ были Турки» (стр. 326—327). Исследуя границы распространения Хуннского владычества, он думает получить правильное понятие о распространении турецкого племени, «если не в его первобытном состоянии, то по крайней мере в самом древнем из известных нам по истории» (стр. 327).

Сравнительно очень мало сказал он об отношениях Хунну к Гуннам. Мельком он заметил только, что не могут касаться его сочинения события, «которые распространили имя Хунну на Гуннов, если только это имя есть то же самое, что имя Гуни» (стр. 328). Тут же он добавил, что хотя Дегинь и считал это тожество несомненным, однако он представляет довольно много затруднений (каких именно, он не сказал) и нуждается в новых доказательствах (стр. 328, прим. 3).

Из этого обзора мнений Ремюза мы можем заключить, что он главным образом говорил о происхождении Хунну, причем считал как этот народ, так и его потомков Ту-гю — Турками, допуская впрочем, что в их состав входили и другие элементы, но только в виде подданных или вассалов. Гуннов же он считал Финнами. Этого он впрочем не доказывал или считая аксиомой, или думая, что этот вопрос не относится к области его знаний, и потому опираясь на мнение других. Из этой разноплеменности Хунну и Гуннов естественно следовал вывод, что они не могли быть одним и тем же народом. Могла быть только передача имени, о которой, впрочем, как мы уже видели, Ремюза не распространялся.

Перейдем теперь к разбору его мнений. То, что он высказал по поводу происхождения имени Хунну, весьма вероятно. Некоторые ученые¹, приняв это воззрение, не соглашались при этом

¹ Напр., как мы уже видели, Нейман.

с его переводами некоторых имен этого народа¹. Но даже сходясь в понимании смысла отдельных слов, нельзя не видеть сходства в звуках между Хунь-ё, Хянь-юнь и Хунну. При этом созвучия гипотеза Ремюза делается правдоподобной. Говоря неоднократно о бездоказательности Дегиня относительно тождества Хунну и Гуннов, этот исследователь не приводит нигде доводов в пользу принятия его взгляда. Если все различие между Хунну и Гуннами Ремюза видит в их разноплеменности, то этого еще недостаточно для отрицания исторической связи и даже, до некоторой степени, тождества этих народов, особенно если он сам допускает передачу имени² и правильно смотрит на племенный состав кочевых народов³. Как мы уже говорили, его мнение о стремлении китайских писателей всегда указать племя упоминаемого ими кочевого народа, противоречит утверждению Неймана, что Китайцы не различают кочевые народы по племенам. Выше мы сказали, что этот ученый однако вместе с тем признавал, что сами Китайцы делали различие между Монголами, Тунгузами и Турками. Таким образом он впал в противоречие с самим собою. Об этих взглядах китайских писателей мы скажем дальше (см. главу V), тут же только заметим, что, по нашему мнению, действительности отвечает больше мнение Ремюза.

Мнение его о возможности видеть в разделении южных и северных Хунну — естественное разделение этого народа на Монголов и Турков, не было проведено с последовательностью, да при том оно и не имеет большого отношения к нашему вопросу, так как Ремюза, как мы уже сказали, считает Монголов скорее за южных Хунну, а для нас именно важен вопрос о племенах древних Хунну и их северных потомков, как возможных соплеменников Гуннов Запада. Этих древних Хунну Ремюза, не сомневаясь,

¹ Напр. Ремюза переводит Хунь-е — проданные рабы, а Нейман — лукоеды.

² Впрочем Ремюза не объяснил, каким путем могла произойти эта передача. По нашему мнению передача имени может быть в подобном случае только при перенесении династийного имени одного народа на другой.

³ В этом же отношении он может служить примером. Вспомним его мнение о составе Хунну.

считал Турками, хотя и высказался по этому поводу, не приведя многих доказательств. Так, напр., не мешало бы привести те хуннские слова, которые Ремюза считал несомненно турецкими. Вообще нужно сказать, что все, что этот ученый высказал по нашему вопросу, высказано им как то мельком, что объясняется, по нашему мнению, тем, что он в этом сочинении не мог говорить подробно по вопросу о происхождении народов и их племенной принадлежности, так как в таком случае уклонился бы от основной, филологической задачи своих исследований. Об этом конечно надо сожалеть, так как такой талантливый и при том обладающий методом ученый бесспорно принес бы много пользы. Его нужно считать первым, предложившим считать Хунну Турками.

Хотя Ремюза и первый высказался за турцизм Хунну, однако главным представителем этой теории, как мы уже сказали, должен считаться Клапрот. Он неоднократно писал об этом и не мимоходом, а посвящая специальные исследования. Его мнения далеко не всегда были основательны и безошибочны, однако с многим из того, что он писал, надо считаться. Впервые высказался он по этому поводу в «Asia polyglotta» (Paris, 1823). Тут еще, выступая с новыми взглядами, он, видимо, руководился сообщениями Ремюза. Так, начиная изложение о Турках, он сказал следующее: «китайские летописи называют их *Chiun-jü*¹, при династии Шан (1766—1134 до Р. X.); при Чжоу (1134—256 до Р. X.) они назывались *Chian-jün*, а при Цинь и Хань (256 до Р. X. — 263 по Р. X.) — *Chiung-mi*. Видно, что это одно и то же имя с незначительным изменением в выговоре» (стр. 210). Далее он сообщил о древнем китайском известии, что князь этого народа происходил от Шюп-ву или Шюп-уи (обе транскрипции Клапрота), сына последнего императора династии Хя (Ниа), который, после смерти отца, бежал с 500 человек в землю этого кочевого народа и сделался чень-ю (шаньюй), или царем.

¹ Транскрипция Клапрота, как и все следующие транскрипции этого имени в данном отрывке.

Оттого и весь народ стал называться Chiun-jü. В этом важно, по нашему мнению, объяснение имени народа; тут Клапрот высказал своеобразный взгляд. Своеобразно также его объяснение некоторых исторических фактов. Движение северных Хунну на Запад считает он первым толчком к переселению среднеазитских народов. В оставленных ими странах между истоками Амура и Селенги с одной стороны и Алтайскими горами с другой появились монгольские и тунгузские племена, которые, усиливаясь, привели к гибели царство южных Хунну, которое и рушилось в III веке. В этом Клапрот видел причину, «второго рассеяния и странствования большей части народа Хунну на Запад». Их бывшая страна была окончательно заселена народами другого племени. Из части этих Хунну, ушедшей на север, вышли впоследствии Ту-гю (стр. 211—212). В этом же сочинении он выразил ту мысль, что как западные Фвины были германизованы, так восточные — отуречены (стр. 183).

В 1825 году Клапрот напечатал в *Journal Asiatique* (Novembre) статью *Mémoire sur l'identité des Thou-khiu et des Hioung-pou avec les Turcs*. И в этой статье Клапрот еще следовал воззрениям Ремюза, дополняя и доказывая их. Редакция этого журнала сочла даже нужным заметить при напечатании этой статьи, «что неоспоримое тожество Ту-гю и Хунну с Турками также подтверждается и доказывается в сочинении Абея Ремюза». Как показывает заглавие, автор задался целью доказать турчизм Ту-гю. Родство же этих последних и Хунну «их предков», он считает доказанным¹. Прежде всего Клапрот привел доказательства из языка. Выше мы приводили возражения Шмидта относительно производства слова Турок от «такья». Клапрот предложил другое толкование: он указал на близость слова «терк», которое значит шлем, к слову «турок»². Кроме

¹ В настоящее время, как видим, получается обратное. Турчизм Ту-гю, благодаря Орхонским надписям, несомненен, тогда как их тожество с Хунну требует доказательства.

² Проф. Шотт (*Ueber das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht* в *Abhandlungen Berliner Akademie*, 1847, стр. 292) указал формы слова

того он привел до 20 тугюйских слов, сохранных нам китайскими летописями, и доказывал их несомненное турецкое происхождение и отличие от монгольских слов. К этим лингвистическим доказательствам примыкают, по его мнению, и исторические. Он указал на одновременное появление в византийских летописях известий о Турках и в китайских о Ту-гю, на сходство некоторых обычаев того и другого народа и т. д. Мы не будем долго останавливаться на этой статье, так как, во-первых, тожество это еще было повторено Клапротом в главном его сочинении по этому вопросу, во-вторых, вопрос о родстве Ту-гю и Турков не относится непосредственно к нашей работе и, в-третьих, после открытия Орхонских надписей тожество это не нуждается в доказательствах.

Вышеприведенные доводы относительно происхождения Ту-гю, равно как и некоторые другие соображения, Клапрот повторил еще и в известной нам по критике Шмидта книге.

Все эти исследования и статьи были подготовительными работами для обобщений и заключений, которые Клапрот представил в своем сочинении, озаглавленном: *Tableaux historiques de l'Asie* (Paris, 1826). Оно заключает в себе исторический атлас и историко-этнографическое разыскание. Вот в этих разысканиях Клапрот главным образом и исследовал интересующий нас вопрос. Поэтому мы должны уделить им больше места, чем вышеупомянутым работам. Этот второй том есть собственно историческое и этнографическое объяснение к атласу. Конечно не все, заключающееся в нем, должно относиться к нашему вопросу. О Хунну он сказал на стр. 101—121 (*Aperçu historique et ethnographique des peuples de l'Asie moyenne; peuples de la race turque*), а о Гуннах на стр. 234—260 (*Recherches sur la grande migra-*

«дулга» в турецких языках. В монгольском языке он отметил формы *dughulga* или *dulgha*, а в турецких *thughulgan*, *tughulga*, *tulgha*, *daghulghan*, *daulghan*, *daulgha*, *talgha*, *dalgha*. Слово «торк» он считал не турецким. Форму «турок» он сближал с «дулга» с заменой звука *l* звуком *r*.

tion des peuples de la race finnoise orientale; Huns et les tribus hunniques). Начнем по порядку с его исследования о Турках.

Разбирая известие о народах турецкого происхождения, Клапрот конечно должен был начать с Хунну. Описав обычаи этого народа и передав китайские известия об именах в разные времена (Хунь-ю, Хянь-юнь и т. д.), он высказал о происхождении этих имен то же мнение, какого ранее держались Ремюза и он сам в *Asia poliglotta*. Затем он перешел к изложению истории этого народа. Для понимания взаимных отношений Хунну и Гуинов чрезвычайно важно правильное отношение к фактам, сообщаемым китайскими летописями. Однако в этом отношении Клапрот далеко не безупречен. Передавая о неурядицах, происшедших в государстве Хунну в половине первого века до Р. Х. и о подчинении Китаю Ху-хань-е (Hou-han-sie), он совершенно не упомянул о том, что случилось с частью Хунну, откочевавшей под предводительством Чжи-чжи на Запад. Более того — он даже совершенно не говорил об этом факте, чрезвычайно важном в нашем вопросе, и которому придают большое значение два других исследователя истории Хунну¹. Признавая, что северные Хунну откочевали в 91—92 гг. на Запад, вот что он сказал об их дальнейшей судьбе: «остатки северных Хунну перешли в своем бегстве в Цзянь-вэй (Kin-wei) и направились на Запад к Кап-гюю (Kha'g-khiu) или Согдиане... (затем) они были принуждены остановиться к северу от Гуй-цу (Khuei-thsu) или нынешнего Куча, стране, имевшей несколько тысяч ли протяжения, и в которой они пребывали некоторое время под именем Юе-бо или Юе-бань (Jue-po или Jue-pau). Позже они пошли на северо-запад и жили под тем же именем в стране, расположенной по обе стороны гор Улу-тау (Oulou-tau) и Алгин-тау (Algh n-tau), которые служили южной границей Ишимской степи. Затем эти Юе-бо заключили союз с Жуань-жуань, но в конце концов пос-

¹ См. Дегинь, «Histoire des Huns», т. 1, ч. 1, стр. 60—95 и Иакинф, «История народов Средней Азии», т. 1 ч. 1, стр. 76—80.

сорились, и эта ссора служит поводом для многих сражений. В 448 году они отправили посольство к Вэй (Гоэ.), чтобы предложить им напасть на Жуань-жуань с Востока, в то время как они сами нападут с Запада. После этого история не упоминает об этих Хунну, которые вероятно смешались с другими турецкими народами» (стр. 109—111). Вот и все, что сообщил Клапрот о выселении северных Хунну на Запад. Оставшиеся после таких поражений немногочисленные северные Хунну вполне подчинились усилившемуся Сянь-би и таким образом совершенно утратили как имя, так и политическое существование. Ту-гю или Турки, по его мнению, потомки Хунну. Тут он передал сообщенное китайскими летописями предание об удалении части Хунну к Си-хаю или Западному морю и об их усилении там. Сходство же предания о происхождении Турков с тем, что Санаи-Сэцзи сообщал о происхождении Монголов, Клапрот объяснял заимствованием последними у первых.

Перейдем теперь к известиям о Гуннах. Первым сообщившим о них Клапрот считал Дионисия Периегета, упомянувшего о следующих четырех народах, живших на западном берегу Каспийского моря, по порядку их расположения с севера на юг: Скифы, Гунны (*Ouvvci*), Каспии и Албаны. Это известие наш исследователь привел в связь с тем, что сообщил Эратосфен (умерш. в 194 г. до Р. Х.), известие которого дошло до нас лишь в цитате у Страбона. Он называет те же народы, живущие к западу от Каспийского моря, и в том же совершенно порядке, только вместо Гуннов у него стоят Уитии (*Oviti*), «которые», прибавляет Клапрот: «были вероятно гунским племенем, наиболее выдвинувшимся на запад». Птолемей¹ упомянул о Гуннах, которые по его словам, жили между Басгарнами и Роксоланами, т. е. на берегах Борисфена (Днепра). Армянские историки тоже знают этот народ, который они называют Хунк. По их сообще-

¹ Заметим, что Клапрот ошибочно думал, будто Птолемей писал в половине третьего века по Р. Х. (*Tab. hist.*, стр. 235), тогда как он писал в половине второго века.

нием он жил между Волгой и Доном. Зонара передает, что по мнению некоторых император Кар был убит во время похода на Гуннов. На основании всех этих известий Клапрот думал, что Гунны были известны еще до своего вторжения, и если Аммиан Марцеллин заметил, что они были мало известны древним, то вовсе не хотел сказать, что древний мир ничего равно не слышал о них. Затем Клапрот привел известия современные и последовавшие за гунским вторжением. Это— известия Аммиана Марцеллина, Зосима, Иорнанда, Аполлинария и Сидония. Признавая, что ужас, который эти варвары внушали всем народам Европы, содействовал возникновению известий об их отталкивающей внешности, он однако не считал их арийцами. Различные варварские народы, каковы, напр., Лонгобарды, Готы, Вандавы и др., которые раньше Гуннов вторгались в земли Римской империи, не отличались по внешнему виду от европейских народов, до сих пор известных, и от самих Греков и Римлян. Гунны же поражали и удивляли как несдерживаемым нападением, так и наружностью, безобразною и от того, что принадлежали к чуждой, до тех пор неизвестной расе, и, быть может, от искусственного изменения ее.

Отдавая должное знанию и трудолюбию Дегния, Клапрот считал неосновательным отождествление Хунну и Гуннов. Он особенно указывал на то, что в эпоху своих переселений этот народ¹ уже не назывался Хунну, а Юе-бо или Юе-бань. Это же имя ничего общего с именем Гуни (Хуни) не имеет. Более того, Гунское племя, упомянутое Эратосфеном, жило за 200 лет до нашей эры к западу от Каспийского моря, тогда как Юе-бо не пришли еще тогда к истокам Ишима, а жили вместе с другими Хунну на севере от Китая.

Раньше мы привели возражения Клапрота против объяснений гунских имен из монгольского языка, предложенных Бергманом.

¹ Даже не весь, а только часть его, потому что другая часть осталась в Восточной Азии.

Однако он не только отрицал его мнение, но и приводил свое. Он указал на некоторые гунские имена, которые не могут быть ни турецкими, ни монгольскими вследствие скопления согласных, напр., Бледа, Глонес, Боарекс, Сиракс Скотта и др. Тут Клапрот задался вопросом, к какому племени могли принадлежать Гунны, и ответил, что византийские историки оставили нам подробные разъяснения по этому поводу. «Никита, Лев Грамматик, Георгии монах сообщают нам, что Венгры — тот же народ, что Гунны». «Древние венгерские хроники говорят то же самое». «Книнам называет Венгров — западными Гуннами (Οὐγγροι ἑσπερίοι)». Наконец, он видит сходство даже в имени Гуннов и Венгров (Oungri). В именах многих гунских племен встречается имя Oungri или Ougri (Венгры), напр., Огор (Ogor), Унигур (Ounigour), Утигур (Outigour), Кутригур (Koutrigour), Сарогур (Sargour) и др. Основываясь на словах Феофилакта Симокатты, что «Авары по происхождению Гунны», Менандра, который назвал переводчика, участвовавшего в переговорах византийцев с хаканом аварским — «переводчиком с гунского», Кедрина, который сообщил, что Хозрой желал заключить против Византийцев договор с «западными Гуннами, которых также называют Аварами», — Клапрот признал, что Гунны и Авары одно и то же племя. Он старался объяснить имена гунские при помощи венгерского и лезгино-аварского языков. Так, слово Ἄττλης или Etsel он сближал с венгерским Atzel — сталь и с очень распространенным именем у Лезгино-Аваров Adilla, Μουδίουχος или Μουτζαχ (имя отца Аттилы) с венгерским словом Mentseg, которое значит «покровительство», Χρῶαχ (имя сына Аттилы) с венг. словом Hír-nagy «большая слава», Δεγγίσιχ (имя сына Аттилы) с венг. Tenyészes, «плодородие», с лезгино-авар. Dingatsik, собственным именем семейства и т. д. Нарядительные гунские слова он также старался объяснить словами этих языков. Река называется по лезгино-аварски «ор» (or, hog, onog), а по гунски она называлась «вар». Впрочем Клапрот заявлял, что не считает Гуннов и Лезгино-Аваров за один и тот же народ.

Он думал, что после разрушения аварского царства часть народа могла удалиться на Кавказ и основать там новое государство. Авары смешались с древними обитателями этой страны, лезгинами, язык которых они и приняли, сохранив лишь некоторые свои слова и имена.

Что касается до наружности, то она, как мы уже говорили, подходит, по мнению Клапрота, не только к народам монгольского происхождения, но и ко многим другим. Он считал возможным найти сходство между наружностью Гуннов и Вогулов, которые по описаниям «очень походят на Калмыков». К этому сходству по наружному виду Клапрот присоединил то, что «во многих диалектах вогульского языка *hoim*, *khoum* и *koum* означает — человек», а это слово хун есть то же, что Гуня (правильнее Хуня). Вогулы живут как раз в тех местах, которые прежде назывались Великой Гуннией или Великой Угрией. По словам Рюнсбрёка «из страны Паскатилов (т. е. Башкиров) вышли некогда Гунны, которые потом были названы Венграми». Однако и в данном случае Клапрот вовсе не утверждал, что Гунны и Венгры совершенно тождественны. В состав последних вошли еще турецкие, славянские и германские элементы, так что совершенно изменили наружность Венгров, но ядро народа было финское и даже специально-гунское.

Наконец большую разницу между Хунну и Гуннами видел Клапрот и в обычаях. Так, по рассказам китайских летописцев Хунну жили в войлочных палатках, тогда как западные писатели сообщают, что Гунны ездили в повозках, запряженных волами. Это по его мнению «характерное различие». Итак, Клапрот полагал, что Хунну были Турки, с Гуннами ничего общего не имеющие. Эти же последние были Финны, предки теперешних Венгров.

Уже до нас высказался по поводу теории Клапрота Семенов. Поэтому приведем сначала его возражения, которым посвящены стр. 631 — 634 I тома «Землеведения Азии» Ритгера (в русском переводе, СПб., 1850). Одновременно с этим Семенов из-

ложил и свои взгляды. Так как его мнения прямикают к третьей теории, то мы и приведем их в следующей главе; тут же ограничимся его разбором доказательств Клапрота. Всю его теорию Семенов разделяет на три части: первая — доказывает соплеменность Гуинов и Финнов, вторая — тожество Ту-гю и Турков, третья — соплеменность Хунну и Ту-гю. Изложив вышеприведенные доводы Клапрота, Семенов вполне согласился с тем, что Гунны были, по всей вероятности, финского племени. Он также не считает возможным возразить что-нибудь против тожества Ту-гю и Турков. Это, по его мнению, «самая несомненная часть целой теории Клапрота». Но третья часть теории, тожество Хунну и Ту-гю, встречает с его стороны опровержение. Считая единственными доказательствами в пользу этого полное замещение Хунну Тугюйцами или турецкими племенами на северо-западных пределах Китая (в Иньшаньской альпийской стране) и показания китайских летописей относительно того, что Ту-гю произошли от Хунну, Семенов признает их совершенно недостаточными. Тожество двух народов по его мнению таким путем не доказывается. Происхождение Ту-гю от Хунну могло быть не этнографическое, а политическое — если же дело обстояло так, то конечно Турки могли произойти от Финнов.

Прежде чем представить разбор главного сочинения Клапрота, мы должны сказать еще несколько слов о его мнениях, выраженных ранее в «Asia polyglotta». Мы уже говорили о разных именах Хунну при изложении и разборе мнений Ремюза. Здесь повторим, что считаем гипотезу его и Клапрота весьма правдоподобной. Мнение о происхождении имени народа Хунью от основателя царствующего дома мы сочли бы весьма возможным, если бы это известие подтвердилось сообщениями других писателей. Однако никто не говорит, что Шунь-вэй (Шун-ву у Клапрота) иначе назывался бы еще Хунью, и что народ назывался по его имени, а сам Клапрот не указал источника, из которого почерпнул это известие, и ни в одном из последовавших сочинений не упомянул о нем. В этом же сочинении он видел при-

чину движения Хунну на Запад, во-первых, в падении северных Хунну (конец I века по Р. Х.) и, во-вторых, в разрушении государства южных Хунну (в III веке по Р. Х.). Однако о переходе Хунну на Запад в III веке ничего не сообщается у китайских историков. Мы допускаем, что это переселение было возможно, но, не имея точных данных, не можем считать несомненным. О тождестве Ту-гю и Турков, равно как и о возражениях против теории Шмидта, мы уже говорили. Поэтому теперь обратимся к главному сочинению.

Клапрот не точно изложил историю Хунну. Он совершенно не упомянул об откочевании шаньюя Чжя-чжи. Какое бы значение ни придавать этому движению, несомненно о нем необходимо упомянуть. При изложении истории части северных Хунну после их откочевания на Запад он сообщил, что этот народ остановился на севере от Куча, где и жил под именем Юе-бо или Юе-бань¹. Здесь мы сталкиваемся с каким то недоразумением, которое более склонны приписать просто ошибке Клапрота. Мы выше говорили, что Нейман предполагал видеть в стране Юе-бань или Юе-бо Эйлюзия древних или Угорский край. Дегинь (т. I, ч. II, стр. 278) тоже сообщил, основываясь на китайском сочинении Вэнь-сянь-дун-гао (Ven-hian-tung-kaо), что шаньюй (или как он говорит «таньжу», tanjou) северных Хунну, перейдя страну Кан-гюй, прибыл в страну, называемую Юе-бань (по мнению этого ученого — область, соответствующая нынешней Уфимской губернии). Иакинъ высказал мнение, что страна Юе-бань была, вероятно, расположена по бассейну Зайсана и занята Хунну на их пути в Кан-гюй. Часть их там и осталась. Слово Юе-бань, по его мнению, название династии, правившей над этими отсталыми². Таким образом все эти ученые утверждают вопреки

¹ По мнению Вивьен де Сен Мартена, высказанному в статье «Sur les Huns Blancs ou Euphtalites» (в Nouvelles Annales des voyages, т. III, 1849, стр. 39, пр. 4) при Ханях Кан-гюем называлась не Согдиана, а киргиз-казацкая степь, вопреки мнениям Клапрота и Ремюза (Nouveaux mélanges asiatiques, стр. 225).

² Вот текст перевода с китайского: «Владение Юе-бань лежит от Усуния на северо-запад... это есть аймак, прежде принадлежавший северному хуннускому

мнению Клапрота, что Юе-бань имя страны, при чем один высказывает мнение, что страна получила имя от династии, оставшейся там после ухода Хунну далее на запад. Что касается до известия, сообщенного Клапротом, об отправлении посольства от народа Юе-бань в Китай, то об этом подробнее сообщил Дегинь на стр. 342 II части I тома. Основываясь на известиях, сообщенных в Гап-му (Каш-мо), Ли-дай-ци-су (Lie-tai-ki-su) и Вэнь-сянь-дун гао (Ven-hian-tung-kaao), он рассказал следующее: «Более всего беспокоило жужанского Чу-ло-хава посольство, которое Гунны, жившие в Юе-бане или стране Башкиров, отправили к императору Вэй, чтобы предложить ему заключить договор, по которому они обязывались напасть на Жу-жань со стороны запада, тогда как Вэй сделали бы то же самое с другой стороны Азии; кажется, это посольство было отправлено Аттилой, который только что подчинил все народы северной Европы и государство, примыкавшее к Жужанам». Дегинь, как и Клапрот, относит это событие к 448 году по Р. Х. Таким образом, этот факт несколько не противоречит существованию Гуннов в Юе-бане. Так как Гунны в 448 году, т. е. за три года до Каталаунской битвы, продвинулись на Запад очень далеко от пределов Восточной Европы, то, быть может, посольство не было снаряжено самим Аттилой, а какойнибудь оставшейся позади ордой, которая и вступила в сношения с далеким Востоком. Может быть также, что, когда Гунны ушли из Юе-бана, имя их осталось там памятным и перешло на другой народ, ничего общего с ними не имевший. Наконец, если принять мнение

шаньюю; прогнанному китайским полководцем Дэу-хянь. Северный шаньюю, перешед через хребет Гинь-вэй-шань (Тарбагатай), ушел на запад, в Кангюй; а малосильные, которые не в состоянии были следовать за ним, остались по северную сторону Кучи» (Собр. свед. о нар. Ср. Азии, т. III, стр. 163—5); а вот собственное мнение Иакнифа: «Юе-бань есть название владения, занимавшего земли от Усуя на северо-запад. Это был один из аймаков, принадлежавших северному хуннскому шаньюю... Слабосильные заняли нынешний Тарбагатайский округ под названием дома Юе-бань» (ibid., указатель имен географических, стр. 109).

Иакинфа, то и в таком случае ничто не будет противоречить тождеству Хунну и Гуннов—ведь тогда Юе-бань являются отсталыми Хунну, далее на Запад не пошедшими.

Клапрот привел не много доказательств в пользу турчизма Хунну. Это, вероятно, объясняется тем, что он уже не первый писал об этом, а только повторял и распространял то, что до него сказал Ремюза. Далее мы приведем свои дополнительные соображения по поводу турчизма Хунну.

Такое же недоразумение, как и с Юе-бань, мы встречаем у Клапрота и в другой раз, именно в изложении истории Гуннов. Сообщив, что первыми известиями о Гуннах обязаны мы Дюнисию Периегету, он старался сопоставить эти сообщения с тем, что передал нам Эратосфен (по Страбону). Нужно сказать, что это сопоставление первый сделал не Клапрот, а гораздо раньше его Тунман (*Untersuchungen über die Geschichte der östlichen, euröaischen Völker, 1774, Erster Theil*). Приведем его слова: «Дюнисий Периегет располагает Гуннов у Каспийского моря, там, где впадает в него Волга... Уже по словам Страбона сидел здесь, у Каспийского моря народ Уитиев, к северу от Каспиев, тогда как эти последние жили к северу от Албанов. В таком же порядке поместил Дюнисий Гуннов, всего далее на север, потом к югу Каспиев и Албанов» (стр. 24—25). Поэтому, в данном случае Клапрот только повторял то, что сказали уже до него. Посмотрим теперь, насколько возможно подобное отождествление. Против него восстал уже Нейман (см. стр. 39 его сочинения). Действительно, неужели достаточно одного этого порядка для того, чтобы утверждать, что два народа, не имеющие никакого сходства в имени, как Гунны и Уитии (*Ουίτιοι* или *Κουίτιοι, Uiti*) одно и то же? Разве не мог Дюнисий, который, как и все писатели греко-римского мира, плохо знал географию Средней и Северной Азии, прямо списать из Страбона перечень народов, живших на запад от Каспийского моря, заменив только менее всех других в этом перечне известный ему народ Уитиев—Гуннами, которые в его время настолько усилились на границах

Европы и Азии, что неясные слухи о них стали доходить и на Запад? Итак, принимая отождествление Гуннов с Уитиями произвольным, мы считаем Дионисия Периегета и Птолема, сохранившими нам древнейшие известия о Гуннах. Остальные известия древних о Гуннах, по нашему мнению, переданы у Клапрота правильно.

Вполне верно сообщение, что византийские писатели производили Мадьяров от Гуннов. В данном случае впрочем нельзя относиться строго к этому мнению византийцев. Дело в том, что страшные набеги кочевников не скоро забывались, и долго еще народы, приходившие из тех же мест, откуда пришли некогда грабители и враги культуры и оседлости, назывались теми же именами. Вспомним только, как долго держалось имя Скиф. Далеко не все ученые согласны производить Мадьяров непосредственно от Гуннов. Некоторые видят причину существующих у Венгров преданий о происхождении их от Гуннов, просто в том, что они поселились там же, где некогда жили Гунны, т. е. в Паннонии и в силу этого унаследовали местные предания. Таковы, напр., мнения Уйфальви (*Migrations des peuples touraniens*, стр. 85) и Ам. Тьерри («*Histoire d'Attila*», tome II, p. 360). С. Кассель, исследователь древнейшей истории Мадьяров, тоже не соглашался с этим отождествлением (см. S. Cassel, «*Magyarische Alterthümer*», Berlin, 1848, стр. 1—70)¹. Хотя Клапрот не утверждал, что Мадьяры чистые потомки Гуннов, а думал, что ядро этого народа, т. е. правители и окружавшая их дружина были Гунны, однако мы именно это и считаем сомнительным.

Мы не видим также особенного «характерного различия» в том, что один народ жил в войлочных палатках, а другой

¹ Французский угролог Сейус (Sayous) в своей небольшой, но очень полезной, как обобщение всех предшествующих исследований в этой области, книге «*Les origines et Période païenne de l'histoire de Hongrois*» (Paris, 1874), считал, однако, возможным установить через Секлеров связь Мадьяров с Гуннами, «в том смысле по крайней мере, что переселения Гуннов, Аваров и Венгров три результата аналогичных движений народов одной и той же расы» (см. стр. 29). Впрочем отождествление подобного рода устанавливает лишь очень отдаленную связь между двумя народами.

ездил в повозках, запряженных быками. В одном случае византийцы могли говорить о способах передвижения Гуннов, а в другом китайцы могли рассказывать о жизни Хунну во время стоянки.

За Ремюза и Клапротом последовали многие ученые. Под явным влиянием последнего находился А. Жардо в сочинении «*Révolutions des peuples de l'Asie moyenne*» (Paris, 1839). Хунну у него Турки (t. I, pp. 175—6), Гунны же Финны (t. I, p. 139), и при том Финны восточные (t. I, pp. 166—168; см. также приложенные ко II тому таблицы). Отожествлять Хунну и Гуннов он не считает возможным. Возражения его против Дегния и теории монголизма есть повторение возражений Клапрота (особенно ясно влияние Клапрота в том, что он считал Юе-бань именем Хунну, ушедших на Запад). Знаменитый географ Карл Риттер в первом томе своего «*Землеведения Азии*» (русский перевод, СПб., 1850), говоря об Инь-шане, коснулся и Хунну. Тут он высказал тот взгляд, что «они принадлежали к родам многочисленного туркского племени» и что имя их есть «обращение в дурной смысл неизменного такого смысла созвучного туземного имени» (625). Мы не будем долго останавливаться на том, что сообщил Риттер, так как в его сочинении повторены мнения Ремюза и Клапрота¹. К этому же взгляду на происхождение Хунну присоединился и другой известный географ Рихтхофен (*China*, т. I, стр. 49). В пользу турцизма Хунну высказались еще известные этнографы Ф. Мюллер (*Allgemeine Ethnographie*, Wien, 1873, стр. 347—348) и Жирар-де-Риалль

¹ Заметим, что Риттер, следуя за Лассеном (*Die altpersischen Keilschriften von Persepolis*), признал в десятом народе персепольской гноздеобразной надписи (Hunā, Hunas) — Гуннов (см. русский перевод *Землеведения Азии*, Иран, 1874, стр. 106). Однако это имя надо читать Яўна и разуметь под ним Ионян или вообще Греков (см. там же статью Шингеля, стр. 166). Витерсхейм, руководивший исследованием Фейера (о нем см. ниже), повторил однако то, что сообщил Лассен. Барон П. К. Услар (*Древнейшие известия о Кавказе в Известиях Кавказского Отдела Географ. Общ.*, XII, стр. 535) тоже принял это мнение (следуя уже не Лассену, а Риттеру). Д. П. Иловайский повторил сообщенное Усларом (*Поборники норманизма и туранизма в Русской Старине*, 1882, т. XXXVI, стр. 612).

(Mémoire sur l'Asie Centrale, Paris, 1875, стр. 37, придерживавшийся, повидимому, того взгляда, что Хунну и Гунны один и тот же народ, см. стр. 29), В. В. Радлов (К вопросу об Уйгурах, LXXII т. Зап. Ак. Наук, прилож. № 2), Н. А. Аристов (Заметки об этническом составе тюркских племен в Живой Старине за 1896 г.) и др. В пользу финнизма Гуннов высказались финские ученые Кастрен и Коскинен. Первый в своих «Reiseberichte und Briefe» (herausgegeben von A. Schiefner, 1856) на стр. 9 высказал мнение, что «Гунны были по всей вероятности предками Финнов», а в «Ethnologische Vorlesungen» (СПб., 1857) повторил то, что сообщил Клапрот (стр. 55—58), хотя тут, признавая Гуннов алтайцами, сомневался, к какой группе их отнести (стр. 71)¹. Коскинен в своей «Finnische Geschichte» (Leipzig, 1874) на стр. 4 причислил Гуннов к угорской ветви финского племени². F. H. Müller в своем сочинении «Der Ugrische Volksstamm» (Berlin, 1837), в I томе, сказал по поводу происхождения этого народа следующее: «Мы понимаем под именем гунских народов тех, которые обыкновенно называются финскими и которые русскими называются чудскими, также угорскими народами, но лучше всего могли бы вообще назваться уральскими, хотя это наименование имеет более географический, чем историко-этнографический характер» (стр. 2). Шафарик в «Славянских древностях» (перев. Бодянского, 1847 г., т. I, кн. II, стр. 87—88) повторил выводы Клапрота и отрицал словопроизводства, предложенные сторонниками монголизма. К его мнению относительно несостоятельности этих словопроизводств присоединился венгерский ученый P. Hunfalvy в «Ethnographie von Ungarn» (Budapest, 1877). Однако этот исследователь не считал

¹ Вот почему мы и не можем считать Кастрена определенно высказавшимся за мнение Клапрота, как то думал Семенов на стр. 632 I тома «Землеведения Азии» Риттера.

² В «Geschichte von Ungarn», Fessler'a (второе издание, обработанное Клейном, Leipzig, 1867, Erster Band, 11) хотя ничего не сказано определенного относительно того, к какой этнографической группе надо отнести Гуннов, однако принято то мнение Клапрота, что они и Хунну не тождественны.

возможным с точностью определить племенную принадлежность Гуннов; Гунны, как и их потомки Болгары, были, по его мнению, Угры; но к какому отделу этого племени они принадлежали — сказать трудно (см. у него стр. 77 и 252—255). Историк Пальман высказался за финнизм Гуннов (*Geschichte der Völkerwanderung*, 1863, стр. 91). Из русских ученых явился сторонником теории финнизма Гуннов этнограф Риттих (*Материалы для этнографии России*, Казань, 1870, т. I, стр. 25), который даже склонен был прямо считать их за Остяков, смешанных с Вогулами, Вотяками и Башкирами. (Впрочем позже, в изданных этим исследователем «Четырех лекциях по русской этнографии», говоря мимоходом о Гуннах, он назвал их турецким народом, в войсках которого были Угры, Финны и Славяне. См. стр. 36 этого исследования).

Найдутся, конечно, и еще многие другие сторонники этой теории; мы старались указать, главным образом, наиболее авторитетных. Одни из них просто высказывались за принадлежность Гуннов к обширной финской группе урало-алтайских народов, другие даже считали их специально Уграми и предками Магьяров.

Рассмотрев взгляды ученых сторонников этой теории и представив разбор их, мы должны сказать, что она совершенно противоположна теории монголизма. Она отрицает все три положения этой последней: и монголизм Хунну, и монголизм Гуннов, и тожество этих двух народов. Что касается до ее общего значения, то нужно сказать, что, хотя некоторые положения ее мы и считаем смелыми и недоказанными, однако большой заслугой ее является то, что ее представители, излагая ход переселений народов из Средней Азии в Европу, внесли в свою работу больше порядка, больше системы, чем сторонники первой теории, придерживались более правильного мнения о ходе переселений различных народов из Средней Азии в Европу. Поэтому она стала ближе к истине, чем первая. Только при знании общего хода истории, можно решать отдельные вопросы.

IV.

Теория финнизма Хунну и Гуннов. Сен-Мартен, его общие взгляды и мнения относительно отдельных частей этого вопроса. Сторонники финнизма Хунну. Вильен-де-Сен-Мартен и разбор его доводов. Семенов, его доказательства в пользу финнизма Хунну и их критика. Мнение Уйфальви. Общее значение этой теории.

Третья теория не произвела такого переворота во взглядах на происхождение Хунну и Гуннов, как вторая. В то время, как эта последняя отвергала все, предложенное сторонниками монголизма, третья теория отчасти примкнула к воззрениям второй. По скольку представители этой теории являются сторонниками финнизма Гуннов, постольку же они могут быть причислены и ко второй теории. Различие между ними состоит в том, что думая видеть в Гуннах и Хунну один и тот же народ, они считают и китайских Хунну — Финнами. Таким образом, с одной стороны, защищая финнизм Гуннов, выставленный второй теорией, с другой же стороны соглашаясь с тожеством Хунну и Гуннов, которое предложил Дегинь, а за ним сторонники монголизма, эта третья теория является как бы «примирительницей» различных воззрений. По времени своего появления она позже как той, так и другой из вышеприведенных теорий.

Первым, предложившим ее, был известный французский арменист Сен-Мартен (Saint-Martin). Не издав по этому вопросу отдельного труда, он говорил о нем в своих замечательных примечаниях к «Histoire du Bas-Empire, Lebeau, главным образом в IV томе (Paris, 1824). К сообщениям Лёбо о происхождении и истории Гуннов, сообщениям, основанным исключительно на сочинении Деганя, Сен-Мартен прибавил свои соображения (см. прим. 2 на стр. 60 IV т. сочинения Лёбо). Начал он, как почти все исследователи этого вопроса, с критики взглядов Дегиня. Придавая очень большое значение задаче этого ученого — посредством восточных и западных источников проследить историю переселения народов, Сен-Мартен однако думал, что Дегинь преувеличил последствия сличения этих известий. «Одно из первых неудобств этой системы — распространение имени Хунну или Гун-

нов на все варварские племена Средней Азии. Соединяя их так, под общим наименованием, которое могло относиться к ним в известные только эпохи и в известных условиях, он значительно ослабил свою гипотезу. Действительно, трудно узнать из его сочинения, кому на самом деле принадлежало имя Гуннов, которое он дает Туркам, Монголам, Манчжурам и еще многим другим народам, разница в происхождении которых доказывается языками, на которых они говорят. К какой ветви этих народов нужно отнести специально имя, о котором идет речь? Дегинь не решает этого. . . » Мы нарочно привели буквальный перевод слов Сен-Мартена, так как мнение выдающегося знатока этнических вопросов таково, что с ним необходимо считаться при критике. Как видно, мнение его вполне согласуется с нашим. Далее Сен-Мартен принялся за определение племенной принадлежности Гуннов. По известиям древних писателей, Гунны жили на пространстве теперешней Европейской России. Языки, на которых говорят их потомки, доказывают нам, что Гунны были народ, совершенно не похожий на Турков, но имя, власть и язык их, по мнению Сен-Мартена, распространились некогда на страны, теперь занимаемые вышеупомянутыми народами. Все потомки древних Гуннов теперь называются Финнами. Как на ясный пример, подтверждающий это, он указывает на Мадьяров или Венгров. «Их исторические воспоминания связываются с древними Гунами, а язык доказывает, что они Финны». Сен-Мартен старался сблизить два имени: Гуни и Финни. Он заметил, что Х и Ф очень часто заменяют друг друга. Поэтому он и думал, что Хуни (Гуни) и Финни — одно и то же слово. Возможности этой гипотезы содействуют, по его мнению, и исторические доказательства. Все известия, идущие по Черному и Каспийскому морям, т. е. южным путем, сообщают о народе Гуннах, а идущие по Балтийскому морю, т. е. северным путем, о Финнах. Тацит получил известие через Германию и потому знал Финнов. Значит, уже тогда этот народ жил в Восточной Европе, будучи ее первым насельником, пока не пришли другие народы, напр., Готы и

Славяне. Кроме того, Сен-Мартен вполне допускал, что Финны или Гунны распространяли свое владычество гораздо далее на Восток и доходили даже до границ Китая, подчинив себе турецкие, монгольские и манчжурские племена, которые, делаясь их подданными, получали их имя. Этим путем и древние Турки получили имя Гуннов. Из того, что все хуннские слова, сохранные китайскими летописями, были турецкие, как признавал это сам Сен-Мартен, заключили, что и сами Хунну — были Турки, что в свою очередь повело к сомнению в тождестве Гуннов или Финнов и Хунну. Это противоречие, по мнению нашего исследователя, легко устранить, если допустить, что оба имени¹ тождественны и относятся к одному какому нибудь племени, которое, путем завоевания, распространило свое имя на другие племена. Примеры подобного рода распространения имени встречаются очень часто в истории. Так, Сен-Мартен передает известие Феофилакта Симокатты, что Персы называют Турками Гуннов, живущих на северо-востоке от них. Мадыры, располагавшиеся в IX веке на берегах Дуная, назывались современными византийскими писателями Турками, а страна их Турцией. Наконец, в XIII веке все воины Чингиз-хана назывались монголами, хотя только военачальники и небольшая часть простых воинов были монгольского происхождения. Впрочем, Сен-Мартен допускал и другой возможный случай перенесения этого имени. Он считал возможным, что имя Хунну или Гунн сначала носилось турецким народом, а позже, но все же «в очень отдаленное время» было перенесено на Финнов, которые только одни и сохранили его.

Что касается до сообщения исторических фактов, то Сен-Мартен первый указал на известия о Гуннах, встречающиеся у армянских писателей (см. Lebeau, т. III, стр. 277, прим. 3). В них сообщалось, как царь Тиридат Великий вел войны с Гун-

¹ Все равно «Обязаны ли они возникновением турецкому или финскому племени», прибавляет Сен-Мартен.

нами (Хунк). Царь этот правил с 259 по 312 г.¹ Основываясь на этих армянских известиях, равно как и на сообщениях Дионисия Периегета и Птолемей, Сен-Мартен вывел заключение (Lebeau, т. IV, стр. 63, прим.), что до начала второго века по Р. Х. Гунны жили на берегах Каспийского моря, Волги, Танаиса (Дона) и даже Борисфена (Днепра). Считая же Гуннов тождественными с Финнами, он нашёл упоминание о них и у Тацита. На основании слов этого автора и предполагаемого им (Сен-Мартеном) тождества он считал, что народ этот жил между Черным и Балтийским морями вплоть до Ледовитого океана.

Весьма замечательно по нашему мнению то, что сказал Сен-Мартен о переходе имени с одного народа на другой (прим. 1 стр. 65, т. IV). «Нужно обратить внимание на то, что сходство между двумя древними народами, указываемое греческими и римскими писателями, не всегда служит доказательством того, что эти два народа принадлежат к одному и тому же племени; это только значит, что они наследовали друг другу в одной и той же области. Потому то Гунны носят часто имя Скифов». . . Сен-Мартен коснулся также и вопроса о монгольском типе Гуннов. Он думал, что все то, что передают об их наружности, очень хорошо объясняется обычаями этого народа. Из этого можно, нам думается, заключить, что этот ученый признавал возможным то, что сообщил Апполинарий Сидоний об искусственном изменении Гуннами своей наружности. Говорил Сен-Мартен и о китайских известиях о Хунну, но только мимоходом и при том основываясь на сообщениях Ремюза (см. Lebeau, т. IV, стр. 74, прим. 2). Он критиковал также и предположения Дегиня о титуле хунну-

¹ Заметим, что Сен-Мартен первый указал на вероятность того, что Хиониты и Гунны один и тот же народ. Лёбо (II т., стр. 177) сообщил, что Сапор, царь персидский, вступил в 357 году в войну с Хионитами, Эйсенами (Euscenes) и Геланами (Gélanes). В примечании Сен-Мартен выразил мнение, что Хиониты и Гунны — один и тот же народ. Поэтому Витерсхейм (Geschichte der Völkerwanderung, Zeipzig, 1881, Zweiter Band, Ueber den Ursprung der Hunnen, стр. 16 — 17) неправ в том, что приписал себе и проф. Шотту открытие тождества Гуннов и Хионитов.

ского государя. Вот его слова по этому поводу (т. IV, стр. 75 прим. 1): «Национальный титул повелителей Хунну был не Тань-жу (Tan-ju), как писал Дегинь, а Шень-юй (Tshhen-ju); историк Гуннов плохо прочел два китайских знака, образующих это имя. Слово Шень-юй не значит сын неба, как думал Дегинь, но этот титул, которого значение неизвестно, прибавляли к Тенгрикуту т. е. сыну неба». Что касается до отношения Гуннов и северных Хунну после 93 г. по Р. Х., то Сен-Мартен думал, что «из рассказов китайских историков видно, что остатки этого народа (т. е. северных Хунну) и царского племени (gase gouale) удалились к уральским горам, но нельзя точно установить их тождества с Гуннами, которые позже управлялись Атиллой. Можно думать, что Финны, имя которых тождественно имени Гуннов, уже жили в странах, где мы застаем их теперь». Итак, по мнению Сен-Мартена, Гунну и Хунну были Финны и вследствие этого общего происхождения они тождественны.

Как видно из изложенного нами, мнения Сен-Мартена можно разделить на две части: первая касается общих соображений относительно происхождения Хунну и Гуннов, вторая — частных исторических фактов и их объяснений. Сообразуясь с порядком его изложения, мы сначала представим критику его общих воззрений, а затем мнений по отдельным вопросам.

Принимая тождество Гуннов и Финнов, Сен-Мартен считал основным доказательством для этого то, что все народы, живущие теперь на тех же местах, где некогда жили Гунны, и по преданиям происходящие от них, говорят на финских языках. Мы должны возразить по этому поводу то, что недостаточно еще жить в тех же местах, где жил когда то народ, чтобы быть его потомками. Все, входившие в состав гуннского государства, назывались Гуннами, но не были ими по происхождению. Народные предания Мадьяров хотя и связываются с именем и историей Гуннов, однако эти предания, как мы уже говорили, лицами, весьма компетентными в этом вопросе, считаются не отвечающими исторической действительности. Еще Вивьен де-Сен-

Мартен высказался против отождествления имен Гунн и Финн. Он назвал его «более, чем случайным». О нем же писали и некоторые другие ученые. Так, Нейман (цит. соч., стр. 15) указал на то, что сами Финны называют себя Суоми или Семе, слово же Финн есть немецкий перевод этого слова, которое значит «болотный житель». Тацит, думал Нейман, только потому и назвал этот народ Финнами, что известие о них пришло к нему через Германцев. Уйфальви (цит. соч., стр. 98) и Тьерри (цит. соч., т. 2, стр. 5) тоже утверждали, что сам народ называет себя Суоми. Этому же взгляда придерживался и Цейсс (Zeuss) (*Die Deutschen und die Nachbarstämme*, 1837, стр. 272, прим. 2). Особенно же вески в данном случае замечания специалистов финнологов, напр. Келлгрена (*Dr. Kellgren, Les Finnois et la race ouralo-altaïque*, помещено в *Nouvelles annales des voyages*, année 1848, т. III). Он, утверждая, что слово Финн есть только немецкий перевод, приводил в доказательство то, что звука «ф» даже нет в языке этого народа. Насколько шатки подобного рода словопроизводства, можно видеть из того, что Венелин, совершенно отрицавший тожество Гуннов не только с Финнами, но и с каким бы то ни было из урало-алтайских племен и старавшийся первый доказать славянство Гуннов, находил сходство между словами: Гунн - Венд (Древние и нынешние Болгаре, 1829, т. I, стр. 173). Не касаясь вопроса о происхождении финского народного имени, я скажу только, что подобное основанное только на созвучии отождествление совершенно нас не удовлетворяет. Раз мы примем мнение Сен-Мартена, что Гунн — Финн, то не меньше доверия будет заслуживать и предположение Венелина, что Гунн — Венд¹. Мы не можем согласиться с тем, что северные

¹ Считаю необходимым привести мнение академика А. А. Куника относительно происхождения имени Финн (стр. 80 — 81 «Известий Аль-Бекри»): «Прежде предполагали, что Финны получили свое название от финского слова *kaipi* (низменность), но теперь это словопроизводство считается столь же ненаучным, как и производство название народа Суоми (Финны, по эст. *Sõm* — Финляндия) от слова *suo* (болото), тогда как оно происходит от общераспространенной формы названия племени *Sam*, в котором *m* не окончание, а входит в состав

известия говорят о Финнах, а южные о Гуннах. Тацит писал тогда, когда южным путем не шло ровно никаких известий о Гуннах. Кроме того, северные известия говорят о Гуннах; скандинавские саги знают страну *Chunigard* или *Hunaland*¹. С большим знанием историко-этнографических вопросов указал Сен-Мартен и на то, что хотя Хунну и Гунны принадлежали к разным племенам, но имя их могло быть одно и то же, перешедшее путем завоевания и покорения с одного народа на другой. Тут он действительно явился примирителем². Необходимую в подобных случаях осторожность выразил Сен-Мартен в допущении, что мог быть перенос имени Гунн или Финн с турецкого, господствовавшего племени на подданных. В указании исторических фактов мы должны быть признательны Сен-Мартену за то, что он указал на армянские источники о Гуннах. Не имея предвзятых планов, Сен-Мартен справедливо начал изложение известий о Гуннах с Дионисия Периегета и Птолема, ни слова не говоря о мнимых известиях Страбона и Эратосфена. Вполне прав был Сен-Мартен в своем приговоре относительно родства различных народов, приводимого у древних писателей греческих и римских. В противоположность этому, трудно согласиться с искусственным изменением Гуннами своей наружности, равно как и с его мнением, что Финны и Турки физическим типом резко отличаются от Монголов. Что касается до его разбора мнения Дегиня о титуле хуннских государей, то мы должны сказать, что Дегинь действительно везде называл его *tanjou*. Очень может быть, что, согласно мнению Сен-Мартена, это — ошибка, никто из других,

корня. Также оказывается и общераспространенное производное слова *Fenni* от древне-норманского *fen* (болото), готского *fani* (грязь, помет) чисто абстрактным словопроизводством. Но из какой же грамматики в таком случае вычитали, что форма этого народного названия именно германского происхождения?» Мы, в свою очередь, задаемся вопросом: как же это слово может быть финским, раз в этом языке нет звука ф?

¹ Другое дело, в каком значении. Однако слово было им известно, и они не употребляли вместо *Chun* или *Hun* слова *Finn*.

² Впрочем о возможном перенесении имени говорил еще до него Ремюза.

писавших по этому вопросу, не упомянул об этом титуле в такой форме. Однако, на стр. 25 II части I тома, Дегинь дал другое чтение. Он сказал, что хуннские государи носили титул «тань-жу или шень-юй (Chen-ju), который есть сокращение Цень-ли-ко-то-тань-жу (Tsem-li-ko-to-tan-jou), т. е. сын неба на языке Хунну». Но тут же в примечании он заявил, что в этом выражении Цень-ли значит небо, а ко-то-тань-жу—сын, по объяснению Ма-дуань-линя, а по историку Ханьского дома «цень-ли» значит «небо», «ко-то»—«сын», «тань-жу»—«высокий и плотный человек» (*grande et large figure*). Поэтому, Дегинь не утверждал, что шань-юй значит «сын неба», а полагал, что все выражение имеет такое значение, оговариваясь в примечании, что существуют другие объяснения. Признавая слова Гунн и Финн за слова тождественные, Сен-Мартен конечно должен был счесть уход северных Хунну на Запад не важным. В заключение нашего разбора мы должны сказать, что Сен-Мартен, не будучи специалистом по истории Средней Азии, очень мало касался вопроса о происхождении Хунну и вообще их истории. Он в этом случае основывался на доводах предшествовавших ему исследователей. Более занялся он вопросом о происхождении Гуннов. Тут он собрал несколько новых и важных данных (напр., армянские источники). Особенно же интересны в его замечаниях общие взгляды на отношения кочевых народов.

Пополнение теории финнизма доводами в пользу финского происхождения Хунну принадлежит Вивьен-де-Сен-Мартену. Этот исследователь был специально подготовлен для занятий по исторической этнографии, этнологии и географии Азии вообще. В издаваемом им журнале «*Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques*» он напечатал ряд статей под заглавием «*Études ethnographiques et historiques sur les peuples nomades, que se sont succédé au nord du Caucase dans les dix premiers siècles de notre ère*». Одна из этих статей посвящена вопросу о Гуннах (он называет их уральскими, как бы в отличие от Эфталитов, о которых он написал особую статью в этих же этно-

дах). Статья эта напечатана в четвертом томе журнала за 1848 г. (декабрь, стр. 257 — 306).

В этом ряде статей, предшествовавшая разбираемой нами была посвящена Аланам. Поэтому Вивьен-де-Сен-Мартен в начале статьи указал на отличие Гуинов от этого народа. Признавая, что Аланы и обычаями, и религиозным культом, и физическим типом, были вполне сходны с предшествовавшими им сарматскими и готскими племенами, он заметил, что Гуины уже совершенно не походили на них. Наружность их, описанная Аммианом Марцелином и Иорнандом, дала повод, по его мнению весьма основательный, думать, что Гуины были Монголы. Однако серьезные препятствия для сближения Гуинов с Монголами представили доводы Клапрота, который, основываясь на китайских летописях, высказал мнение, что Монголы в эпоху вторжения Гуинов жили еще далеко на Востоке, в восточной Сибири, к северу от теперешней Монголии и что громадные пространства между землею их и Гуинов были населены народами турецкими и готскими. Это, по мнению Вивьен-де-Сен-Мартена, представляет большое затруднение для отождествления Гуинов и Монголов. Кроме этого, наш исследователь считал очень важным и то, что Сен-Мартен, один из лучших по его мнению знатоков этнических вопросов востоковедения, отличал Гуинов от Монголов. Воззрение этого ученого он считал таким важным, что привел буквально то место из замечаний Сен-Мартена, где этот исследователь говорил об истории нашего вопроса и происхождении Гуинов. В подтверждение действительности финнизма Гуинов, Вивьен-де-Сен-Мартен указал на то, что и Клапрот, и Мюллер (*Der Ugrische Volksstamm*) считали Гуинов Финнами. Это тожество, по его мнению, один из основных фактов азиатской этнографии. Относительно наружности Гуинов он принял взгляд Клапрота и утверждал, что восточные Финны и Монголы весьма сходны между собою. Однако, вместе с Дегинем и Сен-Мартеном он считал вполне возможным отождествлять Хунну и Гуинов, вопреки доводам Клапрота. Известие о них, по его словам, можно про-

следить до глубокой древности. Все их имена он считал несомненными переделками собственного имени народа. При этом указал на аналогичные факты у других народов и даже у тех же самых Гуннов на Западе: так германцы переделывали имя Хуни в *hund*. Слово же Хуни есть финское и встречается там в форме «хум» — человек. Что касается до тождества Хунну и Гуннов, то он, помимо исторических известий, указал на сходство имен. Он думал, что причина, побудившая Клапрота отказаться от отождествления Гуннов и Хунну, легко устранима. «Это затруднение исчезнет», говорит он, «если признать, что первобытные Турки и уральские Финны суть две ветви одного ствола, первоначально бывшего единым». Относительно титула «шань-юй» он высказал довольно своеобразное мнение, именно, что оно могло быть «транскрипцией монгольского слова *нойян*, которое значит — государь или вождь». При изложении истории Хунну он считал временем главного их переселения конец первого века по Р. Х. Причину монгольского типа Гуннов он видел в том, что часть их смешалась с Сянь-би, монгольским племенем. Усиление монгольских же племен То-ба и Жуань-жуань в IV веке было причиной движения на Запад этих омонголившихся Хунну. Эти новые пришельцы и придали монгольский вид Гуннам. Известие Дионисия Периегета, Птолемея и Моисея Хоренского он относил не к тем Гуннам, которые вторглись в Европу в IV веке, а только к отдельным ордам их. Особенно же настаивал Вивьен-де-Сен-Мартен на том, что «калмыцкий тип был дан восточным Хунну смесью их с монгольским народом Сянь-би после разрушения империи Хунну в 93 г. Мы настаиваем на этом различии, потому что оно кажется нам основным». Что некоторые византийские писатели (напр. Феофан в IX в.) называют Гуннов Турками, значит только, что эти писатели привыкли называть все народы, приходившие с севера от Черного моря, Турками, как раньше они всем им давали имя Гуннов или Скифов. Наконец то, что Ту-гю или Турки произошли по китайским известиям от Хунну, он приписывал общему происхождению Финнов и Турков.

Вот вкратце воззрения этого исследователя. Можно сказать, что он еще более Сен-Мартена старался примирить разноплеменность Хунну и Гуннов с их тождеством. Мнение Вивьен-де-Сен-Мартена относительно физического типа Гуннов, хотя он собственно только повторил высказанное Клапротом, гораздо удачнее, чем Сен-Мартена. Весьма уместной аналогией для подкрепления высказанного еще в сочинении Ремюза мнения о переделке Китайцами народных имен, считаем мы употребление у Германцев вместо слова Хунн *hund*. Из его слов, по нашему мнению, явствует, что он считал древних Хунну за неразделившихся еще Турков и Финнов¹. Однако, признавая это, чем же объяснил Вивьен-де-Сен-Мартен существование в хуннском языке некоторых турецких слов? Об этом он ничего не сказал. Если бы дело действительно обстояло так, то необходимо предположить, что хуннский язык был праязыком и турецких и финских и др. народов. Слова же языка народа Хунну турецкого происхождения и в финских языках не существуют². Совершенно непонятным является для нас объяснение этим исследователем слова «шань-юй». Каким образом могло оно быть монгольским («нойан»), когда, во-первых, между этими словами нет ничего общего, а во-вторых, сам Вивьен-де-Сен-Мартен выражал мнение, что монгольский элемент не входил в первоначальный состав Хунну. Впрочем может быть и тут оказывал действие тот взгляд, что Хунну состояли из всех народов, теперь называемых урало-алтайскими. Вполне своеобразно мнение этого исследователя по поводу монгольского типа Гуннов. Прежде всего нужно сказать, что позднейшие (после конца первого века по Р. Х.) движения могли быть, так как народные переселения и во втором и в третьем веках и позже часто происходили в Средней Азии, но несомненных фактов не существует. Сянь-би, по мнению большинства компетентных ученых,

¹ Это его мнение, должно быть, имело влияние на взгляды Каёна. Вообще замечается некоторое сходство между воззрениями этих двух ученых.

² Так по крайней мере думал и Сен-Мартен, бывший авторитетом для Вивьен-де-Сен-Мартена.

принадлежали не к монгольской, а к тунгузской или корейской группам². Поэтому, если и было выселение, то оно не могло внести новые, монгольские элементы; потому же этот вопрос не может считаться «основным».

Мнений двух вышеназванных ученых придерживался и русский исследователь — Семенов. Он, как и Вивьен-де-Сен-Мартен, специально занялся вопросом о происхождении Хунну. Замечания его по этому поводу находятся в приложении к I тому «Землеведения Азии» К. Риттера (СПб. 1850) на стр. 630—637. При разборе теории Клапрота мы уже говорили, что ее до нас разобрал Семенов, подразделил на три части и, соглашаясь с финнизмом Гуннов и турчизмом Ту-гю, отрицал тождество Хунну¹ и Ту-гю. Указав на поразительное сходство имен Хунну и Хуни, он указал на связь Хунну с Алтаем. Оттуда же пришли и Гунны. Следовательно существует не только общность имени, но и местопребывания. Происхождение Ту-гю (или, как он говорит, Ту-кюэ) от Хунну ровно ничего не доказывает. Хунну были пришельцами в землях к северу от Китая, туземными же там были турецкие племена, которые, будучи покорены Хунну, приняли их имя. Что касается до хуннских слов, сообщаемых китайскими летописями, то одно из них — «цилян» (или «килян»), которое значит небо, Семенов считал возможным сблизить с лат. *coelum*, греч. *κοῖλον*, франц. *ciel*, итал. *cielo*, латыш. *zeltaes*, т. е. он думал, что это слово языка индо-европейского и поэтому принадлежало одному из покоренных Хунну народов. Среди этих подданных находились в большом количестве Турки, из которых впоследствии вышли Ту-гю. «Шань-юй», говорит он далее: «иначе Тан-ликуту, что значило сын неба, был титул хуннских царей». Не допуская, чтобы одно понятие имело на одном и том же языке два названия, он полагает, что шаньюй значило на настоящем хун-

¹ См., напр., Клапрота «Tableaux historiques», стр. 93; Григорьева «Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами» в Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 г. Март, стр. 11. Семенова у Риттера «Землеведение Азии» т. I (СПб 1850), стр. 401.

нуском языке, «сын неба», а тань-ли-куту был перевод этого слова на язык подвластных народов. Слово тенгри значит по турецки небо, слова же куту нет в языках турецких народов, равно как и в монгольском. По манчжурски же «гудо» значит сын. Другим словам, как то «лу-ли, ту-ки, тей-ло» он не находит аналогов в турецких языках¹. Итак, по воззрению Семенова, Гунны и Хунну тождественны и принадлежат к финскому племени.

Приступая к разбору мнений этого исследователя, мы должны сказать, что он очень удачно по нашему мнению указал на общую родину и сходство имени для отождествления Хунну и Гуннов. Исследование географического положения действительно очень важно для правильного суждения об этом вопросе. Тем более странным кажется, что остальные исследователи совершенно не обратили внимания на общую родину того и другого народов. Особенно должен относиться этот упрек к Клапроту, который издал даже атлас. В этом атласе с первой до седьмой карт указано, что по восточную сторону Алтая жили турки Хянь-юнь и Хун-ну, а по западную — народы гунские или восточно-финские. На седьмой карте (116 г. по Р. Х.) на Алтае и к востоку от него указаны остатки северных Хунну, к западу от этих гор в теперешних киргизских степях до Урала расположены «Хунну, изгнанные на Запад», а на Урале резко отделенные от этих Хунну живут «гунские или восточно-финские» народы. Это соседство продолжается и на картах восьмой, девятой и десятой

¹ Семенов приводил и объяснял упомянутые в китайских летописях хуннские слова по статье синолога, проф. Шотта (*Über das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht*, Abh. Ber. Ak., 1847). Однако у него не все было приведено правильно. Проф. Шотт сблизил вышеупомянутый титул Lu-li с турецким *ulu*; с этим же словом сблизил он и имя U-lui. Имя Tu-pgu-sse может быть тождественно, по его мнению, с турец. словом *tongus*. Вообще этот ученый никак не может считаться сторонником финнизма Хунну, так как он, хотя и не считал возможным точно выяснить племенную принадлежность Хунну, однако, думал, что они были «восточно-алтайского или татарского происхождения». Следовательно, он считал их или Турками, или Монголами, или Туингузами (см. стр. 290—291).

(с девятой Хунну называются уже Юе-60). Хунну были пришельцами в Иньшане, однако они пришли туда «после последнего великого потопа», как сказано у Ряттера на 622 стр., на которую ссылается Семенов. Древнейшие известия о пребывании Хунну в области к северу от Китая приведены у Дегиня и Иакинфа. Насколько можно судить по этим известиям, Хунну обитали в этих местах с глубочайшей древности. Мы думаем, что до нас не дошло ни одного точного известия о приходе Хунну в ту страну, где застают их китайские летописи. Что касается далее того объяснения, что слово «шаньюй» есть перевод на настоящий хуннуский язык слова, принадлежащего языку подчиненного турецкого народа, то это объяснение совершенно не удовлетворяет нас. Дегинь (т. I, ч. II, стр. 25) уже приводил объяснение историка Ханьской династии, что шаньюй или таньжу значит «grande et large figure». Иакинф в «Собрании сведений», в примечании на стр. 10 I части I тома, говорит: «В Хань-шу-инь-и (т. е. в том же сочинении, про которое говорил Дегинь) сказано: шаньюй значит величайший, на кит. Сянь-тьхань» и на стр. 100: «В истории старшей династии Хань сказано: шаньюй значит величайший, т. е. в великости подобный небу». Этот же ученый далее указал на то, что древнее шаньюй и более новое хан — два слова по смыслу совершенно тождественные (см. там-же т. I, ч. II, стр. 267). Наконец Каён сообщил следующее (прим. на стр. 88 цитов. соч.): «Шаньюй не понятно, но перевод этого слова можно восстановить. Китайские летописи говорят при 552 г. — Ту-мынь (вождь Ту-гю или Турков) принял титул И-ли-хан, слово, имеющее тот же смысл, что некогда шаньюй. «Или» по турецки в VI веке значило — знаменитый, блестящий, что объясняет смысл блестящего лица, которое Китайцы приписывали шаньюю»¹. Таким образом по Каёну «шаньюй» и «тань-ли-куту» слова, совершенно различ-

¹ По толкованию Иакинфа, И-ли-хан значит хан с реки Или (собрание сведений, стр. 267, прим. 2).

ные. Добавим только, что Илъхан в переводе с турецкого имеет ясный смысл: «повелитель народа».

К этой же теории должны мы отнести и известного финнолога, венгерца Уйфальви-де-Мезо-Ковенд. Он коснулся этого вопроса в своем сочинении «Migrations des peuples et particulièrement celles des Touraniens» (Paris, 1873). По его мнению Гунны, принадлежащие к финскому племени, одно время владычествовали в странах к северо-востоку от Китая. Он считает вполне допустимым мнение Тьерри, что они очень смешались с Монголами. Вследствие переворотов в Средней Азии, они были отброшены в Европу и тут смешались с разными другими народами, как-то славянскими, готскими и др. (см. стр. 80—85 и 126—7 цитов. соч.). Хотя этот ученый и стоит в своих воззрениях довольно близко к мнениям Тьерри, однако он должен быть отнесен к сторонникам теории финнизма, потому что признает Гуннов Финнами, хотя и смешанными с Монголами. Любопытно, что Уйфальви, финнолог и природный венгерец, назвал мнение Клапрота относительно тождества Гуннов и Мадьяров — «опирающимся на отдельные и смелые этимологии».

К этой же теории должен быть скорее всего отнесен и П. К. Услар, который мимоходом высказался по нашему вопросу в «Древнейших известиях о Кавказе» (записки Кавказского Отд. Геогр. Общ., XII, Тифлис, 1881; помещено также в «Собрании сведений о Кавказских горцах», X). Считая Гуннов Финнами (стр. 161), он назвал Хунну смесью «нескольких кочевых племен тюрко-финского происхождения» (стр. 164—165).

В заключение разбора мнений представителей третьей теории мы должны сказать, что ее, по справедливости, можно назвать теорией «примирения». Одной же из главных ее заслуг явилось указание на тождество Хунну и Гуннов и старание доказать это.

V.

Древнейшие известия о Хунну. Образование государства. Хун-ну и Дун-ху. Соображения в пользу турчизма Хунну. Их отношение к Гуннам. Последовательный ход переселений Хунну на Запад. Мнения о происхождении Гуннов. Несостоятельность доводов в пользу славянского происхождения этого народа, доказанная как историками Европы, так и историками Средней Азии. Возможность примирения турчизма Хунну и финнизма Гуннов. Теория турчизма Гуннов. Происхождение имени Хунн. Потомки Гуннов в Восточной Европе. Заключение.

Рассмотрев теории, предложенные различными учеными относительно происхождения Хунну и их отношений к Гуннам, мы считаем нужным представить по этому поводу несколько своих соображений. Сначала мы изложим главнейшие события истории этого народа, так как, по нашему мнению, только при правильном понимании этих фактов можно решить: были ли Хунну и Гунну один и тот же народ или различные ¹.

Во времена глубочайшей древности, на огромном пространстве от Японского и Желтого морей, к северу от течения Хуан-хэ, до Тибета и даже далее до бассейна Тарима, жили, по сообщениям китайских летописей, народы, придерживавшиеся кочевого быта и добывавшие себе пропитание различными промыслами, связанными однако с условиями этого быта (напр. скотоводством, звероловством и пр.). Однако эти известия Китайцев настолько отрывочны и кратки, что очень трудно не только узнать историю или происхождение какого-нибудь из этих народов, но даже почти невозможно составить себе ясное понятие об их местожительствах. Народ Шань-Жун, позже называвшийся Хянь-юнь, Хунь-юй и наконец Хун-ну, жил повидимому в местности, соответствующей нынешней Восточной Монголии. Имя это упоминается Китайцами еще до времени правления императора Яо, одного из древнейших государей Небесной империи (по словам китайских летописей вступил на престол в 2357 г. до Р. X.). Относительно этого народа можно сказать только, что он был

¹ При изложении фактов мы главным образом будем руководствоваться переводами Иакинфа (Собрание сведений) и отчасти Imbault-Huart «Recueil des documents sur l'Asie Centrale» (Paris, 1881).

кочевой, занимался, как того требовала сама природа обитаемых им мест, скотоводством, совершал частые набеги на соседний ему, более культурный народ, т. е. на Китайцев, при чем на более или менее продолжительное время основывался на южных берегах Хуан-хэ. Более подробных сведений мы не имеем. Это молчание Китайцев, впрочем, понятно. Дело в том, что сами они в то время еще только организовывали свое государство: переселялись, вели междусобные войны, покоряли иноподчиненные племена и т. д., и все это в пределах теперешнего собственного Китая. Понятно, что при подобном положении внутри страны известия о событиях и народах, живущих вне ее, должны были быть очень скудны. Во всяком случае, будем ли мы разделять в отношении древности Китая воззрения так называемой «отрицательной критики», или нет, из дошедших до нас известий явствует, что Китайцы с начала своей истории знали северных кочевников и вступали с ними во враждебные отношения. Поэтому, «историю столкновения Китая с Среднею Азией нельзя начинать только с образования в конце III века до Р. Х. могущественной Хуннской династии. Как только началась история Китая, так начались и эти столкновения»¹. Только за два века до нашей эры Китайцы узнали лучше своих соседей, что опять таки объясняется политическим и культурным состоянием Китая в то время. Тогда, после многолетних смут удельного правления, Китай сплотился в одно государство, с единой властью под мощною рукою Цинь-ши-хуан-ди². Одновременно с этим вступлением Китая во вторую эпоху исторической жизни, появляются и более подробные известия о кочевых

¹ В. П. Васильев «Об отношениях китайского языка к среднеазиатским», в Журнале Минист. Народ. Просв., 1872 г., сентябрь, стр. 104.

² Вот как охарактеризовал это время покойный синолог-историк проф. С. М. Георгиевский: «Эпоха Цинь-ши-хуан-ди служит гранью, отделяющею первый период китайской истории, в которой Китайцы из своего центрального местожительства распространяли свою власть спорадически, путем размножения уделов, от второго периода, в который Китайцы завладели всеми к югу лежащими землями, выступая как многочисленный единый народ, как сплоченное единое государство». См. «Древний период китайской истории», стр. 258.

народах, живущих к северу. Этот переход в известиях совершился настолько быстро, что Рихтхофен (China, т. I, стр. 47) назвал его переходом от полной исторической тьмы к яркому свету. Однако, хотя происходившие в то время у кочевников события передаются китайскими авторами довольно подробно, о прошлом этих народов почти ничего не говорится. Весьма возможно, что в данном случае дело объясняется не одними событиями истории Китая, но также и историей самих кочевников: около этого времени они впервые соединились в большое государство, образовали первую «кочевую империю». Процесс ее возникновения был совершенно тождествен процессу образования всех позднейших степных государств. Усилившийся род или племя распространяет свою власть на другие роды и племена, при чем эти последние принимают, по установившемуся обычаю, имя победителя. Эта империя получила у китайцев название империи Хунну, потому что имя победившего рода или племени было близко по звуку с китайским словом Хунну. Очень много вероятности имеет за собою мнение большинства ученых о происхождении этого имени. Хунну слово китайское, как и Хянь-юнь, и Хунь-юй, но народ носил конечно не китайское имя; обитатели Среднего царства только транскрибировали его обидной кличкой, а потом даже переделали в почетную Гунну, очень сходную по звуку с Хунну. Не с одними Хунну произошло подобное — мы видим большое сходство между именами Дунху и Тунгуз. Каёя, совершенно не обративший внимания на доводы в пользу такого происхождения имени Хунну и без околичностей признавший его только китайским, был не прав. Мы думаем также, что Хянь-юнь и Хунь-юй — такие же транскрипции, как и Хунну и при том того-же самого имени.

Итак, наше мнение таково, что этот род был уже известен ранее II века до Р. Х., хотя, может быть, совсем не во времена такой глубокой древности, как то говорится в китайских летописях. Можно думать, что жители Небесной империи имели с ним столкновения, так как не относились к нему безразлично, а давали обидные клички, переделывая имя. Конечно трудно сказать, осно-

вываясь на одних только китайских летописях, какое имя, Хань-юнь, Хунь-юй или Хун-ну, ближе к истинному имени народа.

Однако, тут является помощь с другой стороны. Если считать Хунну и Гуннов за один и тот же народ (а мы, как то будет видно из дальнейшего изложения, придерживаемся именно этого мнения), то конечно к слову Хунны (Hunni, Οὐννοι, Οὐννοί, Χοῦννοι, Гунны) ближе всех Хун-ну. Кроме того, это слово позже двух других по своему появлению у Китайцев. Лучше познакомься с соседями, они лучше узнали их имя и потому, оставив прежние прозвища, выдумали более близкое к настоящему имени.

Наиболее древнее имя этого рода, упоминаемое Китайцами — Шань-жунь, не имеет ничего общего с Хань-юнь, Хунь-юй и т. д. Тут, кажется нам, мы имеем дело не с собственным именем, а с собирательным. Дело могло происходить таким образом. Род с именем Хунн, Куни, Гунн, или каким-нибудь близким к этому, с глубокой древности находился среди других родов и племен, кочевавших в местностях к северу от Хуан-хэ и носивших в китайских летописях, которые тогда еще плохо знали их, общее имя шань-жун, горных варваров. Потом он стал выделяться из других, вследствие каких-нибудь, нам неизвестных, причин подчинил многих своей власти и набегами начал беспокоить Китай. Одновременно с этими вооруженными столкновениями возникла первая переделка имени этого народа Китайцами.

Теперь возникает вопрос, к какой племенной группе надо отнести этот народ по его происхождению? Не говоря уже о том, что этнографическая классификация вообще соединена с большими трудностями, они еще увеличиваются, когда дело коснется народов Средней Азии. Так как тут не существует никаких видимых, естественных границ между народами и племенами, то смешения, как мы уже говорили, происходят гораздо чаще. Если уже небольшие среднеазиатские государства представляли и представляют собою смесь из нескольких племен, то естественно, что три великие кочевые империи: Хунну, Ту-гю и Монголов являлись нестрою смесью различных племен и родов, под верховен-

ством одного рода. Когда мы говорим о государстве Монголов, то мы разумеем только области, на которые распространялась власть (выражавшаяся иногда только в сборе подати) монгольской династии. Однако из всего этого вовсе не следует, что этнические вопросы, относящиеся к истории Средней Азии, не могут быть решены. В данном случае важно только выяснить задачу. Когда мы хотим узнать происхождение какогонибудь кочевого народа, то это значит, что нам необходимо определить, к какой группе племен или даже расе принадлежала династия, а с нею и ядро народа (которое иногда составляет большинство в государстве). Поэтому нам нужно по возможности определить, каково было происхождение того племени или рода, которое уже давно было известно в Китае и с течением времени усилилось настолько, что образовало могущественную кочевую империю. Необходимо иметь в виду, что если мы говорим, что Хунну — Монголы, Турки или Финны, то это не значит, что все подданные хуннского государства были или Монголы, или Турки, или Финны, а что господствовавшее племя, имевшее, быть может, в числе перевес над всеми остальными, входившими в состав кочевого государства, было монгольского, турецкого или финского происхождения. Мы постараемся представить соображения относительно происхождения основателей хуннского государства — это является задачей наших изысканий.

Мы видели, что первоначальным местопребыванием Хунну была теперешняя восточная Монголия. Отсюда они стали распространять свою власть на кочевые племена севера, востока и запада, отсюда же надвигались они на юг, за северный изгиб Хуан-хэ и далее. Страна оказывает влияние на обитателей: ровные степи предназначены для кочевого и при том пастушеского народа. Действительно, мы узнаем из китайских летописей, что с тех пор как эти варвары появляются в истории, они ведут тот же самый образ жизни, что и современные нам обитатели этой страны. Так же переходили они со своими стадами с пастбища на пастбище, с зимовки на летник. Развлечения, способы

ведения войны, нравы (см. по этому поводу у Иакинфа в «Собрании сведений о народах Средней Азии», т. I, ч. I, стр. 2—3) все обличает в них типичных степняков. Однако, не все кочевники к северу от Китая называются Хунну. Еще до II-го века до Р. X. по соседству с ними, но восточнее, также соприкасаясь с границами Китая, жили другие племена, отличные от Хунну. Население этих стран называется китайцами Дун-ху (восточные варвары). Граница между ними и Хунну была та же, что теперь между Монголией и Манчжурией, т. е. хребет большой Хинган. Дун-ху, по достойным внимания исследованиям, есть китайская переделка имени Тунгуз. Впрочем, под этим именем Китайцы разумели не только одних Тунгузов, но также и некоторые другие племена, напр. смешанные с корейскими и даже чистых Корейцев. Во всяком случае Китайцы отличали их от Хунну. Везде, где дело идет о народах тунгузского или корейского племен, как напр. о Сянь-би или У-ху-ань, они называют их потомками Дун-ху¹. Из истории мы знаем, что позже при расширении Хуннской империи, Дун-ху были покорены своими более могущественными соседями и в течение трех веков подчинялись им. Однако племенное различие существовало повидимому все время, так как через три столетия произошла реакция со стороны этого населения в виде союза одного из живших там племен, Сянь-би, с Китайцами, союза, окончательно уничтожившего власть северных Хунну в восточной части Средней Азии. Из всего этого мы можем вывести то несомненное убеждение, что Хунну не были Тунгузы, хотя, примыкая к ним, может быть и имели среди подданных некоторые племена, бывшие тунгузского происхождения.

Перейдем теперь к вопросу о монголизме Хунну. Во второй главе мы подробно разобрали взгляды сторонников монгольского происхождения этого народа и указали на то, что факты говорят

¹ См. у Иакинфа, «Собрание сведений», т. I, ч. I, стр. 151, 161, 470; кроме того это различие наглядно изображено в атласе Клапрота («Tableaux historiques de l'Asie») на картах 1—6.

против допущения этого предположения. Что предки монголов Чингиз-хана входили в состав обширного хуннского государства, мы охотно верим. Но мы не думаем, что сами Хунну были монголы. Эти последние появляются в истории почти с Чингиз-ханом, т. е. в XII—XIII веках. В выяснении нашего вопроса не важно, упоминаются ли Монголы в китайских летописях ранее или нет. Бесспорно, что их роль была до тех пор совершенно незначительна. Вся современная Монголия была еще в VI веке занята Турками. Наконец, и численностью Монголы уступают и уступали Туркам; они народ молодой, недавно явившийся в истории. Все эти соображения, а также и вышеуказанная несостоятельность доводов в пользу монголизма Хунну, побуждают нас оставить в стороне мнения о монгольском происхождении, как несогласные с возможностью и исторической действительностью.

Выше (см. главу IV) мы разобрали теорию финнизма и привели наше мнение по поводу того, что считаем ее не убедительной. Конечно, можно выставлять гипотезу, что Финны распространили свою власть на восток от Алтая и даже достигли крайних восточных пределов Азии. Однако, в пользу этой теории нельзя привести ни одного доказательства. Кроме того, существуют некоторые факты, которые устраняют ее возможность.

Наиболее вероятным кажется нам мнение, что Хунну были Турки. С небольшим через 400 лет возникает на месте Хуннской империи новое, бесспорно турецкое государство. Если сторонники монголизма могли строить свою гипотезу только на основании того, что Хунну жили там же, где теперь живут Монголы, то вероятнее отождествлять их с Турками, которые еще в VI в. образовали в тех местах сильное государство. Титул Хуннских государей (тепгри-куту) был турецкий¹. Его позже принял и Чин-

¹ См. по этому поводу в сочинении Каэна, стр. 87—88. Нужно заметить, что титулы не могут служить доказательством при определении происхождения народа, так как они могут быть заимствованы. Впрочем Хунну не у кого было

гиз-хан. Даже сторонники финнизма Хунну считали его турецким. Что отдельные слова из языков подчиненных Хунну народов могли быть приняты Китайцами, как слова языка господствующего племени, мы допускаем. Но дошедшие до нас другие слова находят аналогичные себе в турецких языках. Наконец, мы должны указать на то, что до нас дошла целая хуннуская фраза, правда в китайской транскрипции. Фраза эта, относящаяся уже к IV-му веку по Р. Х, была приведена по китайским летописям в двух транскрипциях. У Ремюза (*Nouveaux mélanges asiatiques*, t. II, p. 183) она находится в таком виде: sieou-tchi ti-li-kang rou-kou khiu-tho-tang. При этом был приведен перевод этих слов, сообщенный китайцами. У В. П. Васильева («Об отношении китайского языка к среднеазиатским», в *Жур. Мин. Нар. Просв.*, 1872 г., сентябрь, стр. 115—116) фраза эта имеет такую транскрипцию: сю чжи тилэй гян Пугу тугоудан. И тут также был приведен перевод этой фразы, данный китайскими летописями. Первый из сейчас упомянутых ученых не высказал в своей статье никакого мнения о языке, которому могла принадлежать эта фраза. Проф. же Васильев, хотя и признал, что фраза эта имеет вид турецкой, однако заметил, что никому из туркологов не поддается ее анализ, и потому объяснял ее как испорченную китайскую. Однако, с тех пор как писалась эта статья (1872), туркология обогатилась богатыми открытиями в отношении языка и истории — я разумею открытие Орхонских надписей. Поэтому, в последнее время, когда пришлось затронуть вопрос о происхождении Хунну, Аристов («Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей», *Живая Старина*, 1896 г., выпуски III и IV) указал нам известную ему попытку объяснить эту фразу из языка Орхонских надписей. По древне-турецки фраза эта будет звучать следующим образом: «Сүси сүлэгән,

заимствовать их, кроме как у Китайцев, у которых император называется тьян-цзы (сын неба). Таким образом тенгри-куту есть перевод китайского титула. «Куту» в смысле «сын» еще проф. Schott (*Abhandlungen Berliner Akademie*, 1847, стр. 290) считал турецким, а также тунгузским (*guto*).

Пугу туткан»; по значению своему она тождественна переводу, сообщенному китайцами. Укажем также на то, что имя отца основателя хуннуского государства Модэ Ту-мань и первого хана восточного дома Ту-гю (Турков) Тумынь очень схожи и оба могут быть сближены с турецким же словом «туман»¹. Кроме этих, правда, не особенно многочисленных памятников языка мы еще имеем более убедительные доказательства в пользу турцизма Хунну — это точные известия китайских летописей. Если Дун-ху есть в китайских летописях имя предков тунгузов и, может быть, некоторых других племен, населяющих в настоящее время крайние пределы северо-восточной Азии, то имя Хунну дается тому народу, из которого произошли все позднее встречаемые в истории Средней Азии народы турецкого племени. Так, говоря о Гаогюйцах, несомненных Турках, Китайцы замечают, что «язык их сходен с хуннуским, но есть небольшая разница. Некоторые говорят, что предки гаогюйского Дома происходят от внука по дочери из дома Хунну» (см. у Иакинфа. Собрание сведений, ч. I, стр. 248 и 373). Еще решительнее известия о происхождении Ту-гю от Хунну: «Это есть отдельная отрасль Дома Хунну, по прозванию Ашина» (см. там же, т. I, стр. 256). Основываясь на вышеприведенных соображениях, мы склонны думать, что ядро, господствующее племя, равно как и значительная часть народа Хунну — были турецкого происхождения. Хотя все данные говорят в пользу этого предположения, однако мы должны оговориться, что этот вопрос еще ждет своего окончательного решения. Быть может, туркологи объяснят нам еще другие, оставшиеся необъясненными, хуннуские слова, быть может, археологи откроют остатки памятников хуннуской письменности, как это было с Орхонскими надписями². Пока же мы должны сказать, что, по существующим в настоящее время

¹ По поводу сближения имен Ту-мань и Ту-мынь с «туман» см. упомянутую статью проф. Шотта стр. 291 и 318 (турецк. tuman, монг. tômen).

² См. по этому поводу статью проф. Н. И. Веселовского «Орхонские открытия», «Журн. Мин. Нар. Просв., 1894, апрель.

фактам, Хунну были скорее всего Турки. Монголами и Тунгузами они не были во всяком случае; предполагать же влияние Финнов на северо-восточную Азию не является необходимым.

Перейдем теперь к вопросу об отношениях Хунну к Гуннам. Для того, чтобы уяснить его, мы должны прежде всего изложить известные нам и относящиеся к нему исторические события, без правильного понимания и знания которых ничего в данном случае невозможно выяснить. Только недостаточно внимательное отношение к историческим фактам привело, по нашему мнению, Клапрота к ошибочным выводам.

Первое движение Хунну на Запад, упоминаемое в китайских летописях, относится к половине первого века до Р. Х. Мы узнаем, что после ряда происшедших среди хуннуского народа смут, во время которых появилось одновременно на различных концах этого государства несколько шань-юев, один из них, Чжи-чжи (такое имя дают ему китайские летописи), видя, что ему не устоять против поддерживаемого Китайцами другого шаньюя Ху-хань-е, откочевал на Запад, к стране Усуней (теперешняя Дзунгария), а отсюда направился в Кан-гюй (теперь киргизские степи) по приглашению владельца этой страны. На пути туда Чжи-чжи, по причине сильных морозов, потерял много людей. До Кан-гюй дошло только 3000 человек. Далее китайские летописи рассказывают, что их войска достигли Кан-гюй и казнили Чжи-чжи. Хотя, как мы говорили, Хунну на пути своем значительно уменьшились в числе, все же они были в половине I-го в. до Р. Х. в киргизских степях, т. е. на западе Азии, у границ Восточной Европы. Если даже китайские войска проникли в Кан-гюй и убили Чжи-чжи¹, часть народа Хунну могла избегнуть избиения и остаться в этой местности. Понятно, что слух о существовании большого государства с именем Хунн на крайнем Востоке мог не только распространиться в западной Азии, но и проник-

¹ См. об этом у Дегиня, т. I, ч. II, стр. 95 и у Иакинфа, «Собрание сведений», ч. I, отд. I, стр. 80.

нуть в Европу. Весьма вероятно, что откочевание Чжи-чжи впервые принесло имя Хунну на Запад, хотя в виду ничтожного количества подданных, приведенного им с собою, а кроме того и положения союзника, которое он занимал в отношении Кан-гюя, имя это и не могло распространиться на другие обитавшие там племена. Прябытие Чжи-чжи только способствовало, быть может, движению некоторых из этих последних на Запад.

Более важным кажется нам событие, происшедшее позже, в конце I-го века по Р. Х. Известно, что в первой половине I-го века по Р. Х. произошло разделение всего хуннского народа на две части: северную и южную. Южные Хунну, более подчинившиеся китайскому влиянию, сначала управлялись собственными шаньюями, вступавшими даже иногда в борьбу с Китаем, но потом во главе их явились ставленники китайского правительства. Наконец самый титул шаньюй был уничтожен и южные Хунну вполне подчинились Китаю. Часть их даже перешла через Великую стену и поселилась в Собственном Китае¹. В других условиях оказались северные Хунну. Менее подчинившиеся влиянию китайской культуры, чем южные их родичи, они оказывали более упорное сопротивление, чем и возбудили против себя ненависть Небесной Империи. Кроме коварных происков китайской политики, ослаблению северных Хунну содействовали еще: усиление в восточной части их государства племени Сянь-би, а также неблагоприятные для кочевников обстоятельства, как то: засухи и сопровождающие их голодовки, надежи скота и т. д. Все это привело к тому, что в 93 году по Р. Х. царство северных Хунну рушилось под напором Сянь-би, подкрепленных китайскими войсками. В таком затруднительном положении значительная часть Хунну двинулась на Запад. Тут мы имеем уже

¹ Вспомним слова проф. Георгиевского: «Нам кажется, что Великая стена, построенная императором Цинь-ши-хуань-ди, важна не только по своей грандиозности, не только по своему назначению служить оплотом против диких кочевников, но и как этнографическая грань между северными инородцами, ясно отличающимися, и китайским народом, принявшим в себя и растворившим уже многие инородческие племена». Древний период китайской истории, стр. 249.

ясное указание на то, что Хунну в большом числе откочевали на Запад. Впрочем, мы не склонны увеличивать особенно их число, так как при завоеваниях кочевники берут не числом, а напором. Весьма вероятно, что с половины I-го века до Р. Х. до конца I-го по Р. Х., т. е. в течение 150 лет, происходили и другие перекочевки из империи Хунну на Запад, происходившие вследствие различных причин, однако они не отмечены в китайских летописях, быть может, потому что не имели значения для Небесной империи. Могло случиться, что несколько обнищавших семейств, привлеченных слухами о благоденствии своих родичей на Западе, снимались и уходили к ним. Китайцы, не входившие со вниманием во все мелочи жизни своих соседей, могли не записать многие подобного рода выселения. Но откочевание северных Хунну в 93 г. по Р. Х. имеет уже другой характер. Такое большое количество еще ни разу не откочевывало. Поэтому допустимо предположение, что с народом бежали и представители династии, которые, очутившись на Западе, не захотели, быть может, играть роль подданных местных властителей и, воспользовавшись своей относительной численностью и силой, победили туземцев. Таким образом могло возникнуть государство Хунну на Западе: в киргизских степях и далее. Путь этих переселенцев был очень сходен с тем, который на полтора столетия раньше прошел Чжичжи.

Известия об этих откочевавших Хунну не сразу прекратились в китайских летописях. Так, в истории заднего Че-ши, т. е. области в Дзунгарии, постоянно упоминается об их столкновениях с северными Хунну, их соседями с севера. Столкновения эти происходили во всю первую половину II века по Р. Х.¹ Таким образом, в эту эпоху северные Хунну уже жили к северу от Дзунгарии, т. е. к западу от Алтая, в Юе-бане и, может быть, даже в Кангюе. В эту последнюю область северные Хунну несомненно проникли. Китайские летописи говорят, что северный

¹ См. у Иакнифа, «Собрание сведений», т. III, стр. 132—135.

шаньюй ушел на запад в Кангюй¹. Кроме того, мы имеем еще дальнейшие известия. К западу от Кан-гюя лежала по китайским летописям земля Су-дэ, ранее называвшаяся Янь-цай или Алань-я (т. е. земля Аланов) «лежащая при большом озере, которое не имеет высоких берегов. Это есть северное море». И расположение этой области к северу-западу от Кан-гюя, и северное море указывают на земли к северу от Каспия. Вот, что рассказывают китайские летописи по поводу истории этой области: «Некогда Хунны, убив владетеля судэского, овладели землями его. Владетель Хуни составлял уже четвертое колено после того события»². Известия эти Китайцы могли получить только от судэского посольства, пришедшего с посольствами некоторых других западно-азиатских племен в 440 годах³, так как посольства самих Китайцев так далеко не проникали. Если завоевание Хунну произошло за четыре поколения до этого времени, то можно предполагать, как то сделал Аристов⁴, что оно относилось к половине IV века, т. е. именно к тому времени, когда Гунны появились в Европе. На основании всего вышесказанного мы можем вывести заключение, что не только сходство имен и соседство по местам жительства, но и факты истории заставляют признать тожество этих двух народов. Хотя Клапрот и отрицал это тожество, однако достаточно обратиться к его атласу, именно к картам 7—11, чтобы увидеть, что оно направляется само собою. Сторонники финнизма признают, что Хунну, как господствующее финское племя, спустилось с Алтая и подчинило себе туземцев, а при усилении Сянь-би лишилось власти⁵. Приведем

¹ См. у Иакинфа. «Собрание сведений» т. III, стр. 163.

² См. там же, т. III, стр. 166. О расположении области Судэ см. там же, стр. 121, 58, 6.

³ См. об этом посольстве там же, стр. 137.

⁴ «Заметки об этническом составе тюркских племен», Живая Старина, 1896, вып. III—IV, стр. 293.

⁵ Сторонники этого взгляда располагают племена северо-восточной Азии с особой симметрией. В Ляосской горной стране жило, по их мнению, племя манчжурское, политически неспособное и потому подчинившееся чуждой вла-

исторические факты и вытекающие из них следствия, мы можем сказать, что если не предполагать финского завоевания, вопрос этот будет решен гораздо проще. Турки властвовали в северо-восточной Азии, а потом были поработаны Китайцами, Тунгузами и может быть еще какими нибудь племенами и частью покорились, частью ушли на Запад. Из первых произошли Ту-гю, вторые же, в силу своего переселения, не оставили потомков в северо-восточной Азии. Этому содействует и распределение урало-алтайских народов. Народы к северу от Китая были расположены с Востока на Запад в таком порядке: корейские и тунгузские племена, затем турецкие, к северу от них, в пределах Сибири Монголы и, наконец, только к западу от Алтая—Финны¹. Весьма вероятно, что с выселившимися в конце I века по Р. Х. северными Хунну не кончился прилив их на Запад. Китайские летописи передают, что другая часть этого народа подчинилась Сянь-би и приняла их имя. Во все время господства Сяньбийцев (II—IV века по Р. Х.) Хунны могли иногда, опять таки привлеченные слухами о могуществе соплеменников на Западе, двигаться отдельными группами и таким образом подкреплять образовавшееся государство. Наконец, падение Сянь-би и возвышение Жужан в IV веке могло повлечь новое движение, как то предполагал Вивьен де Сен-Мартен. Однако, не имея положительных фактов, это можно высказывать лишь как предположение. Основным же, «капитальным» фактом мы считаем движение Хунну в конце I века по Р. Х.²

сти — их покорителями явились Корейцы, которые раньше развились для государственной жизни; то же самое происходит в Инь-шане — только тут массой населения являются Турки, а властителями и пришельцами Финны. См. Риттер, «Землеведение Азии», т. I, стр. 450 (добавление Семенова).

¹ Подобное распределение дал Клапрот в своих *Tableaux historiques de l'Asie*. Ему же следовал Рихтхофен, *China*, т. I, стр. 50. Этот порядок урало-алтайских народов соответствует отчасти их теперешнему расположению. Следов же пребывания Финнов к востоку от Алтая до сих пор не нашли.

² Пользуемся случаем, чтобы сказать несколько слов об исследователе, писавшем о занимающем нас вопросе, и которого, вследствие своеобразного характера его статьи, нельзя причислить ни к одной из вышеупомянутых теорий.

Выяснив вопрос о происхождении Хунну и их отношений к Гуннам, нам остается еще привести соображения относительно происхождения этих последних. Казалось бы, что если Хунну-Турки, перекочевавшие впоследствии в Европу, то и Гунны тоже должны были быть Турками. Однако, в истории подобного рода соображения не всегда оказываются справедливыми. Европейские Гунны обращали на себя до сих пор большее внимание, чем родственные им китайские Хунну. Это объясняется конечно тем, что история Европы разработана лучше, чем история северо-восточной Азии. Вопрос о происхождении их не относится непосредственно к востоковедению, однако может быть правильно решен только при помощи ориенталистов. На основании этого мы, в данном случае, должны следовать выводам и доказательствам других ученых, предлагая однако в виде подтверждения или отрицания свои доводы.

Это Боура (Bowra) и его статья «The Хойю: and the Hsiung-nu» (Notes and Queries on China and Japan, edit. by N. Denny, volume I, January-December, 1867, Hongkong). Тождества Монголов и Гуннов он не признавал на том основании, что первые не только не сохранили никаких воспоминаний и преданий о победах и выселениях, но должны были даже впасть в непонятную «летаргию» и пробудиться лишь через несколько столетий — что кажется ему невозможным. Сходство тугуйских слов с турецкими кажется ему недостаточным для заключения о турцизме Ту-гю, а следовательно и Хунну. Финно-угорское происхождение Гуннов тоже кажется ему мало вероятным. Сам же Боура не предложил своего решения — он только разрушал, ничего не создавая. Однако этим не ограничилось отрицательное отношение этого исследователя к нашему вопросу. Соглашаясь с тем, что история турецких народов тесно связана с историей славян и германцев, и допуская, что рассеяние северных Хунну могло оказать влияние на движение народов, пограничных с Европой, он однако высказал мнение, что «очень мало возможности доказать тождество Хунну и Гуннов на основании китайских летописей. Мало точек соглашения между историей Китая и Европы и мало сделано для их разъяснения». Тут же он назвал вопрос о тождестве Хунну и Гуннов одним из наиболее интересных. В конце статьи Боура заявил, что собирается собрать известия о Хунну в китайских летописях. Насколько ему удалось исполнить свое обещание, мы не знаем: ни в одном из позднейших исследований, равно как и в библиографических сборниках, мы не нашли упоминания о его дальнейших работах в этой области. Упомянутая же статья, обладающая, правда, привлекательным заглавием для исследующих вопрос об отношениях Хунну и Гуннов, не вносит в литературу по этому предмету ничего нового.

В этом вопросе, еще более чем в вопросе о происхождении Хунну, существует очень много гипотез, догадок, сближений и... очень мало положительно доказанного. Одни думали, что Гунны были Монголы, другие — что этот народ финского происхождения, третьи считали их Славянами, четвертые — Турками. О всех этих теориях мы скажем лишь несколько слов как потому, что мы уже говорили о них при разборе теорий о происхождении Хунну (напр., говоря о взглядах Палласа и Бергмана или о теории Клапрота), так и потому, что некоторые из них предложены такими историками Европы, которые не имели достаточного знания истории Средней Азии.

Теория монголизма Гуннов продержалась очень недолго и в настоящее время сдана, повидимому, безвозвратно в архив; впрочем, ее и теперь, как мы говорили, еще можно иногда встретить в литературе.

Теория финнизма, главой которой должен считаться Клапрот, пользовалась общим доверием довольно долгое время, да и теперь имеет много сторонников, хотя новые доводы сильно ее поколебали.

Эти новые доводы были высказаны сторонниками славянства и турчизма Гуннов. К первым принадлежат только историк Европы и главным образом славянского мира и России. Насколько нам известно, ни один ориенталист не высказался в пользу их предположений. Мы постараемся в общих чертах охарактеризовать эти доводы и дать их разбор, так как все, что относится к истории Гуннов, имеет отношение и к вопросу о происхождении Хунну.

Создателем этой теории явился Венелин («Древние и нынешние Болгаре», т. I, 1829). Главное положительное доказательство этого ученого было лингвистическое. Гунские имена по его мнению, «звонят по славянски» (стр. 94). Каратон (Καρτων) сходно с именем болгарского царя Кардана (Болгаре были, по его мнению, чистые славяне), Баламбер-Владимир, Аттила-Тилаи (болгарский царь), Бледа-Влад и т. д. Отожествление Хунну и Гун-

нов он считал ошибкой ученых. Хунну были по его воззрению Монголы, которые кочуют до сих пор, как и во времена глубокой древности, на северных границах Китая (стр. 157—8). Из сочинений ориенталистов он ознакомился, видимо, только с сочинением Иакинфа «Записки о Монголии», да и то плохо понял их, потому что, упустив из вида замечание, что имя Хунну было лишь транскрипцией туземного имени на китайский язык, он возражал против приписываемого им этому синодоту мнения, что монголы называли себя китайским бранным именем (стр. 160 и далее). Он доказывал, что по гречески Гунны всегда назывались Οὐννοι, Οὐέννοι, Венны, и только уже в латинском языке появилась форма Нунни, откуда в Европу и Россию перешло имя Гунны¹. Имя Гунн или Венн (что по его мнению одно и то же) Венелин сблизил с именем Венд, и таким образом признавал их тождественными Славянам.

За этим исследователем последовал целый ряд ученых, принявших и его лингвистические доводы, и тождество Гуннов и Вендов. Особенно оригинальны были доказательства Вельмана в его сочинении «Аттила и Русь в IV—V веках» (Москва, 1858). Он отождествил имя Нунни через форму Kwāne с именем Кыяне, т. е. Киевлянами, назвал Аттилу «всей Руси самодержцем» и т. д. Даже сторонник славянства Гуннов проф. Д. И. Изювацкий назвал это сочинение «мистическим сумбуром». В пользу этой теории высказался и И. Е. Забелин на стр. 218—360 первой части «Истории русской жизни» (Москва, 1876). Считая сделанное Дегинем отождествление Хунну и Гуннов основанным лишь на сходстве имен, он указывает на противоречие этому свидетельств истории и географии. По мнению этого ученого, «надо только удивляться, каким образом несообразная догадка Дегиня утвердилась в науке, как непреложная истина. С его легкой руки все стали твердить, что Унны были истинные Калмыки, и все

¹ Этому противоречит наблюдение Сен-Мертена, что имя этого народа имеет сильное придыхание в начале.

старались при всяком случае только доказывать и распространять это поверхностное заключение. Затем Клапрот доказал, а Шафарик подтвердил, что Уинны были Уральского происхождения, родственники Башкиров и предки Венгров. Теперь этой новой истине уже никто не противоречит» (331—332). Переходя к разбору источников, И. Е. Забелин считает портрет Гуинов, описанный Аммианом Марцелином, продуктом воображения, возникшим из сказаний о быте кочевых народов. Гуинны пришли не с Востока, т. е. не из за Волги, а от Ледовитого моря. Лежащими за Меотийскими болотами назывались страны не к Востоку, а к Северу от них. Уиннами, по его мнению, стала называться дружина северных славянских племен, призванная южными на помощь против Готов. Таковы в кратких словах мнения этого ученого.

Самым убежденным сторонником теории славянства Гуинов является бесспорно Д. И. Иловайский. Как известно, этот ученый один из наиболее ожесточенных противников норманизма Руси. От славянства Руси он перешел к славянству Болгар, а от этого к славянству и Гуинов. Его доказательства и возражения на них составляют несомненно своеобразное явление в истории нашего вопроса. Напечатан в майской книжке журнала Министерства Народного Просвещения за 1881 г. статью под заглавием «Вопрос о народности Руссов, Болгар и Гуинов», Д. И. Иловайский повторил в сентябре 1881 г. на V Археологическом съезде в Тифлисе те выводы, к которым он пришел в этой статье (см. Труды V Археологического съезда в России, изд. под редакцией Уваровой, Москва, 1887, стр. LIX—LXIII). Уже здесь мнения разделились: часть приняла воззрения докладчика (Н. И. Костомаров, проф. Иконников), часть высказалась против них (Загурский, Гаркави, проф. Анучин). 31 декабря 1881 г. в Этнографическом отделе Московского Общества Любителей Естествознания состоялся предложенный Д. И. Иловайским диспут по вопросу о народности Гуинов, а в 1882 г. этот же исследователь напечатал статью «Пересмотр вопроса о Гуидах»

(Русская Старина, 1882, февраль) и второе издание «Разысканий о начале Руси», к которому приложил и исследование по вопросу о Гуннах. Выводы этого исследователя сводятся к следующим. Теория турапства¹ Гуннов основывается, по его мнению, только на описании их наружности и образа жизни Аммианом Марцелином и Иорнадом. Описанию первого нельзя придавать значения, потому что он никогда в своей жизни не видел Гуннов, а писал с чужих слов, описание же Иорнанда «плод тенденциозно настроенного воображения». Кроме того, в оставленных описаниях наружности Гуннов не видно черт, свойственных монгольскому племени. Гунские слова, дошедшие до нас — славянского происхождения: медос — мед, камос — квас, страва — тризна. Относясь критически к лингвистическим доказательствам, Иловайский сближает имя Аттилы с Аталем, Татилой, Атаульфом. На Хунну Д. И. Иловайский не счел нужным обратить внимание. Мимоходом говорит он, что Гуннов старались связать «с монгольским народом Хюнгну» и заставили этих последних переселиться в IV веке на Запад. Все это Д. И. Иловайский считал не основанным на положительных свидетельствах источников.

Наконец, последним представителем теории славянства мы должны назвать В. М. Флоринского (Первобытные Славяне по памятникам их доисторической жизни в Изв. Томского Унив., книга VII, 1895). Взгляды этого исследователя на гунский вопрос сходятся преимущественно со взглядами И. Е. Забелина (см. стр. 53—54 и 350—354 его сочинения). По его мнению, перевороты в Европе «сделали не те полудикие, бездомные зауральские выходцы, какие описываются под именем Гуннов в известиях Иорнанда и Аммиана Марцелина». Имя Гунн он склонен производить от слова гунявый. Он вполне соглашается

¹ Д. И. Иловайский предпочитает термин «туранский» термину «урало-алтайский», потому что он распространяется яко бы и на монгольские народы, на которые термин «урало-алтайский» не распространяется (см. Русская Старина, 1882, декабрь, стр. 609) — это конечно совершенно не верно и противоречит современной этнографической классификации.

с объяснениями гунских имен, предложенными Венелиным, Забелиным, Иловайским. Вопрос, по его мнению, не в имени Гуннов, а в силе, которою Славяне оттеснили Готов, сплотившись в одно политическое тело, а сплачивающим элементом не могла быть финская или монголо-татарская орда.

Эта славянская теория прежде всего встретила много возражений в Этнографическом Отделе Московского Общества Любителей Естествознания (см. Труды этого Отдела за 1886 г., VII), в котором Иловайский предложил диспут относительно вопроса о происхождении Гуннов. Сначала возражал проф. Н. А. Попов, который, как историк, особенно восставал против мнения Иловайского, что Славяне не известны истории до Гуннов, тогда как Анты и Венды были без сомнения Славяне. Далее выступил против этой новой теории проф. В. Ф. Миллер, приведший лингвистические и этнографические данные. Сопоставление слов «кам» и «квас» он считал безусловно произвольным, да при том слова «кам» и «мед» принадлежали по его мнению языку деревенского населения Паннонии, которое не было гунского происхождения; собственные имена — не славянские (о том, к какому языку пужно их отнести, по мнению В. Ф. Миллера, мы скажем дальше); между Славянами и Гуннами существенное различие и в наружности (Славяне белокуры и высоки ростом, Гунны — черноволосы и маленького роста), и в быте (Славяне — оседлые, Гунны — кочевники). Затем говорили против этой теории и проф. Ф. Е. Корш (по поводу различия физического и лингвистического), и проф. Д. Н. Анучин (с точки зрения антрополога; о мнении его мы уже говорили выше). Впрочем все эти ученые высказались устно, и об их воззрениях можно судить только по протоколам заседаний вышеупомянутого отдела¹. В печати возражал на гипотезу Д. И. Иловайского проф. В. Г.

¹ К изданию 1882 г. своих «Разысканий о начале Руси» Иловайский приложил отчет об этом диспуте и возражения своим оппонентам. Эти возражения не удовлетворяют нас. Он сам тут сознается, что «услыхал с удивлением» о существовании обширной литературы о Гуннах. Ему, по собственным словам, были лишь известны два сочинения: Ам. Тьерри и Бэра.

Васильевский в статье «О мнимом славянстве Гуннов, Болгар и Роксолан» (Журн. Мин. Народ. Просв., 1882 г. июль). Он указал на то, что древние писатели как Иордан, Прокопий, Маврикий отличают Гуннов от Славян (стр. 145); по данным языка, Славяне еще до разделения индо-европейцев были земледельцами, а не кочевниками, как Гунны (стр. 146—9); «кам» не «квас», а особый паннонский напиток, издавна известный греческим писателям (стр. 150—1). Общий вывод этого ученого тот, что если и можно спорить о том, к какой группе урало-алтайских народов принадлежали Гунны: финно-угорской, турецкой или монгольской, то во всяком случае несомненно неславянское происхождение их. Доводы Д. И. Иловайского встретили опровержение и со стороны ориенталистов. Проф. Н. И. Веселовский разобрал их в статье, озаглавленной «Несколько новых соображений по поводу пересмотра вопроса о происхождении Гуннов» (Журн. Мин. Нар. Просв., 1882 г. сентябрь). Тут были указаны те восточные источники и вытекающие из них факты, на которые Иловайский не обратил внимания. Д. И. Иловайский в статье «Поборники норманизма и туранизма» (Русская Старина, 1882, декабрь) высказался по поводу вышеупомянутых критических статей. В. Г. Васильевский написал по этому поводу «Еще раз о мнимом славянстве Гуннов» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1883, апрель). Эти чисто полемические статьи, хотя несомненно выясняют степень подготовки каждой из спорящих сторон к занятиям историко-этнографическими вопросами вообще и вопросом о Гуннах в частности, не дают каких либо новых фактов. Отметим только мнения, высказанные по поводу Гуннов, упомянутых у Птолемея. Д. И. Иловайский, настойчиво отрицавший азиатское происхождение Гуннов, видел противоречие этому в упоминании о них еще во II веке, тогда как Гунны пришли, как думают, в Европу в IV. В. Г. Васильевский возражал, что этот факт, равно как и упоминание о Гуннах у Плиния Старшего, в клинообразных надписях (как мы уже видели в клинообразной надписи вместо Хуна надо читать Яуна) и т. д., есть

факт единичный, и сближение Гуннов Птолемея с Гуннами Марцеллина бесплодно, если нельзя заполнить хронологический, географический и филологический промежуток между этими двумя народами. Заметим, что подобное же отрицательное отношение к Гуннам Птолемея было высказано и Цейссом в «Die Deutschen und die Nachbarstämme (München. 1837, с. 727, пр. 1). Кроме того, упоминание о Гуннах во II веке по Р. Х. не противоречит их азиатскому происхождению и тождеству с Хунну уже потому, что эти последние совершили два известных Китаю движения на Запад: в половине I в. до Р. Х. и в конце I в. по Р. Х. Откочевавшая в половине I в. до Р. Х. часть могла быть уже известна Птолемею.

Из этого краткого обозрения доводов этой теории и возражений на нее, делается, по нашему мнению, ясным, что в решении этого вопроса необходимо считаться с теми известиями, которые дают нам восточные источники, знания которых совершенно недостает сторонникам славянства Гунновъ.

Из вышеприведенных известий мы знаем, что Хунну откочевали на Запад и ко времени появления Гуннов в областях к северу от Черного моря были как раз в тех местах. Кроме того, мы высказали свое предположение о происхождении Хунну: они были Турки. Теперь является вопрос, кто же были эти Гунны, по всем соображениям тождественные с Хунну? До вторжения Турков Хунну в области к северу от Каспийского моря и далее на Запад, там жили народы другого происхождения. Если Хунну уступали в числе обитателям тех стран, в которые вторглись (а это всегда так бывает при малочисленности вторгающихся кочевников), то, сохраняя только свою верховную власть, турецкий элемент должен был раствориться в массе чуждых племен. Какие же народы могли проживать в то время в этих местах? Выше мы приводили вероятную схему расположения урало-алтайцев в Средней Азии. Из нее мы можем видеть, что к западу от Алтая, проникая за границы Азии в центр Восточной Европы и занимая весь север этой последней, жило

племя финское. Итак, в нем то и должен был раствориться пришлый турецкий элемент. Двигаясь далее на Запад, они должны были подчинить себе и другие народы, жившие на их пути. Таким образом наступала очередь арийцев, сначала славян, потом германцев. И вот является громадное государство Гуннов, состоящее из самых разнообразных элементов, которые после разрушения его выделялись в особые политические группы. Мы можем сказать, что Германцы, Славяне, Летты и другие были Гуннами, но Гунны не были Германцами, Славянами, Леттами и т. д.¹ Этим путем, т. е. предположением, что Турки Хунну растворились среди финских (главным образом) славянских, германских и др. элементов и воспоминанием о них осталась только династия и ее имя, возможно, казавшееся недопустимым представителям второй теории, примирение турчиства Хунну и финнизма Гуннов и при том естественнее, чем думали это сделать Сен-Мартен, Вивьен-де-Сен Мартен, Семенов и другие.

При разборе мнений Клапрота мы уже говорили о возможности отождествления Гуннов именно с Мадырами и указали, что это мнение разделялось далеко не всеми. Поэтому необходимо в настоящее время ограничиться предположением, что значительнейшую массу среди Гуннов составляли Финны (в общем смысле этого слова, т. е. понимая под ним одну из групп урало-алтайцев), быть может угорского семейства. Мы должны добавить, что к этому заключению могут главным образом привести соображения, основанные на истории миграций урало-алтайских народов, а не на тех лингвистических данных, которые сообщены Клапротом. Этих последних, по нашему мнению, очень не много. Кроме собственных имен, толкование которых у него далеко не всегда удачно, он привел только одно нарицательное имя: «вар» или река по лезги-аварски («ор»). Это слово очень сходно с именем одной реки в Скифия по Геродоту (книга IV). По сообщению отца истории, через владения Меотов протекали четыре реки, —

¹ См. по этому поводу упомянутую статью проф. Н. И. Веселовского.

из них одна с именем Оар (Ὠαρος). Таким образом это слово, быть может, финское, могло перейти к Гунам по традиции ¹.

Несмотря на то, что теория финнизма Гунов имеет много вероятия, в новейшее время возникла новая теория относительно происхождения этого народа, которая, имея за собой веские доказательства и авторитетных сторонников, заслуживает полного внимания. Выше мы приводили замечания и возражения проф. В. Ф. Миллера и Ф. Е. Корша по поводу славянства Гуннов. Отрицая возможность этого, они предложили свои объяснения. Доводы этих ученых, по специальности языковедов, имеют для нас большое значение. Оба они представили свои объяснения гуннских собственных имен. Проф. Корш признал, напр., собственное имя Ойбарс за турецкое (составленное из ой-равнина и барс-барс). Кроме этого он указал и на некоторые другие примеры. Подробнее говорил по этому поводу проф. Миллер. Слова, имеющие в латинской или греческой транскрипции окончание на «gan» или «kan», по его мнению, несомненно турецкие, при чем это «gan» есть турецкое хан (Zaber-gan = Забар-хан). В имени Денгизик он считает корнем турецкое слово «денгиз» (море), Ойбарс сравнивается им с половецким (а Половцы были несомненно турки) именем Багубарс. Гунское Куридах = полов. Курток. Все имена, кончающиеся на ger, турецкого происхождения: Higer, Moager, Hmingir (сравни с именем казанского царя Едигера) и т. д. Таким образом и тот, и другой считают наиболее правильным сопоставление имен гуннских с турецкими. Остается лишь пожалеть, что они не высказались по этому поводу подробнее. Более их сказал по этому поводу известный венгерский турколог Ар. Вамбери. В своем исследовании «Ursprung der Magyaren» (Leipzig, 1882) он посвятил вопросу о Гунах три главы (вторая, третья и четвертая). Мы приведем некоторые его мнения, главным образом в виду обширности собранного им по этому вопросу

¹ Заметим, что в мадыарском языке слово «овар» значит не «река», а «замок, городище»; см. еще Hansen, Ost-Europa nach Herodot (Dorpat, 1844, стр. 174). Таким образом в этом языке нет слова, сходного с гуннским «вар».

материала. Вамбери, по специальности филолог, а потому главные его доказательства основаны на данных языка. Он, подобно двум вышеназванным ученым, особенно указывал на сходство гунских имен с турецкими, хотя и признавал их сильно измененными греческой и латинской транскрипциями. Целая глава (стр. 40—50) посвящена у него разбору этих гунских имен и доказательству их турецкого происхождения. Мунцук (Munzikh) турецкое слово и значит знамя, Ирпак (Irpakh) — тоже и значит юноша, Атакам (Atakam) — отец или жрец, Баян — могущественный и т. д.¹ Было бы слишком долго, да для нашей цели и не необходимо, приводить все гунские имена. Считая этот народ турецким, Вамбери тоже на основании лингвистических данных шел еще дальше и пытался определить, к какой группе из турецких племен следует отнести их, и пришел к тому убеждению, что они должны были быть ближайшей родней древних Уйгуров. Кроме доказательств на основании данных языка, Вамбери привел также некоторые исторические факты, говорящие в пользу турчизма Гуннов. Он указал, напр., на то, что через сто лет после падения гунского государства, Земарх застал все пространство, занятое некогда этим народом, населенным сплошь турками. Он допускает, что среди них были финно-угорские элементы, но не думает, чтобы эти последние, состоящие главным образом из «рыбаков и жителей лесов», когданибудь выступали в качестве грозных завоевателей. Определяя с точностью происхождение Гуннов, Вамбери ни слова не сказал об их отношениях к Хунну; это тем более странно, что он ориенталист по специальности. Придерживаясь того же мнения о турчизме Гуннов, Вамбери касался этого вопроса и в «Das Türkenvolk» (Leipzig, 1885) и в «Первобытной культуре турко-татарских народов» (русск. пер. в «Записках Западно-Сибирского отдела Географического Общества», 1884, книжка VI).

Мы видели, что сторонники всех теорий приводили свои мнения о гунских собственных именах. В виду того, что теории мон-

¹ Мы не берем на себя ответственность за эти словопроизводства.

голизма и славянства Гуннов противоречат фактам, мы и не считаем нужным обращать особенное внимание на них. Остаются следовательно теории финнизма и турчизма. Так как первая в сопоставлении собственных имен имела одного только представителя (Клапрота), который к тому же писал в 1826 году, и была принята с недоверием некоторыми специалистами (напр. Уйфальви), вторая же имела представителей в лице современных языковедов — мы более склонны принять сближение гунских имен с турецкими. Впрочем весьма вероятно, что многие Гунны носили имена финские. Во всяком случае влияние Финнов существовало в сильной степени, и потому нет ничего удивительного в том, что Турки приняли некоторые имена побежденных ими народов.

Не одни филологи, основываясь на сходстве имен, считали Гуннов за Турков. Это мнение было также выражено и некоторыми историками. По этому поводу высказался еще Цейсс (*Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstämme, München, 1837*). Статью, озаглавленную *Hunni*, он посвятил исключительно истории этого народа (стр. 706 — 710), тогда как о происхождении их говорил в статье, посвященной Булгарам (стр. 710 — 727). В этом последнем народе он признал ушедших на Восток Гуннов. На Волге, где удержались остатки Булгар, можно ожидать в ту эпоху только либо Финнов, либо Турков; так как Финны раньше (стр. 272 — 275) признаны им исключительно лесным народом, занимающимся охотой и рыболовством, то Болгары и их предки Гунны, народы кочевые, степные и конные должны быть отнесены к Туркам. По его мнению, Гунны были первые Турки, пришедшие из северо-западной Азии и пробившие путь в степную полосу Европы. Отожествление Гуннов с Хунну принято им. Настоячиво придерживался теории турчизма Гуннов и лучший знаток исторической этнографии России, академик А. А. Куник. Из его статей по этому вопросу мы прежде всего должны назвать «О тюркских Печенегах и Половцах по мадьярским источникам» (помещена в Записках Академии Наук за 1855 г., т. III). Он с полным убеждением высказал здесь, что «тюркский элемент совершенно

ясно выступает (в Южной Руси) лишь со времени гунского нашествия, когда Алтай, это первоначальное гнездо тюркских племен — стал высылать орду за ордой на Западную Азию и Черноморье» (стр. 715). На этом основании он и признал нашествие Гуннов основным пунктом в истории турецких народов. Кроме того он высказал мнение, что среди гунского войска находились многие из тех турецких народов, которые позже друг за другом явились в истории южной Руси. Считая Финнов совершенно неспособными соединиться в государства, он даже полагал, что первобытные Магары (Мадьяры) были Турки, обратившие подданных своих Финнов в конный народ и с течением времени заменившие свой язык языком многочисленных подданных (как пример возможности подобной замены, он привел Франков в Галлии). Это мнение академик Куник повторил и в многих последующих работах, например в «Известиях Ал-Бекри и т. д.», в приложениях к «Каспию» Дорна и др. Мнение его было принято и туркологом академиком В. В. Радловым. В совместно написанной рецензии на сочинение Голубовского «Печенеги, Торки и Половцы до нашествия Татар» (Киев 1884) они высказались в пользу турчизма Гуннов и осудили теорию финнизма некоторых полукочевых народов южной и юго-восточной Руси. Печенеги имели, по их мнению, в южной России предшественников турецкого происхождения — именно Аваров. Турки были главным племенем в Хазарии. Болгары были Турки. Финский элемент в истории юга и юго-востока России явился впервые с Мадьярами, да и то под предводительством турецкого рода. Гунны были несомненно Турки. Ф. Мюллер, признавший, как мы уже говорили, Хунну за турков, Гуннов тоже назвал племенем татарским (т. е. по его классификации турецким), хотя и признал их сильно смешанными с Финнами (см. его *Allgemeine Ethnographie*). К этому мнению о турчизме Гуннов присоединился и австрийский ученый Томашек, который в рецензии на книгу Иречека «История болгар» (помещена была в *Zeitschr. für Oester. Gymnasium* за 1877 г., стр. 674—686) на основании и истори-

ческих преданий, и сходства имен доказывал, что Болгары и их предки Гунны были Турки. К авторитетным мнениям Куника и Томашека присоединился М. Соколов в своем исследовании «Из древней истории Болгар» (СПб. 1879). Проф. Васильевский в цитованной нами статье «О мнимом славянстве и т. д.», направленной против теории Иловайского, высказал, «что преобладание среди Гуннов турецких элементов нам кажется весьма вероятным и почти несомненно доказанным (см. А. А. Куника, Томашека, Соколова)» (172 стр.). Наконец, в последнем сочинении по общей истории великого переселения народов, которое именно в силу своего популярного значения должно придерживаться наиболее распространенных взглядов, было высказано мнение в пользу турчизма Гуннов. Мы разумеем «Geschichte der Völkerwanderung» Витерсхейма. Здесь (Zweiter Band, 24—25) Гунны считаются вторгнувшимися в конце I века по Р. Х. в Западную Азию Турками, среди которых находились многочисленные финские и тунгусские элементы¹. В. В. Радлов высказался в пользу турчизма Гуннов как в вышеупомянутой, написанной вместе с А. А. Куником рецензии на сочинение Голубовского, так и в исследовании «К вопросу об Уйгурах» (2-ое приложение к LXXII тому Записок Академии Наук, СПб. 1893). Этот исследователь, основываясь на известиях Дионисия Периегета, считает вполне возможным отождествить Гуннов и Хунну (стр. 103). Известие Моисея Хоренского служит ему доказательством, что Гунны в III веке продвинулись еще более на Запад. Состав этого народа определяется им следующим образом: «собственно Гунны (восточные тюрки, уйгуры) составляли несомненно лишь часть нахлынувших в Европу полчищ; очевидно самые различные племена (западные тюрки, угры и пр.) двигались

¹ Fr. Müller в своем известном сочинении «Allgem. Ethnographie» (Wien, 1873) признал Хунну за Турков (см. стр. 347—348), а Гуннов тоже назвал племенем татарским (т. е. турецким), хотя и сильно смешанным с Финнами. См. также вышеприведенное мнение Girard-de-Rialle'я.

вперед, имея в Гуннах предводительствующее племя и нарастая, подобно лавине, во время движения» (стр. 103). Описания наружности Гуннов у Аммиана Марцеллина, Иорнанда и др. вполне совпадают с тем описанием Хунну, которое мы находим у Китайцев. Тип Гуннов есть тип либо Турков, либо Монголов, либо Тунгузов. Из истории мы знаем, что сначала направлялись на Запад Турки, при чем занятые ими области заходили на Запад за Аральское море уже до Р. Х. В III—X веках стали пробиваться Тунгузы, не дошедшие однако дальше центра Средней Азии, а с XIII века появляются Монголы. «Если бы монгольские племена уже раньше когда-нибудь проникли на Запад, то где-нибудь там остались бы осадки этого народа» (стр. 106). Таковы вкратце мнения этого ученого.

За признание Гуннов Турками, тождественными Хунну, высказался и Н. А. Арстов («Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей» в «Живой Старине», 1896, III—IV). Итак теория турчизма Гуннов имеет в настоящее время многих представителей. Однако необходимо сказать, что она не является общераспространенной. Ее сторонники, как можно видеть по вышеизложенному, исходят из несколько иных взглядов, чем представители других теорий. Они основывают свои выводы не столько на отдельных фактах, на толковании собственных имен, сколько на общих соображениях по поводу исторического хода событий и группировки племен. Такая точка зрения имеет много за себя и, по нашему мнению, характеризует дальнейшее движение вперед. Так как в наши цели не входит решение вопроса о происхождении Гуннов, то мы и ограничимся только указанием на эти мнения. В случае если теория турчизма окажется верной, то наши выводы относительно происхождения Хунну и их отношений к Гуннам получают в свою пользу еще более данных. В противном же случае вполне допустима гипотеза, предложенная проф. Веселовским, т. е. что только династия у Гуннов была турецкого происхождения. С этим будет вполне согласоваться то, что произошло позже в тех же местах

у некоторых других народов, напр. у Хазар (если допускать, разумеется, их финское происхождение).

Совершенно невыясненным остается вопрос о происхождении имени этого народа. Клапрот нашел в вогульском языке слово *hoim*, *khöim* и *koim*, значащее человек, и производил имя Хунну и Гуннов от этого слова. Однако слово хунн находится не только в вогульском языке. По свидетельству проф. Васильева (см. цитованную выше статью «Об отношениях китайского языка к среднеазиатским») «в монгольском языке и поныне человек называется хунн». Так как этот ученый не принимал Хунну за Монголов, то он прибавил к этому следующее замечание: «Мы не хотим этим сказать, что Хунны говорили монгольским языком, потому что название человека могло остаться в чужом языке по великому значению народа в свое время, и что всякий мог считать себе за честь называться Хунном, как некогда на Западе Римлянином». Нам кажется, что существование этого слова в том же значении в вогульском, т. е. финском языке, подтверждает эту догадку. Вамбери, в названном нами сочинении (*Ursprung der Magyaren*, стр. 43) указал на то, что Куманы или Половцы назывались Венграми *kum* и сближал с этим слово имя Гуни или Хунн. Еще Фейер (*Fejér. Aborigenes et insinabula Magyarorum*, 1840)¹ указал на то, как изменялось имя Гуннов — их то называли *Uppi*, то *Hunni*, то *Cumani*. С неистощимым терпением этот исследователь привел всех авторов и места в их сочинениях, где встречается какая нибудь из этих форм (см. стр. 44—46 его сочинения). Таким образом сходство между именами Гуннов и Куманов должно обратить на себя внимание позднейших исследо-

¹ Замечательно, что этот исследователь, очень тщательно собравший известия о Гуннах у древних писателей, совершенно упустил из вида китайские известия о Хунну. Быть может впрочем, что он следовал в данном случае теории Клапрота, хотя тогда необходимо все-таки было указать на это. А если бы он обратил больше внимания на Хунну, он вероятно не стал бы искать Гунинов в народе надписи Карнакского дворца или в клинообразной персидской надписи. На несостоятельность этого последнего отождествления мы указали в своем месте, руководствуясь статьей Шингеля.

вателей. В настоящее время, когда и происхождение имени Куманов¹ еще не установлено, трудно говорить чтонибудь о происхождении имени Гуннов. Может быть, что имя это было собственным именем рода и, если имело когданибудь значение имени нарицательного, то уже давно утратило его.

Довольно трудно также ответить в настоящее время на вопрос, который из современных нам турецких или финских народов в Восточной Европе является потомком грозного народа Аттилы. Предполагаемое происхождение от него Секлеров кажется нам недостаточно убедительным. Проф. Веселовский в указанной нами статье выставил в виде вопроса гипотезу о том, что потомками Гуннов являются современные Башкиры. Возможно также предполагать, что потомками их являются Чуваши, в языке у которых «основу составляют тюркские слова и корни, но грамматические формы и изменения звуков выработались в нем под сильным влиянием финно-угорских языков» (Аристов, цит. соч., стр. 409). Может быть также, что этот народ совершенно исчез, растворился среди смут и нашествий последующего времени, как исчезли Авары, Печенег и др.

Результаты наших исследований сводятся к следующим трем выводам:

I) Кочевавший к северу от Китая и основавший могущественное государство народ Хунну образовался из усилившегося турецкого рода. Значительная часть подчиненных племен состояла по всей вероятности тоже из Турков, хотя как с основания государства, так особенно во время его процветания в состав его входили различные другие племена, как-то: монгольские, тунгусские, корейские и тибетские.

II) После распада государства на две части (распадения, вызванного скорее политическими и культурными причинами, чем

¹ Попытки объяснить это имя указаны у Голубовского «Печенег, Торки и Половцы» (Киев, 1884), стр. 40, примечание.

этническим различием — южные Хунну более подчинились влиянию китайской цивилизации, северные же лучше сохранили племенные черты), северные Хунну не могли сохранить самостоятельность, и часть их выселилась на Запад. По дошедшим до нас историческим известиям эти выселившиеся Хунну прошли обычным путем кочевников через Дзунгарию и киргизские степи и вступили в Восточную Европу во второй половине IV века по Р. Х.

III) В Северо-Западной Азии и в Восточной Европе Турки Хунну или Гунну столкнулись с другими племенами. Прежде всего на пути их стояли племена финские (при чем трудно в настоящее время решить, растворились ли совершенно Турки в финской массе или наоборот способствовали обращению Финнов в кочевой, конный народ). Чем далее двигались Гунны, тем более редел среди них турецкий элемент, и примешивались другие народы, как то славянские и германские. Весьма вероятно, что между подданными Мо-дэ и Атиллы было очень мало общего. Однако нам кажется несомненным, что вторжение грозных завоевателей IV — V веков находится в связи и вызвано переворотами на крайних восточных пределах Азии.

УКАЗАТЕЛЬ

главнейших сочинений по вопросу о происхождении Хунну
и Гуннов до XX века.

- Аристов, Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей (Живая Старина, 1896, вып. III—IV).
- Баер. Die Makrocephalen im Boden der Krum und Oesterreichs (Mémoires de l'Académie des sciences de St. Pet., VII série, II tome, № 6).
- Bergmann. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. (Riga, 1804).
- Бичурин, Иакинф. Записки о Монголии (СПб., 1828). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена (СПб., 1851).
- Bowra. The Хюньси and the Hsiung-nu (Notes and Queries on China and Japan, edit. by N. Dennis, vol. I, January—December, 1867, Hong-kong).
- Vambergy. Ursprung der Magyaren (Leipzig, 1882).
- Васильевский, В. Г. О мнимом славянстве Гуннов, Болгар и Роксолан (Журн. Мин. Нар. Просв., 1882, июль). Еще раз о мнимом славянстве Гуннов (там же, 1883, апрель).
- Веселовский, Н. И. Несколько новых соображений по поводу пересмотра вопроса о Гуннах (Журн. Мин. Нар. Просв., 1882, сентябрь).
- Венелин. Древние и нынешние Болгаре, т. I (1829).

- Wietersheim. Geschichte der Völkerwanderung, zweiter Band (Leipzig, 1881).
- Vivien-de-Saint-Martin. Sur les Huns Ouraliens (Nouvelles annales des voyages, t. III, 1848, Decembre).
- Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи (русск. перевод), т. III.
- Deguignes. Mémoire sur l'origine des Huns et des Turcs (Paris, 1748)¹; Histoire des Huns, des Turcs, des Mongols et autres Tartares Occidentaux (Paris, 1756—8).
- Jardot. Révolutions des peuples de l'Asie moyenne (Paris, 1839).
- Girard-de-Rialle. Mémoire sur l'Asie Centrale (Paris, 1875).
- Иловайский, Д. И. Вопрос о народности Руссов, Болгар и Гуннов (Журн. Мин. Нар. Просв., 1881, май). Пересмотр вопроса о Гуннах (Русская Старина, 1882, Февраль). Разысканья о начале Руси (Москва, 1882). Поборники норманизма и туранизма (Русск. Стар. 1882, декабрь).
- Sahun, L. Всеобщая история под редакцией Лависса и Рамбо, II том, XVI глава (русск. перевод). Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405. (Paris, 1895).
- Castren. Reiseberichte und Briefe (herausgeg. von A. Schiefner, 1856).
- Klaproth. Asia polyglotta (Paris, 1823). Sur l'identité des Thou-khiu et des Hioung-nou avec les Turcs (Journal Asiatique, 1825, Novembre). Tableaux historiques de l'Asie (Paris, 1826).
- Koskinen. Finnische Geschichte (Leipzig, 1874).
- Куник, А. А. О тюркских Печенегах и Половцах по мадыарским источникам (Зап. Ак. Наук, 1855, т. III). Рецензия на сочинение Голубовского о Печенегах, Торках и Половцах (вместе с акад. В. В. Радловым).
- Müller, F. Allgemeine Ethnographie (Wien, 1873).

¹ Эту монографию, как уже было сказано выше, мы не могли достать.

- Müller, F. Der Ugrische Volksstamm (Berlin, 1837).
- Neumann. Asiatische Studien (Leipzig, 1837). Die Völker der südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwicklung (Leipzig, 1847).
- Pallas. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, I (1776).
- Pallmann. Geschichte der Völkerwanderung (1863).
- Pray. Annales veteres Hunnorum (Vindobonae, 1761).
- Rémusat, Abel. Recherches sur les langues Tartares (Paris, 1820).
- Richthofen. China, B. I.
- Риттер, Карл. Землеведение Азии, русск. перев., т. I (с дополнениями П. П. Семенова, СПб., 1850).
- Риттих. Материалы для этнографии России, т. I (Казань, 1870).
Четыре лекции по русской этнографии.
- Saint-Martin. Примечание у Lebeau, Histoire du Bas-Empire, томы II, III, IV.
- Семенов, П. П., см. Риттер.
- Соколов, М. Из древней истории Болгар (Спб., 1879).
- Thierry, Am. Histoire d'Attila et de ses successeurs (Paris, 1856).
- Труды V Арх. Съезда в России, изд. под ред. Уваровой. Москва, 1887.
- Труды Этнографического отдела Московского Общества Любителей естествознания за 1886 г., VII (Попов, Миллер, Корш, Анучин).
- Tomaschek. Рецензия на сочинение Иречека, История Болгар (в Zeitschrift für oesterreich. Gymnasium, 1877).
- Ujfalvy. Migrations des peuples et particulièrement celles des Touraniens (Paris, 1873).
- Услар, П. К. Древнейшие известия о Кавказе. Записки Кавказского Отд. Геогр. Общ. XII, 1881 и Собрание сведений о Кавказских горах, X.
- Fejer. Aborigenes et incunabula Magyarorum (Budaë, 1840).

Туркестанская * www.turklib.ru * Библиотека
— 123 —

- Флоринский, В. М. Первобытные Славяне по памятникам их доисторической жизни (Изв. Томского Унив., VII, 1895).
- Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstämme, 1837.
- Hunfalvy. Ethnographie von Ungarn (Budapesth, 1877).
- Шафарик. Славянские древности, т. I (1847, пер. Бодянского).
- Schmidt. Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens (St.-Pet., 1824).
- Schott. Über das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht (Abhandlungen Berliner Academie, 1847).

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

(Ко второму изданию).

Приступая к обзору литературы по нашему вопросу в XX веке, мы должны указать, что в этом обзоре, держась хронологической последовательности появления работ в печати, мы сочли необходимым классифицировать эти работы по их содержанию, дабы уяснить желающим ознакомиться с развитием научной мысли в этом отношении постановку отдельных частей вопроса, разработывавшихся иногда независимо одна от другой и, по существу содержания этих частей, специалистами различных областей науки. Руководясь этими соображениями, мы начинаем наше обозрение с собственно исторической стороны, имеющей в этом вопросе существеннейшее значение.

Вскоре после написания моей работы начали появляться статьи по гунскому вопросу известного сиолога проф. Хирта, сосредоточившего свое внимание на исторической стороне. Первая статья этого ученого, озаглавленная «Über Wolga-Hunnen und Hiung-nu» (Sitzungsberichte der philos.-philol. und histor. Classe der k. bayer. Acad. d. Wiss., 1899, Bd. II, Heft II, 245—278, München, 1900) касается исключительно вопроса об отношениях двух вышеупомянутых народов Хунну и Гуннов. Только из одного места его исследования (прим. на стр. 269) можно заключать, что Хунну (а следовательно и Гунны, так как эти два народа тождественны) были, по мнению Хирта, Турки:

слово Ху-хань-е он старается объяснить при помощи турецкого языка. Справедливо считая необходимым для правильного решения этого вопроса обратиться к первоисточникам, т. е. к известиям китайских летописей, этот исследователь особенно остановился на том месте из исторического сочинения Вэй-шу, в котором сообщается об области Сук-так, прежде называвшейся Янь-цай и лежавшей к северу-западу от Кан-гюя, о ее завоевании Хунну и о том, что правитель этой области Хут-ай-сы или Ху-ни-сы (Hut-ngai-ssi или Hu-ni-ssi), современный известию, принадлежит уже четвертому поколению со времени завоевания (ср. у Иакинфа, Собрание сведений, III, 166, где вместо Сук-так страна называется Су-дэ). По расчету расстояний, о которых сообщают китайские известия, Янь-цай (слово, которое есть переделка *Ἀρσοί* или Alan-orsi; читая с заменой в китайской транскрипции звука *r* звуком *n*, Arsaï — An-ts'ai) соответствует областям у Уральского моря. Оставляя в стороне несколько смелое отождествление «да-цэ», т. е. «большого моря» с Черным только потому, что известие о нем относится к половине V века, т. е. ко времени смерти Атилы, переходим к интересному толкованию имени правителя Сук-така. По расчетам Хирта, время завоевания этой области Хунну совпадает со временем появления Гуннов (ср. Аристов в «Живой Старине», 1896, III—IV, 293), а имя Хут-ай-сы есть китайская транскрипция имени Ирпак, одного из сыновей Атилы (Hut-ngai-ssi или Hut-ngai ki = Ignas, Ignach, Негнас, с заменой в китайской транскрипции звука *r* звуком *t*). Что касается до его мнения о стране Юе-бань, о которой так много писали исследователи нашего вопроса, то о ней Хирт сообщил тот же текст, что и Иакинф (III, 163); из него же ясно, что значительная часть народа пошла оттуда на Запад¹. Далее автор дает исторический обзор хуннских переселений, начиная с откочевания Чжи-чжи в половине I века по Р. Х. до из-

¹ Заметим, что отождествление У-суня и Юе-бани невозможно на том основании, что по данным китайских летописей эта вторая страна лежала к северо-западу от первой.

вестия об уходе части северных Хунну в Кан-гюй в конце I века по Р. Х. Тому, что Хунну давно обосновались в вышешних киргизских степях, автор приписывает и знакомство с ними западных писателей задолго до вторжения в Европу. Почти одновременно с этой статьей этот же ученый выпустил в свет исследование о генеалогической таблице Аттилы, сохранившейся у венгерского писателя Иоанна из Туроца. Разыскание о родословной Аттилы у венгерского писателя XV века Иоанна Туроцкого (F. Hirth, *Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk-Völker, I. Die Ahnentafel Attila's nach Johannes von Thurgócz*. Известия Академии Наук, т. XIII, № 2, 1900, сентябрь, стр. 221 — 261) представляет первое из исследований на более широкую тему о «дополнительных сведениях к истории турецких народностей по китайским источникам», которой почтенный синолог занимался уже раньше и которая несомненно стоит в связи с одним из величайших научных открытий конца XIX века — с открытием Орхонских памятников. Начиная исследование об истории Турков с гунского вопроса, Хирт признает как бы не нуждающимся в доказательстве турецкое происхождение Хунну. На первых же строках он прямо называет Хунну предками позднейших Ту-гю и Уйгуров. Указывая на то, что синолог Шотт (*Über das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht*), пытавшийся объяснить хуннские слова, привел их незначительное количество и к тому же из более поздних источников, наш исследователь устанавливает два необходимых условия при чтении китайских транскрипций: 1) слоги должны произноситься так, как они произносились, когда записывались (а не так, как произносятся теперь) и 2) необходимо принимать в соображение всевозможные звуковые переходы при транскрибировании иностранных слов на китайский язык. Отчасти основываясь на известиях китайских летописей, Хирт из всех позднейших турецких языков считает наиболее близким к хуннскому — уйгурский, что впрочем было уже высказано им ранее (см. *Über Wolga-Hunnen und Hiung-nu*, прим. на стр. 269).

В случае если какое нибудь хуннское слово отсутствует в уйгурском языке, автор предлагает искать его в одном из родственных уйгурскому современных турецких диалектов. Основываясь на вышеприведенных условиях, Хирт объясняет имя основателя хуннского государства Мао-tun (Мао-дунь) из турецкого Baktur (Бактур, Багадур), так как транскрибирование турецкого bak китайским шао доказывается одним местом в Орхонских надписях, а tun—tun, так как конечные китайские *n*, *k* и *t* заменяют, опять-таки по закону транскрипции, турецкое *r* (В конце статьи приложен подробный экскурс об этой транскрипции). Если тождество этих двух слов несомненно, то несомненно и достоинство методы. Затем автор переходит к родословной Аттилы, находящейся в *Chronica Hungarorum* Иоанна из Туроца и состоящей из 37 имен. Прежде всего возникает вопрос о достоверности источников этого писателя — тут же с первых шагов мы и наталкиваемся на существенное препятствие. Хирт указывает на то, что вопрос об источниках, которыми пользовался Иоанн из Туроца, остается совершенно невыясненным, сам же он решать его не берется, так как не считает себя специалистом по венгерской историографии. Кроме того он даже сознается в сомнениях, которые сначала возбуждала в нем эта таблица, во-первых, благодаря тому, что в числе предков Аттилы названы Ной и другие библейские личности, а, во-вторых, потому, что имена являются сильно искаженными (он особенно указывает на аллитерацию). Таким образом несомненно, по нашему мнению, теснейшая связь между вопросом об источниках Иоанна из Туроца и вопросом о достоверности генеалогической таблицы. Хирт сильно подкрепил бы свою гипотезу, если бы включил в свою статью, хотя бы посоветовавшись предварительно со специалистом по венгерской историографии, несколько соображений об этой связи. Родословная Аттилы является в этом сочинении предшествующей родословной Алмуса, которого венгерский писатель считает потомком Аттилы. Хирт указывает на то, что число имен слишком мало для заполнения хронологического промежутка от V до X века.

Таким образом, эта часть родословной, не говоря уже о вполне основательных сомнениях относительно происхождения мадьярских князей от гунской династии, — недостоверна или, по крайней мере, подозрительна. Из 37 имен родословной Аттилы нужно прежде всего отбросить 6 библейских имен. Таким образом остается 31 имя. Основываясь на том соображении, что Аттила вел свой род от хуннских правителей (III в. до Р. Х. — I в. по Р. Х.), Хирт думает найти сходные имена в таблицах правителей Хунну, приводимых в китайских летописях. Для этого он высчитывает приблизительно время жизни каждого из правителей потому же приему, который был применен им в статье «Über Wolga-Hunnen und Hiung-nu» и ранее Аристовым («Живая Старина», 1896, III—IV, стр. 293). Сравнивая таблицы, наш автор находит, что Mao-tun соответствует Beztur'u, что может, по его мнению, служить несомненным подтверждением гипотезы, так как Beztur венгерской хроники есть видоизмененное турецкое Baktur. Кроме того он находит сходство в четырех других именах. Lau-Schang, в переводе с китайского «почтенный», по мнению автора и В. В. Радлова, есть китайский перевод уйгурского möngi, mingi, что вполне отвечает соответствующему имени в венгерской хронике — Mike. Отожествлению следующих имен автор предпосылает догадку, что эта родословная заимствована из гунской или мадьярской героической песни, а потому и считает начальное *M* введенным для аллитерации. Это имя Miske он считает тождественным I-tschî-schö в таблицах хуннских правителей. Затем, пропуская несколько несходных имен, Хирт переходит к шестому поколению. Kulche венгерской хроники он считает видоизменением Kulku (смешение *ch* и *k* часто встречается в тексте хроники), а китайское Hu-lu-ku — транскрипция. Наконец, относительно имени Leuente наш автор предполагает некоторую порчу у венгерского писателя и, после некоторых соображений восстанавливая первоначальную форму Euelente и Ülüvente, сближает ее с китайским Hü-lü-k'üan-k'ü. Впрочем, Хирт не придает этому сближению большого значения и считает вполне

достаточным для доказательства имена *Beztur, Mike* и *Kulche*. В заключение автор считает возможным установить факт, что гунские цари происходили от хуннских шань-юев. Таково, в общих чертах, исследование почтенного синолога. Касаясь теории турчизма Гуннов, мы писали: «Ее сторонники исходят из несколько иных взглядов, чем представители других теорий. Они основывают свои выводы не столько на отдельных фактах, на толковании собственных имен, сколько на общих соображениях по поводу исторического хода событий и группировки племен. Такая точка зрения имеет многое за себя и, по нашему мнению, характеризует дальнейшее движение вперед». В настоящей работе Хирт, выказывая обычную большую эрудицию и знакомство с литературой, в *приемах* исследования является представителем прежних работ. Во всяком случае его гипотеза представляет интерес, и желательно рассмотрение специалистами очень важного в данном случае вопроса об источниках Иоанна из Турона. Такое же исследование о родословной Атиллы было помещено этим исследователем и в *Actes du XII Congrès des Orientalistes*, II (стр. 225—236)¹. Через год после этой статьи автор посвятил этому вопросу еще одну работу, озаглавленную *Hunnenforschungen* (*Keleti Szemle*, II, 1901, стр. 81—91 и 158—161), опять возвращающуюся к исторической стороне вопроса. Повторяя свои выводы из исследования генеалогической таблицы, автор высказывает общее соображение об этническом составе обоих народов — Хунну и Гуннов: хотя оба народа с самого своего появления в истории включали в состав своего государства различные народы, но важно то, что господствующее племя, непрерывно сохранявшее власть, было одно. Хунну была, по мнению Хирта, в основе своей Туркам; таковыми же были следовательно и Гунны. Автор отмечает далее те исторические факты,

¹ Начертание титула хуннских государей у Дегиня *Tan-jou* вк. шань-юй Хирт считал ошибкой, происшедшей от того, что Дегинь не обратил внимание на звуковые схолии. Иное объяснение этого, встречающегося в литературе, мы приведем далее.

которые способствуют отождествлению этих двух народов. Он указывает, что согласно западным известиям, во второй половине IV в. Гунны покорили Аланов; в то же время по китайским данным Хунну покорили Янь-цай или А-лань-па (An-ts'ai, A-lan, A-lan-pa, Alan-pa); эти известия при сходстве имен отождествляют покорившие народы. Как имеющие существенное значение в истории хуннских движений на Запад, он отмечает движение Чжи-чжи в половине I в. до Р. Х. и вторичное движение в конце I в. по Р. Х. Давая опять сообщение о посольствах в Китай из Су-дэ (Suk-tak, Sogdiana) и расчет поколений (как ранее в статье *Über Wolga-Hunnen und Hiung-nu*), он считает посольства, отправлявшиеся в V в., посылаемыми непосредственно Гуннами. В этой статье автор вносит некоторую поправку в свое прежнее чтение имени правителя Янь-цай, читая его короче: Ху-ни (Hu-ni, Hut-ngick, Hut-nik; такое же чтение давал этому имени в своем переводе и Иакинф) и продолжая отождествлять его с сыном Аттилы Ирнаком (Ernak, Ellak). Продолжавшиеся сношения Гуннов-Аланов с родичами их, жившими на границах Китая, он считает подтверждающими тожество Хунну и Гуннов. Наконец, в 1909 году Хирт еще раз высказался по нашему вопросу в статье *Mr. Kingsmill and the Hiung-nu* (*Journal of the American Oriental Society*, XXX, стр. 32—46), являющейся ответом на статью сиолога Т. Квингсмилля, оспаривавшего перевод Хиртом того текста о стране Янь-цай и ее покорении, на который главнейше опирался этот последний ученый в своем исследовании исторической стороны нашего вопроса¹. Повторяя приведенные выше соображения о тожестве Хунну и Гуннов на основании известия о покорении Хунну Янь-цай и Гуннами Аланов, Хирт опровергает делаемое Квингсмиллем ото-

¹ В одной из своих предшествующих работ Квингсмилль (Th. W. Kingsmill, *The ancient distribution of peoples on the western and northern frontiers of China*, *China Review*, XXV, 1901, 215—228), считавший, повидимому, опираясь на авторитет Уайли, Хунну Турками, отождествлял их с таковыми, основываясь на другой этимологии.

жествление Янь-цзя с Самаркандом, указывая между прочим на то, что описание этой местности, даваемое в китайских источниках, даст возможность точно определить ее положение. Имя правителя ее он и здесь продолжает читать по тому произношению, которое принял в предшествующей статье, т. е. Ху-ни. Добавим, что приводимый им текст имеется, как известно, давно в русском переводе Иакинфа, в сочинении которого было сходно определено и местоположение этой страны. По поводу этой местности, известие о которой послужило главным опорным пунктом для исследований Хирта по гунскому вопросу (кроме исследования генеалогической таблицы Иоанна из Туроца), отметим, что И. Маркварт (см. J. Marquart, Die nichtslavischen [altbulgarischen] Ausdrücke in der bulgarischen Fürstenliste, T'oung-pao, XI, 1910, стр. 661) считал еще одно название ее Уи-па-са (Уи-па-са), даваемое в Бэй-ши (в переводе Иакинфа Вынь-на-ша), китайской переделкой слова Хуна-стан, т. е. «страна Гунков». Наконец Хирт же в своей первой статье по этому вопросу отметил, что известие о светлой расе в Средней Азии, возводившееся к Истории Старших Ханей, на самом деле принадлежит лишь комментатору этой истории Янь-ши-гу, жившему на пятьсот лет после составления этой Истории, т. е. в VII в. Это соображение было высказано также затем и О. Франке (O. Franke, Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Skythen Central-Asiens в Abhandl. Berliner Akademie за 1904 г.), который, указывая именно на этот источник известия, более знакомого по цитате Ма-дуан-линя, подверг его подробному отрицательному разбору¹. Ф. В. К. Мюллер (на стр. 574 статьи,

¹ По поводу светлой расы в Средней Азии отмечу, что выдвигавшееся Н. А. Аристовым и Г. Е. Грум-Гржимайло сближение известий о ней с известиями о так называемых «длиннах», повидимому, не вошло в западную литературу. Шарпантье (на стр. 352 работы, о которой мы скажем далее) считал мнение об арийстве Усуней вероятным; он признавал их иранцами (см. стр. 359) на основании китайских известий об одновременности Усуней и Саков (см. на той же стр. прим. 3), сближал имя У-сунь с Asiāni у Страбона, Асани и Осетинами (там же, стр. 364), а сопоставление названия Янь-цзяй (Jen-ts'ai, An-ts'ai) с теми же

о которой мы скажем далее) сомневается в достоверности известий этих комментаторов, основываясь все также на соображении о значительном расстоянии во времени между этими комментаторами и комментируемыми ими известиями. И. Маркварт в своей работе о Команах (стр. 68; о ней мы скажем далее) счел известие Янь-ши-гу не поддающимся критике за трудностью, по его мнению, определения источников китайских комментаторов.

Обращаясь к существу содержания исследований Хирта, отметим прежде всего его мнение о тождественности ядра и главенствующего племени в государствах Хунну и Гуннов; мнение это такое же, какое высказано в нашей работе. Центр тяжести в исторических известиях он усматривает в известии о покорении Янь-цая, т. е. страны Аланов. Известие это, весьма важное для нашего вопроса (хотя мы и не склонны усматривать в нем основной пункт вопроса с исторической стороны), не было, как видно из нашей работы, пропущено в предшествующей литературе, при чем оно было указано даже до нас в работе Н. А. Аристова и при этом с хронологическим расчетом по числу поколений. При трудности восстановления иностранных имен в китайской транскрипции отождествление владельца страны Аланов Ху-ни с сыном Аттилы Ирнаком является сопоставлением, некоторыми отрицаемым (напр. сипологом Паркером в работе Немети, о которой мы скажем далее). Наконец, что касается до обследования Хиртом генеалогии Аттилы, то необходимо отметить, что эта сторона вопроса тесно связана с общим вопросом о связи Мадьяров с Гуннами (о нем мы будем говорить еще впоследствии), при чем, не отрицая возможности некоторых этимологических сближений, мы не имеем средства восполнить весьма значительный хронологический промежуток между известием относительно весьма позднего венгерского писателя и тем временем, к которому его та-

Азии признавал не надежным. Фейст в указываемой далее работе об Индогерманцах и Германцах в свою очередь высказывает сомнение в ариетстве Усуней (см. у него стр. 96—97).

блица относится, и при том чем далее по времени, тем более. Источник Иоанна из Туроца в этом отношении для нас не известен, равно как и его достоверность. Исторические данные, приводимые из доступных Хирту, как синологу, китайских источников, были, вообще говоря, известны из переводов и много ранее, переводились неоднократно¹ и с общей точки зрения сгруппированы в моей работе.

Интересный материал был внесен в изучаемый нами вопрос небольшим исследованием венгерского ученого К. Немети об историко-географических доказательствах тождества Хунну и Гуннов (Koloman Némäti, Die historisch-geographischen Beweise der Hiung-nu = Hun Identität, Budapest, 1910; работа эта появилась и на венгерском языке и в английском переводе в *Asiatic Quarterly Review*). Исходя из вопроса: можно ли доказать присутствие Гуннов к северу от Китая в эпоху Хунну историко-географически, автор указывает на латинскую карту блаженного Иеронима (карта эта хранится в Британском Музее), относящуюся к концу IV и началу V в. и считаемую ее исследователем К. Миллером вполне достоверной, что этим последним исследователем подробно обсуждается. На карту эту занесено более древнее жительство Гуннов, которые во время ее составления были уже в Европе: близ *Seresoppidum* помещены *Huniscite*, т. е. около Серики, Китая, отмечены *Huni-Scythae*, Гунны-Скифы. По исследованию источников карты можно предполагать, что она была срисована с недошедшей до нас римской карты, составленной при Августе в 7 г. до Р. X., а также с недошедшего

¹ Из таковых, кроме тех, которыми пользовался я, имеются переводы — Wylie, *History of the Heung-nu in their relations with China* in *Journal of the Anthropological Institute* (London), III, стр. 401—451 и V, стр. 41—80 (перевод известный из Истории Старших Ханей, совпадающий до 97 г. до Р. X. с известиями Сы-ма-цзя; перевод Wylie доведен до 25 г. по Р. X.); Parker, *The Turko-Skythain tribes in China Review*, XX, 1892—3, стр. 1—25, 109—126 (перевод до 58 г. до Р. X.); новейший перевод de Groot, *Die Hunnen der vorchristlichen Zeit, Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens*, I Teil, Berlin — Leipzig, 1921 (переводы до 92 г. до Р. X. и 25 г. по Р. X.).

Orbis Pictus Агриппы. Этой картой пользовался и ученик блаженного Иеронима Орозий, в известной географии которого *Huni-Scythae* помещены рядом с *Ottorokorra*. Следующим историко-географическим фактом является для автора упоминание Страбона о распространении власти бактрийских царей до *Σηρών και Φάβων* (Немети, по сличении рукописей Страбона, считает правильным чтением второго имени *Φάβνοι*, не *Φρόνοι*, *Φρόροι*, *Γρουαίοι* и другие формы в рукописях Страбона и у других авторов). Источником Страбона для этого известия было утраченное сочинение Аполлодора, хронологически же это известие относится к 200 г. до Р. Х. Наименование Гуинов в одной редакции готского предания о них (*Historia Miscella*) — *Fanni Ficarii* (*homines silvestres*) автор считает исходящим от того же блаженного Иеронима, ибо это выражение известно в его Вульгате, в другой же редакции того же готского предания (у Иордана) выражение *Fanni Ficarii* заменено *Spiritus immundi* (*spiritus immundus* — демон), выражением, тоже происходящим у блаженного Иеронима. Это прозвище автор сближает с тем, которое Китайцы давали Хунну: Гуи-фан, значащее «демоны».

Таково в основных чертах исследование Немети. Переходя к обсуждению его, отметим прежде всего весьма важный и не приведенный до того факт — упоминание Гуинов на карте блаженного Иеронима. В этом главная заслуга его исследования. В этом факте мы имеем известие из западных источников даже не о Гуивах, а о Хунну. После тщательного исследования К. Миллера, издателя этой карты, вполне можно предполагать римский ее источник и относить этих Гуинов-Скифов к эпохе Р. Х., т. е. именно к тому времени, когда государство Хунну существовало на Севере от Китая. Слово Скифы уже и в то время было общим наименованием для кочевых народов Средней и Северной Азии и Восточной Европы; остается следовательно только имя Гуинов, имя этническое, являющееся тождественным имени народа Аттилы, хорошо известного составителю карты, блаженному Иерониму. Что касается далее до известия у Страбона, то сближение

народа *Φαῖνοι* с Гуннами делалось еще Томашеком (в *Sitzungsberichte Wiener Akademie, phil.-hist. Classe, Band CXVI, 1888, стр. 760*; он-же говорил о *Chuni* у Орозия близ *Seres* и *Ottorocorgrae* — стр. 759), по мнению которого Тохары и Фуны, жившие между Саками и Серами, были Тибетцами и Гуннами, при чем эти народы упомянуты у Плиния, как *Phuni* и *Tochari*, живущие, как и *Casprii*, к северу от Индии. До них (Фунов) и Серов доходила власть бактрийских царей. Отожествление Фунов и Гуннов Томашек делал на основании легкого перехода звука *φ* в *х* и обратно. Отрицая отожествление Томашека, Маркварт (*J. Marquart, Über das Volkstum der Komänen* в *W. Bang — J. Marquart, Osttürkische Dialektstudien, Berlin, 1914, в Abhandl. der königl. Gesellsch. der Wissenschaften zu Göttingen, phil.-hist. Classe, Neue Folge, Band III, № 1, стр. 64—65*) считает имя *Φαῖνοι* индийским *Bhautta, Bhuta* и признает их несомненно Тибетцами (Бод), отстраняя таким образом какую бы то ни было их близость к Гуннам. Заметим, что нам представляется предпочтительным усматривать у греко-римских писателей сопоставление этнических имен, более сравнимых в их историческом значении, что в ту эпоху более соответствует понятиям Хунну и Китайцев (Серов). Интересно отметить, что исследователи, отождествлявшие *Φαῖνοι* с Гуннами, либо основывались на фактических соображениях (как Томашек), либо усматривали сознательную замену народного имени созвучным порицательным (как Неметя), при чем последнее само по себе не невероятно, особенно по аналогии со сходными переделками имени Гуннов и Китайцев¹ и других народов, что отмечено в нашей работе. Может быть, было бы проще усматривать тожество *Φαῖνοι* и Гуннов, отмечая лишь неособенно существенное различие в передаче начальных звуков (или звука) или ошибочность написания (такого мнения держится Шарпантье в указываемой далее работе). Не отрицая

¹ Толкование значения китайских наименований Хянь-юнь, Хун-юй и Хун-ну даёт в своей работе и О. Франке.

возможности того, что прозвание *Fauii Ficauii* восходит к блаженному Иерониму, мы считаем, что передаваемое Немети готское предание вообще имеет характер сказания, лишенного исторического значения. По поводу сближения специально с китайским прозвищем Гуй-фан отметим, что еще Шаванич в рецензии на работу Немети (в *T'oung-Pao*, XI, 1910, стр. 306—307) отметил, что название не всегда применялось только к Хунну, но также и к племенам, жившим на юго-западе от Китая. Коснувшись известий западных писателей о Гуннах, отметим несколько дополнительных соображений. К. Миллер в обстоятельном труде своем о древних картах (K. Miller, *Maprae mundi, Die ältesten Weltkarten*, VI, Stuttgart 1898), восстанавливая карту известного тогда мира по Дионисию Периегету (табл. VI), помещает с Севера на Юг на западном берегу Каспийского моря народы в таком порядке — *Hunni, Caspii, Albani*, по Страбону (табл. VIII, 2) — *Utii, Caspii, Albani* по Эратосфену (табл. VIII, 1) лишь *Casprii* и *Albani*, и таким образом не выводит упоминание об Утиях (Ултиях, Куитнях) у Страбона из Эратосфена. Маркварт в упомянутом сочинении своем (стр. 75), приводя известие Иордана (и Приска) о том, что Гунны называли Днепр «вар», считает это имя не этническим, а топографическим, т. е. происшедшим от имени реки. ¹⁾ Тот-же ученый в своей ранее вышедшей работе (*Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*, 1903) для названия области к Востоку от Азовского моря предпочитал чтение *Εὐδουσία* в Перипле Эвксинского Понта, чтению *Εὐδουσία* у Прокония; по моему мнению второе чтение более правильно, ибо я считаю это название греческим и слово Эйлюзия лучше этимологизируемым, чем Эйдузия ²⁾. Подводя итог результатам, добытым

¹⁾ В работе *Ueber das Volkstum der Komanen*, стр. 76, этот ученый считает имя *Ουζρῶνιτιχ*: не составным (*Ουζρ* и *Χωνι*, *Ουζρ* и *Χωννί*), а означаящим люди с Вархона (Орхона).

²⁾ По поводу известий Дионисия Периегеты, Страбона и Эратосфена, а также по поводу слов «вар» и Эйлюзия обращаю к сказанному в моей работе.

Сомнение в правильности этой этимологии высказано печатно Pelliot в его статье по поводу работы Маркварта о Команах в *Journal Asiatique*, 1920, Avril—Juin, стр. 141.

работой Немети, особенно отмечаем ценное указание на карту блаженного Иеронима. Известие Страбона частью было уже известно в литературе. Готское же предание не имеет исторического значения.

В связи с приведением и разбором историко-географических данных отметим довольно подробные соображения по нашему вопросу, предпосланные Шарпантье его исследованию о происхождении Тохаров (см. Jarl Charpentier, *Die ethnographische Stellung der Tocharen* в *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, том 71, 1917, стр. 347—389). Указывая на то, что большинство исследователей считает Хунну Турками, он думает, что греческое Φαῦνοι, латинское Phuni есть передача с опиской имени Хунну (см. у него стр. 351 и 354—5). Автор не знаком с исследованием Немети и признает известия Страбона и Плиния древнейшими на Западе об этом народе в форме Φαῦνοι, Phuni (см. у него стр. 355—6). Интересны в параллель неизвестных Шарпантье Huni-Scythae отмечаемые им на *Tabula Pentingeriana* и у Ровеннского Географа Utio-Scythae (т. е. Utii-Scythae), которые сблизаются им с Уйтиями (у Плиния вместо этого имени стоят Udini, см. у него, стр. 356). Так же, как и мы в нашей работе, Гуннов у Дионисия Периегета он не считает возможным отождествлять с этим Уйтиями. Он отмечает интересный факт упоминания Дионисием Периегетом и Οὔνοι и Φροῦνοι, при чем последних считает перешедшими к нему из более древних авторов. Интересно также, что это-же имя он находит у Иордана, именно в форме Phrini (см. стр. 355 его статьи; греческие варианты у Дионисия Периегета и латинские у Плиния приведены у него на стр. 355, пр. 3 и 354, пр. 7). Считая Гуннов Дионисия предками позднейших Гуннов (см. у него, стр. 356, пр. 5), этот ученый отождествляет в основе Хунну и Гуннов.

Некоторое движение получил также вопрос об отношениях Гуннов и Мадьяров. Собственно языковые отношения не рассматривались в литературе подробно со времени отмеченных в моей работе исследований Вамбери. Касаясь вопроса о гунских

влияниях в венгерском языке, венгерский лингвист Б. Мункачи (B. Munkácsi, *Hunnische Sprachdenkmäler im Ungarischen* в *Kéleti Szem'le*, II, 1901, стр. 186—198) отметил с общей точки зрения лишь то, что по его мнению восточно-алтайские элементы в венгерском языке проникли через турецкое (по типу чувашское) посредство; это внесено по его мнению в язык Угров Гуннами¹. Н. И. Ашмарин в работе его о Болгарах и Чуваших (Болгары и Чуваши, Казань, 1902, из Изв. Каз. Общ. Арх., Ист. и Этн., XVIII), считая Гуннов Турками и предками Болгар и ссылаясь на отождествление имени Ирик в родословии болгарских князей с именем сына Аттилы Эрнак, сделанное Марквартом (см. у него, стр. 4—5), гунские слова «вар» — река, Днепр и имя жены Аттилы Кечка (Керка, *Krékka* у Приска, *Helche*, *Herche* и т. д. в германском эпосе)², сближает с чувашскими *вар* «долина» и старочувашским именем *Херке* (от слова «хер» = девушка; Денгизих отжествляет с турецких *дениз*, Аттила с *итиль*, *идиль*, указывая на чувашскую замену звука *d* звуком *t* — см. у него, стр. 51—56).

Подробно был рассмотрен вопрос о взаимодействии народных преданий и их исторической основы в отношении Гуннов и Мадьяров в большой работе И. Блейера (J. Bleyer, *Die germanischen Elemente der ungarischen Hunnensage* в *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, Band XXXI, 1906, стр. 429—600). В виду значения мадьярского предания для выяс-

¹ В подвергаемом сомнению старо-пергерском алфавите, резном, дошедшем в памятниках от XIV до половины XVIII в., имеющемся даже в двух вариантах, именуемых, «гунно-скифским» и «команским», исследователь его венгерский ученый Кираль-де-Дада усматривал сходство с письменными знаками египетского и орхонского алфавитов (см. статью этого ученого — P. Király de Dada, *Researches in Hunno-skythic in Babylonia and Oriental Record*, VI, 1892—93, стр. 227—236). Ср. по этому поводу также надпись на золотом сосуде из Nagy Szent-Miklos, которые венгерские ученые означают древнейшим образчиком турецкой письменности и возводят к Болгарам (J. Strzygowski, *Altai-Iran und Völkerwanderung*. Leipzig, 1917, стр. 166—167, где указана литература).

² В предшествующей литературе имя *Krékka* сопоставлялось с славянским корнем, от которого происходит название города Кракова.

нения происхождения Гуннов мы в самых кратких словах ознакомим с выводами этого исследователя. Во введении (стр. 429—438) автор рассматривает литературу вопроса (преимущественно венгерскую), при чем устанавливает, что преобладающее мнение считает происхождение Мадьяров от Гуннов плодом письменных влияний поздней литературы. Огносясь отрицательно к разбору Хиртом венгерской генеалогии Аттилы, считая таковую результатом книжного воздействия, он отстраняет непосредственную связь Мадьяров и Гуннов, ибо Гунны считаются им Турками, не имеющими непосредственной этнической связи с Мадьярами — Угро-Финнами (стр. 447). В конечном выводе собственного исследования (стр. 584—5) устанавливается, что отождествление Гуннов и Мадьяров развилось уже после поселения последних в их нынешнем местообитании и при том под славянским влиянием (стр. 592); основа же предания является германской, специально восточно-готской. Интересно замечание автора о Секлерах (стр. 584—585), у которых он определяет наиболее древним гунское предание; причину этого он установить не может и считает, что это может быть выяснено лишь тогда, когда, как он говорит, выяснится весь секлерский вопрос вообще. Понутно, наконец, автор говорил об остатках гунского языка, сохранившихся, как известно, почти исключительно в собственных именах (стр. 451 сл.). Имя *Mundzuk* у Иордана, *Μουδίουχος* у Приска, тождественное *Bendacuz* въ мадьярском предании, еще Мюлленхоф выводил из германского языка, какового происхождения, следуя тому же Мюлленхофу, являются *Ruga*, *Ostar* и *Bleda*, тогда как *Ellac*, *Hernach* и *Dengizich* — имена «варварские». Имя *Buda* автор считает сомнительным, ими же Аттилы скорее всего считает готским («Väterchen») ¹. Добавлю, что Вреде (*F. Wrede, Über die Sprache der Ostgoten, Strassburg, 1891*) считал готским имя гота *Walamer'a* (стр. 57 его соч.), имеющее,

¹ У него приведены и другие производства этого имени; отметим, что Гримм выводил это имя из слова «птиль».

быть может, аналогию в гунских именах, имя же Totila, которое Grimm этимологизировал из готского (Tota, «Väterchen») и признавал однозначным с именем Аттилы, по мнению Вреде (стр. 135—136), кельтского происхождения². Мы приводим в этом случае эти этимологии потому, что хотя не существует теории готского происхождения Гуннов, но в небольшом обобщающем сочинении Р. Муха (R. Much, Deutsche Stammeskunde, 1920, 3-ье изд., стр. 37) о племенном составе германцев, Гунны, хотя считаются Турками, но находившимися под сильным готским влиянием, с готскими обычаями господствующего племени (имена Attila, Bleda, Munzuk Мух считал готскими). Наконец, в связи с вопросом о взаимоотношениях Гуннов и Мадьяров, отметим, имея в виду главным образом имя исследователя, статью известного специалиста по урало-алтайским языкам Винклера о финнизме Мадьяров (H. Winkler, Das Finntum der Magyaren в Zeitschrift für Ethnologie, XXXIII, стр. 157—171); статья эта, предположительно признающая Гуннов и Аваров Финнами или отчасти таковыми, обращает внимание на ясно выраженный монгольский тип в собственно мадьярском населении Венгрии³.

В противоположность изучению языкового материала, оставшегося от Гуннов, значительно большее внимание уделялось в литературе тем памятникам языка, которые дошли до нас от Хунну. Это впрочем понятно, так как, во-первых, от языка Хунну до нас дошли не только собственные имена, как от языка Гуннов, а и не-

² Имена, составленные с hun (Hunimund, Hunila и др.), Вреде следуя Мюллерхофу, считал не имеющими отношения к Гуннам, так как имеются таковые до их появления в Европе, и поводит к др.-сев. hōnn — «catulus, ursinus» (см. стр. 82 его соч.); ср. Grundriss der germanischen Philologie, 2-te Ausgabe, III, стр. 300.

³ Отмечу еще, не имеющую впрочем существенного для нас значения, работу А. К. Fischer'a, Die Hunnen im schweizerischen Eifischthale und ihre Nachkommen bis auf die heutige Zeit, Zürich, 1896 (автор венгерец), известную мне лишь по рецензии в Intern. Archiv für die Ethnographie, 1896, стр. 228 сл. В этой работе автор старается установить, что население одной долины в кантоне Вальлис в Швейцарии, по преданию, потомки Гуннов, переселившихся из северной Италии, действительно таковые.

которое количество других слов, а, во-вторых, со времени открытия и дешифровки Орхонских памятников более или менее неслабно существовал интерес к ознакомлению с языками и письменными памятниками, дошедшими до нас в той или иной форме от древних времен истории северо-восточной Азии.

Опять-таки через короткий срок после написания моей работы японский ученый Ширатори опубликовал свои наблюдения над сохранившимися в китайских источниках словами языка Хунну (K. Shiratori, Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türkvolker, II. Über die Sprache der Hiungnu und der Tunghu-Stämme, в Изв. Акад. Наук, 1902, сентябрь, т. XVII, № 2, стр. 01—033, о хуннских словах спец. на стр. 01—07). В небольшом предисловии к своему разбору автор отмечает имена некоторых ученых, высказывавшихся по поводу племенной принадлежности Хунну (при чем неправильно считает основателем теории турцизма Дегиня, за коим яко бы последовали Клапрот, Риттер, Коскинен и др.; поддерживавшими монгольскую теорию он считает Иакинфа и Неймана), и в первый раз после нас в литературе упоминает точку зрения, устранявшую этническую принадлежность и имевшую в виду лишь политическое соединение (разумея Каёна). Упомянув также некоторые объяснения хуннских слов из более известных языков предшествующими исследователями (из турецкого и тунгусского, из турецкого и монгольского), автор считает наиболее близким к истинному народному имени произношение *Кунну* (Kungnu), основываясь, во-первых, на том, что до нас дошло в китайских источниках более точное произношение (именно Кунну), а, во-вторых, на том, что в тунгусском языке Орхонских памятников при наличности звуков *k* и *g*, не было звука *x*. Переходя к толкованию слов, автор отмечает таковых 16, при чем всем им дает объяснения из турецких языков (последние 5 слов составляют собственно ту хуннскую фразу IV в. по Р. Х., о которой мы говорили в нашей работе). Слова эти, приводимые без указания аналогий в других алтайских языках, кроме первого слова Ch'ang-li=турецко-монгольскому Tängri (небо), следующие:

тягул Shen-yü (yü произносилось ранее как ku, gu), Tang-yü, Tang-hu = čong (tschong) в чагатайском (большой), Jen-chi = abetschi, iptschí, evcí (жена), Teu-lo = cür (с Вамбери) (могила), Eu-ta = oла (с Вамбери) (землянка), T'ushi, T'uk'i = dogru (по Шлегелю), либо вернее tüz (мудрый, правильный), King-lo = kilici (меч), Kū-ts'z' = kuz (дочь, девушка), Ki-lien, hoh-lien = küklär (небо), Küh-kieh = kul-kischi (слуга), T'ieh-fah (древняя форма Tietbat, Tietvat) = temur (железо); последние пять слов, составляющие фразу — siu-k'i, t'i-li-kang, puh-koh, k'ü-t'u-tang сближаются с орханским söngüsh и турецк. tolgan, орх. bödig (титул в винительном падеже) и турецк. кор и tuta (согласно смыслу китайской фразы, означаящему благоприятное предсказание: по выступлении войска в поход — враг [приводится собств. его тягул] будет вполне разбит). Добавим, что автор далее сомневается в тунгузском происхождении Дун-ху, при чем приводит всего два слова, дошедшие из их языка и объясняемые автором одно — из турецкого и другое — из монгольского языков.

После работы Ширатори хуннуский языковой материал был подробно рассмотрен в работе В. А. Панова (К истории народов Средней Азии. I. Сюн-ну (Хунну). Турецкое происхождение народа Сюн-ну (Хунну) китайских летописей, Владивосток, 1916). Задачей работы являлось исправление этимологий Ширатори, при чем с исторической стороны отметим мнение автора о смешанности этнического состава, но важности истории «основного политического ядра организации» (стр. 1 его соч.), а с фактической по отношению к предмету исследования признание автором трудности установления отдельных слов по китайской транскрипции (стр. 80). Шагом вперед является у Панова сравнительно с Ширатори указание в некоторых случаях того времени, к которому относится упоминание того или другого хуннуского слова в китайских источниках, что весьма важно для установления хронологического критерия в отношении хуннуского языкового материала, а также отметки Пановым при объясняемых словах — имеет ли данное турецкое слово аналогии в других алтайских языках или

нет. Панов подверг разбору 14 слов, при чем не все они совпадают с теми, которые привел Ширатори. Слова эти следующие: самое характерное слово Дзюй-цы или Гюй-цы = кыз (дочь, девушка), только турецкое и встречающееся у Хунну около 28 г. до Р. Х.; Янь-ши, Э-ши = йичи, йбчи или инджи, инчи (жена), только турецкое и встречающееся около 200 г. до Р. Х.; Оу-то = одак, отак от слова от (огонь), (землика) только турецкое и около 80 и 200 гг. до Р. Х.; Ту-ци = вероятно тугы, тукы (от тук) (верховный главнокомандующий), с монгольской, но вероятно заимствованной из турецкого апалогней; Тан-ли, Чэн-ли = турецко-монгольское тенгри (лишь в Истории Старших Ханей); Тоу-ло = турук (могила, стоянка), без аналогий, лишь диалектически в монгольском языке; Гу-ту — Панов сравнивает с уйгурским титулом Идикут и орхонским кут, считая лишь передачей общего смысла китайского титула тянь-цзы, «сын неба»; Тань-юй, иначе Дань-юй (принимая таким образом транскрипцию Дегиня), которое нужно читать Дань-гань = турецк. тамган (владелец); Ци-лянь = турецк. сілік (чистый) с монгольскими аналогиями (собст. значит небо), около 121 г. до Р. Х. у Сы-ма-цяня; слова Чи-лянь и Хэ-лянь не ясны; Жо-ди слово китайское; Дзин-лу — камлу (шаманский меч); Лю-ли вероятно только окончание слова — лу, лы, ли. Об известной хуннуской фразы Панов не упоминает.

Наконец, в самое последнее время Ширатори опубликовал свою вторую работу, озаглавленную «О происхождении Хунну», но основывающуюся на языковом материале (K. Shiratori, Sur l'origine des Hiong-nu в Journal Asiatique, ССII, № 1, 1923, стр. 71—82). Статья эта представляет суммарное изложение соображений автора, приведенных им в японских журналах. Автор, считая единственным источником для определения этнической принадлежности Хунну их язык, отмечает, что словом Ху (варвары) означались собственно Хунну, тогда как Дун-ху (восточные варвары) означало лишь подразделение Ху вообще, и язык Хунну считает монгольским, смешанным с тунгузским, а их самих Монголами, смешанными с Тунгузами (потомки их — Солонь

и Дауры)¹. Из 23 слов Хунну, им собранных, он объяснил яко бы: 4 из турецкого, монгольского и тунгузского языков, 2 из монгольского и тунгузского, 14 из монгольского и лишь 1 из турецкого (king-lu = qingraq по Хирту). К сожалению он в этой статье не дает анализа этих слов, а ограничивается лишь некоторыми примерами. Титул Цень-ли-ко-то-шань-юй он толкует из турецко-монгольского tengri, тунгузского gutó (считая, что если бы это слово было то же, что в уйгурском титуле Идикут, то кут было-бы выражено в китайской транскрипция не двумя иероглифами, а одним) и просто китайского шан-юй = houang-ti (шань = большой, юй = широкий в китайском языке). Слово, ранее транскрибировавшееся им Yen-chi, транскрибируется им по произношению Танской эпохи Но-ше и сближается с тунгузским oši, ašin (жена, женщина). Слово, означавшее «дочь, девушку» (Kiü-ts'eu), автор считает не турецким gız, а опять-таки китайским — kong-tchou, к которому близко созвучное монгольское, вероятно заимствованное из китайского. При всем этом, однако, автор отмечает, что по мнению большинства исследователей по сие время Хунну считаются этнически Турками.

Мы нарочно несколько подробнее остановились на лингвистических анализах хуннуского языка, чтобы ознакомить интересующихся с такой стороной вопроса, которая привлекла к себе особенное внимание в литературе нашего вопроса. По этому поводу скажем, прежде всего, что, при всей желательности анализа языковых памятников Хунну, по данным пока материалам нужно считать, что эти языковые памятники не только не могут являться решающими в изучаемом нами вопросе (как то отмечает Ширатори в своей последней статье), но по существу являются вовсе не достаточными, по крайней мере в том освещении, в котором они до сего времени представлялись. В самом деле, дают ли ясное представление об этнической принадлежности народа каких ни-

¹ Заметим от себя, что Солоны и Дауры считаются вообще просто тунгузским народом.

будь два три десятка слов, дошедших в трудно разбираемой китайской транскрипции и при этом от времени протяжением в несколько столетий и от народа, приходившего в разнообразные этнические соприкосновения и включавшего в себя различные этнические элементы. Не отрицая важности объяснения этих слов, мы по поводу их толкований должны сказать то, что говорили по поводу этимологии и словопроизводства по отношению к нашему вопросу ранее в нашей работе. Повидимому, пока толкование хуннского языка почти не выходит за пределы объяснения тех языковых элементов, которые ничего не дают для историко-этнографической стороны дела (каковы титулы и собственные имена). Обращаясь к общему разбору приведенных языковых материалов, отмечу прежде всего относительно последней работы Ширатори, что попытки (вернее гипотезы) толковать хуннские слова из монгольского языка не являются новостью и в новой литературе. Так, венгерский языковед Б. Мункачи в рецензии на первую работу Ширатори (помещена в *Keleti Szemle*, IV, 1903, стр. 240—253, спец. 240—246), считая сближение k'ò-c' (Гюйцы) с турецким кыз совершенно правильным, выводил su k'i скорее из монгольско-турецкого *čerik*, *čerig* «войско», t'i-li-kang из монгольского *dajla* «воевать», ru-ko из монгольского *bügü* «все», k'u-t'o-tang из монгольского *kitu* «убивать». Из этих соображений он склонялся рассматривать хуннский народ, как смешение монгольских и турецких племен, смешение, аналогичное тому, каковое представляли из себя и Гунны¹. Скажем далее, что для нашего вопроса в его существующем положении мы считаем более важным те соображения общего характера, на которые мы

¹ Ср. краткие, отрицающие точные фонетические разграничения монгольского и старо-болгарского, старо-чувашского языков замечания в книге Z. Gomboz, *Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache*, Helsinki, 1912 (*Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, т. XXX), стр. 31 сл. и 188 (у него же на стр. 131 приведена догадка Рамстеда о происхождении слова *tümen* во всех алтайских языках из китайского — *mān* = 10000, *tümān* = «десяти тысячной»).

опирались ранее, чем одностороннее рассмотрение только одной стороны его (языка). Хунну назывались именно этим именем, слово же Ху, означающее «варвары», распространялось на них как и на других не китайцев Китайцами, а название Дун-ху, как уже отмечалось, может быть сопоставляемо с переделкой слова Тунгуз. Сближение ко-то в титуле хуннских ханов с тунгузским словом *gudó* еще до Ширатори сделал, как то указано в нашей работе, проф. Шотт, признавая однако возможность сходного образования и в восточно-турецких языках. В нашей работе, кроме того, было указано, что Клапрот отмечал в турецких наречиях Сибири слово «куту» в значении «родственник, двоюродный брат» и сопоставлял это слово с ко-то в титуле хуннских ханов¹. Некоторые другие слова, приводимые автором в этой статье, отождествляются им с китайскими, а потому являются заимствованными и ничего не дающими для суждения об этническом составе Хунну. Переходя к работе Панова и первой статье Ширатори, отметим, что хотя оба они исходили в своих работах из задачи толкования хуннских слов из турецких языков, однако толкования их не всегда сходятся, что отчасти находит себе объяснение в факте, отмеченном Пановым, именно в сложности, иногда полной невозможности восстановления по китайской транскрипции. Как пример разногласия толкований приведем слово *дзин-лу*, которое Паркером и Хиртом сближалось с «кинграк», Ширатори с «килич», Пановым с «камлу»; все выводили из турецкого языка и у всех получалось подходящее значение. Наоборот, интересно признаваемое исследователями турецкое слово «кыз» (дочь, девушка) — Дзюй-цы или Гюй-цы, определяемое в языке Хунну около времени Р. Х. Заслуживает внимания затем толкование загадочного титула *шань-юй* у Панова — *Даь-юй* = Тамган. Наконец существенно мнение Ширатори о правильном произношении имени Хунну, как Кунну, т. е. Кун. Это обращает

¹ Заметим, что в Сравнительном Словаре турецких языков В. В. Радлова отмечено в телеутском языке слово «куда» в значении «друг, близкий».

наше внимание на значение имени Хунн¹, о котором мы писали в нашей работе и которое имеет отношение к имени Команов. В недавней работе своей о Команах, Маркварт, не занимавшийся вопросом об этимологии имени этого народа, очень много говорил о турецком этническом имени Кун, но не связывал его с племенем Хунну или Кунну (более древнее произношение по его передаче Нун-уок), каковое он возводил к языку индоевропейских племен Средней Азии, так наз. тохарского происхождения (последнее, по мнению автора, ошибочно; см. стр. 64—65 его работы). Заметим, что мы не видим основания, почему Хунну должны были иметь своим родовым именем слово чуждого им арийского языка². Отметим по поводу восстановления хуннских слов в китагских транскрипциях по древнему китайскому произношению указания некоторых ученых — например Ф. В. К. Мюллера (см. его статью *Tohrī und Kuisan [Küšan]* в *Sitzungsberichte der Berliner Akademie* за 1918 год, спец. стр. 568—9) и следующего за ним С. Фейста (*S. Feist, Indogermanen und Germanen, 2-te Auflage, Halle, 1919, стр. 98 и 100*; автор видимо отождествляет Хунну и Гуннов, см. стр. 96), что это восстанавливаемое древнее произношение не идет далее Танской династии, т. е. VII—X вв. и не достигает эпохи Ханьской династии, т. е. первых веков до и после Р. Х.; эти соображения весьма важны в нашем вопросе, ибо хуннские слова, как и вся вообще история этого народа, относятся именно к Ханьскому времени. Определенно отрицательное отно-

¹ В прежней литературе не было недостатка в этимологиях этого имени, по большей части произвольных. Так например Томашек в упомянутой статье в *Sitzungsber. Wiener Ak.* выводил имя из турецкого корня *bn, bnā* — «расти», а еще раньше его Эрдман (*F. Erdman, Temugschin der Unerschütterliche, Leipzig, 1862*), считавший Хунну и Гуннов Турками (см. стр. 79 и 98 его соч.) производил его из турецкого числительного «десять» — «он» (*On — Уйгуды — см. стр. 112 его соч.*).

² Того же мнения о малой вероятности арийского происхождения имени держится и Pelliot, ук. ст. ниже, стр. 136—137, хотя древнее произношение Кунну этот ученый считает произвольным. Имя *Кобуцз* у Приска (вождь Кидаритов) Маркварт однако сблизил с турецким *Qin-qan*, хан Кунов (цит. соч., стр. 70).

шение к реконструкции древне-китайского произношения выражено П. Пеллио (в *Journal Asiatique*, 1920, Avril — Juin, стр. 151 сл.), рекомендующего даже пользоваться древним произношением в его известной форме лишь с лингвистическими целями и указывая при этом, что произношение есть реконструкция (стр. 153 его статьи). Что касается, наконец, до также в свое время отмеченного нами сближения имен хунвуского шаньюя Ту-маня, отца основателя могущества Хунну, и тугуйского хана Ту-мыня, сделанного еще до нас Шоттом, то Хирт в статье своей о генеалогии Аттилы также сближал эти имена с турецкими словами — туман или тюмень.

В заключение нашего разбора литературы о языковых остатках Хунну укажем, что в целях историко-этнографических, кроме преодоления трудностей китайской транскрипции иностранных слов и имен, в нашем вопросе (поскольку это опять-таки возможно при количестве и качестве наличного материала и древности эпохи) важна историческая точка зрения на урало-алтайские языки.

Оканчивая наш разбор новой литературы по гунскому вопросу, мы считаем нужным привести мнение об этнографической принадлежности интересующих нас народов в исследованиях и сочинениях общего характера за последнее время, каковые сочинения служат показателем общих взглядов на положение научного вопроса. В новейшем общем сочинении о славянских древностях Л. Нидерле (см. его соч. *L. Niederle, Manuel de l'antiquité slave, I, L'histoire, Paris, 1923*), говоря, что теория славянства Гуннов, предложенная еще Венелиным, была в свое время опровергнута и сошла со страниц научной литературы (см. в его соч. стр. 177, пр. 3), называет Гуннов Турками (см. у него, стр. 73 и 176—7; у него же на стр. 52 и 53 о словах мед и страва). Далее скажу несколько слов о трудах Г. Е. Грум-Гржимайло, продолжателя много сделавшего по нашему вопросу Н. А. Аристова. В его сочинении, вышедшем одновременно с моей работой и озаглавленном «Историческое прошлое Бэй-шаня в связи с историей Средней Азии» (СПб., 1898), соответствующем на-

чалу II тома его «Описания путешествия в Западный Китай» (СПб., 1899), он подробно касался вопроса, интересующего нас, особенно конечно китайских Хунну и их передвижений (см. все начало первой главы, особенно стр. 24—25 о передвижении на Запад, 29—30 прим. о Юе-бани¹ и о Хунну и Гуннах, каковых автор считает тождественными; см. также т. III, СПб., 1907, стр. 461). Отожествляя Хунну и Гуннов, он считает Хунну древнейшими Турками, появляющимися в истории Средней Азии (см. его соч., стр. 246). При этом случае, в целях освещения имеющих отношение к нашему вопросу историко-этнографических данных, мы скажем несколько слов об одном факте из древней истории Средней Азии, связанном с судьбами Хунну. Говоря о возникновении в начале IV в. по Р. Х. в восточной части Тибета особого, так наз. тугухуньского царства, предшественника Туфаньцев или Тибетцев (VII—VIII в.), Грум-Гржимайло по поводу известия Бодимура (XV в.) о шара-шарайгол-тулухуньцах (тугухуньцах) высказывает мысль, что автор Бодимура слил в одно современных ему сары-уйгуров (шара-шарайголы) с древними тугухуньцами или тогонцами (см. его Опис. пут., II, стр. 27 и 43—44, III, стр. 30—31 и 58). Тугухуньское царство обязано было своим возникновением прикочевавшей из Ляо-дуна части сянбийского рода Муюн (в начале IV в.), которая образовалась в Амдо и у Куку-нора в особое владение. Не касаясь вопроса о действительной этнической принадлежности этого рода (Сянь-би, как известно, вообще считаются Тунгузами), мы несколько остановимся на имени господствовавшего рода, по которому царство получило свое название. Грум-Гржимайло считает, что Тогон и Тугунь значило по всей вероятности «тогонские люди». Мы думаем, что наименование царства Тогонским есть позднейшая этимология — от монгольского слова «тогон» — «котел». В основе царство носило название Тугю-хун и означало Ту-гю —

¹ Отожествление Yüe-pan, Yuet-pat, Yet-pat с Avar (Авары) приводится в статье K. Shiratori, Über den Wu-sun-Stamm in Centralasien, Keleti Szemle, III, 1902, стр. 133 (об этой стране вообще начиная со стр. 130).

Хунны, т. е. Турки — Гуны. Это то же название, которое носило одно племя, встреченное китайским буддийским паломником Сон-юнем (начало VI в. по Р. Х.) при проходе его через «движущиеся пески» — Ту-гю-Хунь, письмо которых было сходно с письмом Вэйцев (см. Terrien de Lacouperie, *Beginnings of writing in Central and Eastern Asia*, London, 1894, стр. 120 — Tuh-Kiueh-'hun). Не останавливаясь на этнической принадлежности основателей предшествовавшего Туфаньскому царства, отмечаем это наименование, имеющее значение для изучаемого нами вопроса. Из общих сочинений кроме ранее нашей работы вышедшего труда сиолога Паркера о древней истории восточной части Средней Азии (E. H. Parker, *A thousand years of the Tatars*, 1895, стр. 1 — 5, 132 — 2, 156, 168, 177), в котором признается турцизм Хунну (тоже и в упомянутой работе О. Франке)¹, отмечу работу Хирта о древней истории Китая (*Ancient history of China*, 1908), в которой Хунну считались Турками. Турками же называл Хунну и Ф. Шварц в его работе о Туркестане (F. Schwarz, *Turkestan, die Wiege der indogermanischen Völker*, Freiburg, 1900, XIX, 15, 140). Наконец, И. Маркварт в своей работе о Команах (цит. соч., стр. 69) косвенно высказывается о народности Хунну и их отождествлении с Гуннами, говоря, что Усуни говорили по турецки, ибо были рано «гуннизированы» (Ф. В. К. Мюллер в цит. статье, стр. 574 считает, что Хунну несомненно говорили по турецки)².

¹ Е. Н. Кеане в *Ethnology*, Cambridge, 1896, стр. 301, считал Хунну Турками тождественными Гуннам, но в *Man past and present*, Cambridge, 1899, следуя Хоурсу, отождествлял Хунну с Монголами, признавая их тождественными Гуннам.

² Из популярных кратких обзоров древней истории Средней Азии упомяну статью Saint-Yves, *Les peuples retrouvés de l'Asie Centrale*, *Revue Scientifique*, 1900, стр. 173—178 и 204—207 (с добавлением Zaborowski, стр. 466—467), которая впрочем не говорит об этнической принадлежности Хунну. Назову еще две популярные статьи, которые я не видел — Washburn, *The early history of the Turks*, *Contemporary Review*, LXXX, стр. 249—263 и Pini, *Origine e vicende dei popoli del l'Asia Centrale*, *Rivista Italiana di Sociologia*, 1906, стр. 493—513).

Археологические находки, так много внесенные в изучение древней истории Средней Азии Орхонскими открытиями, ничего не дают непосредственно для гунского вопроса. Это и неудивительно при значительно большом расстоянии по времени Хуннуской истории от истории Тугуйцев. Отмечу только одну раскопку — именно произведенное Ю. Талько-Грынцевичем обследование Суджинского могильника в Забайкальской области, подробно им описанного (см. его работу Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади Троицкосавского округа Забайкальской области в Трудах Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Русск. Геогр. Общ., т. I, вып. 2, 1898, Москва, 1899, стр. 1—77 и приложения, табл. I—XXVI). Из обряда погребения в срубе выясняется, что погребавшееся племя было пастушеское, скотоводческое. Предметы, найденные при погребении, отличны от минусинских медных находок — находятся железные вещи; предметы более высокой культуры и железо являются вероятно результатом сношений с Китаем; среди находок имелась круглая бронзовая пластинка (обломок) с 6 знаками, отличающимися от так наз. среднеазиатских рун в надписях на древних могилах Монголии (см. цит. работу, стр. 9 и 46 и табл. XII, рис. 36). Подводя итог своей раскопки, Талько-Грынцевич (стр. 39 цит. работы) отмечает, что могильник насыпан смешанной расой, может быть турецкого происхождения, до заселения этих мест Монголами. В следующей своей работе, посвященной этому же вопросу, этот исследователь (см. его статью, Древние обитатели Центральной Азии, там же, т. II, вып. 1—2, стр. 61—76, 1899, Москва, 1900; эта работа посвящена также в Русск. Антропологическом Журнале, т. I, № 2, 1—11) для выяснения территории и пути следования народа, соорудившего эти могильники со срубам, отмечает важность выяснения направления этого погребения далее на Восток и установление связи с погребением того же рода, находимым в Минусинском крае (см. стр. 64 его ст.). Наконец, в третьей работе по тому же вопросу (Древние обитатели Забайкалья в сравнении

с современными инородцами, там же, т. VIII, вып. I, 1905, СПб., 1906, стр. 32—52), подводя итоги своих раскопок в Забайкальском округе в археологическом и антропологическом отношениях, классифицируя добытый материал и указывая заимствование погребенным в срубах населением из Китая вещей и железа, он отмечает их среднеголовость (см. стр. 39 и 45) и дает следующие определения: «Можно полагать, что погребение в срубах относится к первым векам после Р. Х.» (стр. 38); похороненные в них «по китайским источникам, не суть ли те из тюркских племен, которые в середине III в. до Р. Х. сплотились в одно могущественное государство Хун-ну» (стр. 46). Отмечаем эти последние работы особенно потому, что именно археологические памятники дали повод к лучшему ознакомлению с древней историей Средней Азии, начавшемуся с дешифровки орхонских надписей.

Туркестанская * www.turklib.ru * Библиотека

